

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Забайкальский государственный университет»

И. Н. МАМКИНА

**РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ (1864–1917 гг.)**

Монография

Чита
Забайкальский государственный университет
2016

УДК 37:94(571.5)

ББК 74:63.3

ББК 44:Т3

М 223

Рекомендовано к изданию
Советом по научной и инновационной деятельности
Забайкальского государственного университета

Рецензенты

Г. Ф. Быкоя, д-р ист. наук, профессор,
Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева

Л. В. Кальмина, д-р ист. наук, вед. науч. сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук

Мамкина, Инна Николаевна

М 223 Развитие системы общего образования в Восточной Сибири в условиях модернизации (1864–1917 гг.) : монография / И. Н. Мамкина ; Забайкал. гос. ун-т. – Чита : ЗабГУ, 2016. – 318 с.

ISBN 978-5-9293-1744-6

В монографии рассмотрена история развития системы общего образования в Восточной Сибири в контексте модернизационных процессов, охвативших социально-экономическую сферу во второй половине XIX – начале XX века. Дана комплексная характеристика структурным элементам системы общего образования, выявлены её региональные особенности. Определена степень влияния модернизации на развитие системы образования.

Работа предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, интересующихся историей образования.

УДК 37:94(571.5)

ББК 74:63.3

ББК 44:Т3

ISBN 978-5-9293-1744-6

© Забайкальский государственный
университет, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение	7
Глава 1. Формирование региональной системы управления общим образованием	52
1.1. Специфика развития системы общего образования в контексте геополитических особенностей Восточной Сибири	52
1.2. Изменение правовой базы общего образования	71
1.3. Формирование ведомственных органов управления образованием в регионе	95
1.4. Становление институтов общественного представительства в системе общего образования: виды и направления деятельности	120
Глава 2. Модернизация системы общего образования	142
2.1. Развитие начальной школы в контексте геополитических особенностей региона	142
2.2. Совершенствование начальной школы: проблемы модернизации	161
2.3. Модернизационные векторы развития средней школы Восточной Сибири	181
Глава 3. Особенности кадрового обеспечения системы общего образования	221
3.1. Законодательное регулирование профессиональной подготовки педагогических кадров	221
3.2. Формирование социально-правового статуса учителя: региональные особенности	227
3.3. Модернизационные процессы в реализации кадрового обеспечения системы общего образования	249
Заключение	286
Библиографический список	292

Предисловие

Уважаемый читатель!

Перед Вами монография И. Н. Мамкиной «Развитие системы общего образования в Восточной Сибири в условиях модернизации (1864-1917 гг.)». Тема, заявленная автором, относится к разряду вечно актуальных. История показала, что образование является одним из определяющих факторов, влияющих на развитие общества во все времена. Проблема модернизации системы образования продолжает сохранять свою актуальность и сегодня. Создание эффективной, конкурентоспособной системы требует осмысления исторического опыта её становления и функционирования в условиях широкомасштабных социально-экономических преобразований. Историческая реконструкция и выявление роли системы образования в модернизации Восточной Сибири, как неразрывной составной части России, позволит восполнить пробелы и расширить научную базу по истории образования.

Монография И. Н. Мамкиной представляет собой первое комплексное исследование образовательного пространства Восточной Сибири в условиях модернизации. Автор исследовала все аспекты данной проблемы: правовую базу, структуру управления, общественное участие, типологию учебных заведений, кадровый потенциал, социальный состав учительства, выявила региональные особенности. В основу монографии положен широкий круг архивных, по преимуществу, делопроизводственных источников, материалов, выявленных более чем в тридцати фондах центральных и региональных архивов. Введён в научный оборот массив ранее неизвестных документов Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), Национального архива Республики Саха (Якутия), государственных архивов Иркутской области и Забайкальского края. Автор рассматривает систему образования в пределах географического понятия «Восточная Сибирь», то есть на примерах Иркутской, Енисейской губерний, Забай-

кальской и Якутской областей. Эти губернии, области и их население были тесно связаны между собою общностью развития социально-экономических процессов в составе империи, социокультурными, религиозными и иными традициями. Поэтому приводимый автором материал даёт богатую почву для компаративного анализа развития процессов образования в исследуемом регионе. Несомненным достоинством является основательная проработка законодательной базы, регулирующей деятельность системы образования. И. Н. Мамкина впервые провела исследование системы управления образованием, выявила структурные элементы, порядок формирования, пределы полномочий учебной администрации Восточной Сибири. В монографии значительное внимание уделено изучению общественной составляющей в системе образования. Проведено исследование роли сибирской общественности в деле развития образования. Автор даёт всестороннюю характеристику типам учебных заведений, действовавших в регионе. На обширном фактическом материале определяется степень воздействия модернизационных процессов на систему образования. И. Н. Мамкина впервые затрагивает вопрос об особенностях государственной службы учителей в Восточной Сибири. Монография содержит данные о персонах служащих учителей, инспекторов, директоров народных училищ.

Исследование, проведённое И. Н. Мамкиной, даёт целостное представление о развитии системы образования Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Работа предназначена для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей исторического факультета, читателей, интересующихся вопросами истории.

Л. М. Дамешек, д-р ист. наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Бурятия, Иркутский государственный университет

Введение

Процесс вхождения Сибири в состав Российской империи, начавшийся в XVI в., имел длинную историческую перспективу¹. Начавшаяся экономическая модернизация Сибири проходила в условиях расширения восточной окраины, постепенно интегрируемой в общероссийское пространство. Наиболее ярко модернизационные процессы проявились в XVIII в. в горнодобывающей сфере, что вызвало синхронное появление первых горнозаводских школ, что, по нашему мнению, является одним из проявлений одноименных процессов и в системе образования, и иллюстрирует взаимосвязь модернизации и системы образования.

Углубление модернизационных процессов в социально-экономической сфере обусловило спрос на разные виды и уровни образования. Буржуазные реформы середины XIX в. создали оптимальные условия для его развития. В Европейской части России система образования получила развитие под воздействием общественной инициативы, реализуемой через механизм земских органов. Учитывая отсутствие в Восточной Сибири дворянского сословия и земств, развитие региональной системы происходило в рамках геополитических интересов государства и общественной модернизации, что вызвало определённые особенности её развития.

В данном контексте большое значение имеет проблема изучения особенностей геополитического положения региона. По мнению М. В. Шиловского, процесс геополитического «охвата» Восточной Сибири начался в конце XVI в., продолжался несколько столетий и не был завершён накануне революции 1917 г.² К геополитическим особенностям следует отнести огромную, слабозаселённую территорию с неработанными природными ресурсами; пёстрый этнический

¹ Дамешек Л. М. Народы Сибири в административной системе Азиатской России XVIII – начала XX века. учеб. пособие. – Иркутск. Изд-во ИГУ, 2016. – 230 с

² Шиловский М. В. Геополитическая значимость Азиатской России для России в XVIII – начале XX в. // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития – Екатеринбург, 2008. – С. 648–653

и конфессиональный состав населения; суровые климатические условия; значительная удалённость от центра при слабой транспортной инфраструктуре; непосредственное соседство и взаимодействие с Китаем и Монголией. Учитывая совокупность факторов, можно сказать, что Восточная Сибирь занимала приграничное положение как в международном значении, так и в общемперском пространстве, находясь между ядром империи и осваиваемыми окраинами. Указанные факторы, несомненно, отразились на социально-экономической модернизации края и обусловили специфические черты, выразившиеся в «административном фронтире»¹, милитаризации региона, транспортной обособленности, конгломератности социально-экономического пространства. Тем не менее, усиление модернизационных процессов середины XIX в. привело к интенсификации социально-экономического развития и ускорению интеграционных процессов.

Система образования создавала условия для более глубокого модернизационного воздействия на общественное развитие, ускоряя процесс дифференциации и формирования местной буржуазной прослойки. Обеспечивала функционирование административной системы посредством подготовки чиновничества мелкого и среднего звена. В экономическом развитии система образования способствовала распространению современных научных сведений и подготовке технических кадров. Более того, наличие развитой системы образования отчасти влияло на заселение края русскими и сохранение его в составе империи, что является стратегически важным в условиях приграничного положения. Изучение исторических аспектов развития системы образования играет важную роль в установлении глубины проникновения модернизационных процессов в социально-культурную сферу приграничного региона.

Отражая модернизационные процессы, система образования подвергалась их влиянию. Модернизация выразилась в широком распространении и повышении качества начального образования; профилировании системы управления; фор-

¹ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX – начале XX века проблемы регионального управления // Отечественная история. – 1994. – № 2.

мировании элементов общественного управления; развитии технического направления в средней школе; становлении женского образования и т. п. Развиваясь в контексте геополитических особенностей региона, система приобрела некоторые специфические черты.

Таким образом, проблемы развития системы образования вписываются в широкий круг вопросов, актуальных для современного сибиреведения, таких, как определение формирующего начала системы образования, степень участия общественности в её развитии, проблемы управления и кадрового обеспечения, роль образования в модернизационных процессах приграничной территории, и требуют всестороннего и тщательного изучения.

Данное исследование представляет собой попытку комплексного изучения истории развития системы общего образования в Восточной Сибири в условиях модернизации середины XIX – начала XX в.

Осознание властями и обществом значимости образования приводит к формированию системы образования, которая на долгие годы становится предметом обсуждения, а в дальнейшем – детального изучения. В общепринятом значении под системой образования принято понимать модель, объединяющую институциональные структуры (школа, университет, дошкольные образовательные учреждения и др.), основной целью является образование обучающихся в них. В контексте данного понятия длительное время проводились разного рода исследования, где, как правило, предметом изучения становились отдельные элементы системы – университеты, гимназии, начальная школа, учебные программы. Обобщающие труды также включали сведения по совокупности учебных заведений различного типа. Однако мы считаем, что это не совсем верно. Система не может действовать изолированно от государства и общества. Осуществляя интересы государства и общества, система находится с ними во взаимосвязи. В рамках образовательной деятельности создаются специальные элементы, осуществляющие взаимодействие общества, государ-

ства и школы. Следовательно, понятие системы образования более широкое. В контексте современного социального развития в российском образовании закрепилось обновлённое понятие системы, которое получило юридическое закрепление.

Новый федеральный закон дополнил систему образования структурными элементами. На современном этапе развития под системой образования принято понимать совокупность взаимодействия структур, в число которых входят образовательные стандарты и программы различных уровней и направленности; организации, реализующие образовательные программы, педагогических работников, обучающихся и родителей; органы, осуществляющие управление в сфере образования, федерального, субъектового и местного уровня; организации, осуществляющие обеспечение образовательной деятельности; объединения юридических лиц, работодателей и их объединений, общественных объединений, осуществляющих деятельность в области образования⁴. Таким образом, данное понятие наиболее объективно отражает структурный состав системы образования, включая всех его участников.

Исследования по теме традиционно распределяют на дореволюционные, советские и постсоветские. Дореволюционную историографию группируют по политическим взглядам авторов консервативного и либерального направления. В советский и постсоветский периоды прибегают к проблемно-хронологическому порядку изложения. Первую группу представляют публикации, вышедшие в 1920-х гг., затем работы 1930–1950-х гг., 1950–1980-х гг. и современные исследования.

Основным предметом изучения дореволюционных работ консервативного характера становится деятельность государства в области образования. В этом ключе необходимо назвать фундаментальный труд С. В. Рождественского, освещающий деятельность Министерства народного просвещения за столетний период⁵. В хронологической последовательности ав-

⁴ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.12. – № 273.

⁵ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. – СПб., 1902. – 776 с.

тор на основе богатого фактического материала реконструирует деятельность Министерства. В контексте изучения темы работа содержит сведения об организации управления учебными заведениями Восточной Сибири с указанием нормативных актов, закрепляющих властные структуры, характеризует типологию учебных заведений. Общее представление о позиции государства относительно образования представляет труд члена Синодального учебного комитета С. И. Миропольского. Автор затрагивает проблему введения обязательного образования и оценивает роль государства в данном вопросе⁶. Необходимо отметить, что работы данного направления ввели в источниковую базу широкий круг нормативных актов, которые были доступны авторам по роду их деятельности. Объединяет всех авторов консервативного направления положительная оценка деятельности государства в области образования⁷.

Авторы либерального направления отдавали ведущую роль в развитии просвещения земствам⁸. О просветительской деятельности земств писали В. И. Чарнолуский, Г. А. Фальборк, Е. Д. Максимов, Н. В. Чехов⁹. Земские учебные заведения характеризовались с положительной стороны. При сопоставлении их с министерскими школами считалось, что земские наиболее соответствуют требованиям общества. Среди либерального течения ряд работ рассматривали государственную просветительскую деятельность как препятствие народному образованию, а просвещение как объект столкновения

⁶ Миропольский С. И. Школа и государство. Обязательность обучения в России. – СПб., 1883. – 260 с.

⁷ Фармаковский В. И. Начальная школа Министерства народного просвещения (по официальным источникам). – СПб., Рус. шк., 1900. – 200 с.

⁸ Веселовский Б. Б. История земств за сорок лет. – СПб., 1909–1911. – Т. 1–4. Чехов Н. В. Народное образование в России с 60-х годов XIX в. – М., 1912. – 224 с.; Чехов Н. В. Типы русской школы в их историческом развитии. – М.: Мир, 1923. – 148 с.; Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. – Ч. 2. Церковь и школа (вера, творчество, образование). – СПб., 1897. – 375 с.

⁹ Чарнолуский В. И., Фальборк Г. А. Народное образование в России. – СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1900. – 263 с.; Максимов Е. Д. Очерки земской деятельности по подготовке и обеспечению учителей народных школ // Народная шк. – СПб., 1888. – С. 27–35

интересов государства и общества¹⁰. В целом, либеральное направление способствовало формированию устойчивого представления об успешной и эффективной земской школе, нередко преувеличивая её успехи.

С появлением гимназий в 1870 г. женское образование становится предметом изучения. Одна за другой появляются работы В. Овцина и О. Пиллера, освещающие женские школы в сравнении с европейской системой образования¹¹. Обобщающим трудом по данной проблеме стали работы О. Е. Лихачевой¹². Авторы единодушно соглашались с необходимостью дальнейшего развития женского образования.

В сибиреведческой литературе деление на работы либерального и консервативного направления выражено слабо. Публикации первой половины XIX в. представлены отрывочными сведениями путешественников, учёных, краеведов, общественных деятелей Сибири. Информацию об учебных заведениях мы находим в работах вице-губернатора Н. В. Семивского, директора училищ И. Е. Миллера, писателя-краеведа Н. С. Щукина, сибирского историка, учителя Нижнеудинского уездного училища В. Паршина, визитатора училищ П. А. Словцова¹³. Работы носят описательный характер и являются определённой точкой отсчёта в изучении региональной истории просвещения.

¹⁰ Вахтеров В. П. Всенародное школьное и внешкольное образование. – Петроград, 1917. – 168 с.; Звягинцев Е. А. Инспекция народных училищ. – М., 1914. – 132 с.; Звягинцев Е. А. Полвека земской деятельности по народному образованию. – М., 1915. – 88 с.; Корф Н. А. Наши учительские семинарии // Вестн. Европы. 1883. – Т. 2. – Кн. 4. – 788 с.; – Т. 3. – Кн. 5. – С. 324–341.

¹¹ Овцин В. Развитие женского образования (ист. очерк). – СПб., 1887. – 42 с.; Пиллер О. Итоги женского образования в России и его задачи. – СПб., 1888. – 102 с.

¹² Лихачева О. Е. Материалы для истории женского образования в России (1085–1865 гг.). – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – 894 с.; Чехов Н. В. Типы русской школы в их историческом развитии. – М.: Мир, 1923. – 148 с.

¹³ Семивский Н. В. Новейшие, любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири. – СПб., 1917. – 472 с.; Миллер И. Е. Краткое историческое обозрение учебных заведений в Иркутской губернии // Периодические сочинения об успехах народного просвещения. – 1810. – № 27. – С. 416–428, Щукин Н. С. Поездка в Якутск. – М., 1833. – 231 с.; Паршин В. П. Поездка в Забайкальский край. – М., 1841; Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1886. – 765 с.

Затрагивает вопросы образования в губерниях и областях Восточной Сибири публикация П. П. Гадзятского и Н. А. Перловского¹⁴. В статье Н. Виноградова «Начальное образование в Якутской области и меры по его упорядочению» затронуты проблемы организации управления учебными заведениями на обширной, малозаселённой территории области¹⁵. Сведения по организации учебного дела в отдельном учебном заведении представлены в статье М. П. Овчинникова «Материалы по истории народного образования в Олёкминском округе»¹⁶. Отметим, что дореволюционные работы авторов по якутским школам носят фрагментарный характер, однако они представляют историческую ценность, поскольку являются единичными публикациями по истории просвещения области. Учебным заведениям Иркутска и Красноярска посвящены работы И. В. Щеглова, Н. Н. Бакай¹⁷. Работы по-прежнему остаются разноплановыми, с преобладанием публикаций по светскому образованию.

Несомненным достижением историографии второй половины XIX в. является труд Г. Я. Маляревского, представляющий собой обзор системы образования Сибири с привлечением материалов Министерства народного просвещения и ведомства православного вероисповедания¹⁸. Являясь сторонником церковного образования, автор доказывал преимущество церковно-приходских учебных заведений. Работа Г. Я. Маляревского представляла собой новый, более качественный уровень региональной историографии в области истории просвещения.

¹⁴ Гадзятский П. П., Перловский Н. А. Деятельность Министерства народного образования в далёком Якутском крае. – Иркутск, 1893.

¹⁵ Виноградов Н. Начальное образование в Якутской области и меры по его упорядочению // Журн. МНП. – 1907. – № 7.

¹⁶ Овчинникова М. П. Материалы по истории народного образования в Олёкминском округе // Сибирский архив. – 1912. – № 3. – С. 152–156.

¹⁷ Щеглов И. В. Некоторые исторические сведения об Иркутской губернской гимназии. – Иркутск, 1881; Бакай Н. Н. К двадцатипятилетию Красноярской женской гимназии (1869–1894 гг.). – Красноярск. Тип. А. Д. Жилина, 1895; Бакай Н. Н. К вопросу об изучении истории Сибири. – Красноярск, 1890

¹⁸ Маляревский Г. Я. Очерки истории и современного состояния народного образования в Сибири. – СПб., 1896. – 88 с.

В работах начала XX в. необходимо отметить публикации А. И. Линькова, который достаточно резко указывал на недостатки сибирской школы¹⁹. Значительный вклад в изучение иркутской школы внёс Я. Корейша, подробно описав деятельность первых учебных заведений Иркутска, привлекая сведения о количестве и социальном составе учеников, воспитательных процессах в губернской гимназии²⁰.

В целом, историография дореволюционного периода в основном представлена работами нарративного характера, написанными представителями различных общественных групп, нередко выражающих противоположные точки зрения. За исключением официальных работ, остальные публикации характеризуются фрагментарностью изложения и их редко можно назвать полноценными научными исследованиями. Основная проблематика дореволюционных работ сводилась к качеству образования и проблеме повышения общего уровня грамотности населения. Poleмика между представителями консервативного и либерального течения позволяет составить общее представление о положении системы образования, оценить её достоинства и недостатки.

Внимание исследователей в первые годы советской власти сосредоточилось на внешкольном образовании и участии учителей в революционном движении²¹. Среди первых работ советского периода можно выделить труды Н. В. Чехова и Н. С. Юрцовского, отличающиеся обобщающим ха-

¹⁹ Линьков А. И. Рост учебного дела в Восточной Сибири // Сибирский архив. – 1912. – № 7. – С. 505–543; Линьков А. И. Из жизни иркутской гражданской школы // Тр. Иркут. учёной архивной комиссии. – 1913. – Вып. 1.

²⁰ Корейша Я. Исторический очерк Иркутской губернской гимназии (1789–1905). – Вып. 1. Иркутское главное народное училище (1789–1805). – Иркутск, 1910. – 75 с.; Корейша Я. Исторический очерк Иркутской губернской гимназии (1789–1905). – Вып. 2. Губернская гимназия с 1805 по 1829 год. – Иркутск, 1915. – 304 с.

²¹ Зеленко В. А. Практика внешкольного образования в России. – М., 1922. – 241 с.; Русаков С. История внешкольного образования в связи с вопросом о тейлоризации внешкольной работы // Изв. Сибирского обл. политпросветинститута. – Вып. 1. – Томск, 1922; Данилыч (Иванов Ф. И.) Из опыта внешкольной работы (воспоминания о работе в дореволюционной деревне). – М., 1925; Малиновский Н. А. Народный учитель и революционное движение. – М., 1926

рактором²². Особую целостность представляет работа Н. С. Юрцовского. Автор обобщил сведения по развитию народного просвещения в Сибири. К сожалению, Восточная Сибирь не получила широкого освещения. Достоинством работы можно считать фактическое отсутствие идеологических установок. Н. В. Чехов, описывая типы школ, основное внимание уделил строительству советских учебных заведений и лишь в общих чертах обобщил сведения по дореволюционной школе. Свободой суждений о создании профессионального сообщества советских учителей отличается работа С. Г. Дулина. Автор критикует методы советской власти по консолидации учителей²³. В целом, для работ 1920-х гг. характерно отсутствие идеологических установок, что обуславливает их ценность и даёт возможность более объективного анализа.

Работы, вышедшие в 1930-50-х гг., напротив, подвержены жёсткому политическому влиянию и идеологическим установкам. Несмотря на политическую подоплеку, многие работы до сих пор являются востребованными в современных исследованиях. Нельзя обойти вниманием труд Н. А. Константинова и Е. Н. Медынского по истории педагогики с характеристикой различных типов школ, оценкой нормативной базы²⁴. В 1949 г. вышла работа Н. А. Константинова и В. Я. Струминского, где авторы доказывали, что проблема развития российского начального образования в XIX–XX вв. решалась под воздействием пролетарского движения успешнее, чем во многих странах Западной Европы и Америки²⁵. Монографию В. З. Смирнова отличает критическое изложение процесса реформирования школы в середине 1860-х гг.²⁶ Автор, придерживаясь офици-

²² Чехов Н. В. Типы русской школы в их историческом развитии. – М.: Мир, 1923. – 148 с.; Юрцовский Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири. – Новониколаевск, 1923. – 304 с.

²³ Дулин С. Г. Союз работников просвещения СССР в резолюциях его съездов и конференций. – М.: Работник просвещения, 1925.

²⁴ Константинов Н. А., Медынский Е. Н. Очерки по истории советской школы за 30 лет. – М.: Учпедгиз, 1948. – 471 с.

²⁵ Константинов Н. А., Струминский В. Я. Очерки по истории начального образования в России. – М.: Учпедгиз, 1949. – 206 с.

²⁶ Смирнов В. З. Реформа начальной и средней школы в 60-х годах XIX в. – М.: АПН РСФСР, 1954. – 310 с.

альных установок, даёт негативную оценку государственной образовательной политике середины XIX в.

Необходимо отметить появление в 1950-х гг. первых работ по истории педагогического образования. Учительским семинариям посвящён ряд статей Н. В. Зикеева и А. М. Арсеньева, в которых авторы дают противоречивую оценку их деятельности²⁷. Так, Н. В. Зикеев оценивает семинарии положительно. А. М. Арсеньев, напротив, обвиняет Зикеева в «идеализации учительских семинарий» и даёт негативный отзыв по поводу их деятельности.

Проблемы дореволюционного образования становятся предметом изучения сибирских историков в конце 1940-х гг. Одной из первых работ по теме можно считать статью Ф. Ф. Шамахова, посвящённую истории развития дореволюционной школы Западной Сибири²⁸. Вопросы развития школы Восточной Сибири Ф. Ф. Шамахов не рассматривал, но его публикации дали толчок к изучению истории сибирского образования в целом²⁹.

В 1959 г. появилась обобщающая работа А. П. Панчукова «История начальной и средней школы Восточной Сибири», в которой исследуется история образования с XVIII по XX в. Автор рассматривает историю школы неотрывно от истории педагогического образования. В отдельных главах представлены сведения о подготовке учителей, что даёт целостное представление о функционировании системы образования в регионе³⁰. Однако работа не лишена исторических пробелов. Основное внимание автора сосредоточено на деятельности Иркут-

²⁷ Зикеев Н. В. Деятельность Д. Д. Семенова в Кубанской учительской семинарии // Сов. педагогика. – М.; Л.: АПН. – 1946. – № 4–5. – С. 93; Арсеньев А. М. Против идеализации учительских семинарий // Сов. педагогика. – 1947. – № 12. – С. 47–59.

²⁸ Шамахов Ф. Ф. Первые школы Западной Сибири // Учёные записки Томского гос. пед. ин-та, 1949. – Т. 7; Шамахов Ф. Ф. Динамика развития общеобразовательной школы Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Учёные записки Том. гос. пед. ин-та, 1955.

²⁹ Жолудев Д. Г. Краткая история школ Красноярского края (до Великой Октябрьской социалистической революции). – Енисейск, 1961. – 155 с.

³⁰ Панчуков А. П. История начальной и средней школы Восточной Сибири. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1956. – 512 с.

ской и Красноярской учительских семинарий, упоминается о Читинской и нет сведений по остальным учебным заведениям. Существуют пробелы и в типовой характеристике школ, за рамками исследования осталась деятельность дирекций и инспекций народных училищ. Проблемам национального образования посвящена «История бурятской школы» В. И. Андреева³¹. Работа характеризует положение школы и проблемы подготовки национальных педагогических кадров.

Одной из разрабатываемых проблем 1960–80-х гг. становится изучение школьной политики самодержавия. Авторы анализировали причины и ход школьных реформ, оценивали позиции их организаторов³². Э. Д. Днепров отстаивал мнение о тесной взаимозависимости образовательной и внутренней политики государства. В данный период публикуется ряд работ обобщающего характера. Значимость истории образования для отечественной исторической науки наглядно показана в 12-томном издании «Истории СССР с древнейших времён до наших дней», содержащем тематические разделы по истории образования³³. В 1960-е гг. историография пополнилась обобщающим трудом по истории Сибири, где второй том содержит сведения по народному просвещению³⁴. С соблюдением хронологической последовательности в культурологиче-

³¹ Андреев В. И. История бурятской школы (1804–1926 гг.). – Улан-Удэ Бурят кн изд-во, 1964. – 365 с.

³² Днепров Э. Д. Церковь, самодержавие и народная школа во второй половине XIX в. // Вопр. истории педагогики – М., 1972. – С. 18–39; Днепров Э. Д. Правительственная политика в области начального образования в конце 60–70-х гг XIX в. // Очерки истории школ и педагогической мысли народов СССР Вторая половина XIX в. – М., 1976. – 481 с.; Лиленкова А. П. Из истории правительственной политики по начальному образованию в России в начале XX в. – Горький, 1981. – 219 с.; Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 60-х – начала 90-х гг.). – М., 1970. – 442 с.

³³ История СССР с древнейших времен до наших дней. в 2 сер., в 12 т. / гл. ред Б Н Пономарев. – М. Наука. 1966–1980.

³⁴ История Сибири с древнейших времен до наших дней. в 5 т. Т 2. гл. ред А П Окладников – Л.: Наука. 1968. – 458 с.

ском аспекте написана монография А. Н. Копылова, вводящая в научный оборот новые данные и по развитию просвещения в Сибири³⁵.

Представляют значительный интерес работы В. Г. Лейкиной-Свирской и Н. М. Пирумовой, появившиеся в 1980-е гг.³⁶ Авторы проводят историко-социологические исследования, освещающие процесс формирования и деятельности различных профессиональных групп интеллигенции, в том числе и учительства. В работах С. И. Штамма, В. Р. Веселова, Ф. Г. Паначина освещаются вопросы строительства новой советской системы образования, роли партии в развитии народного образования, участия учителей и учащихся в революционном движении³⁷. Авторы сходятся на положительной оценке деятельности советской власти в сфере педагогического образования, но не затрагивают вопросы отношений между властью и учителями, не принявшими советскую систему образования.

По-прежнему малоизученной оставалась проблема подготовки педагогических кадров в царской России. По подсчётам Э. Д. Днепров, в 1918–1977 гг. вышло в свет всего 95 научных работ и было защищено только 14 диссертаций, посвящённых педагогическому образованию (1,7 % от всего числа диссертаций, защищённых в данный период по истории дореволюционной школы)³⁸.

³⁵ Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XX века – Новосибирск, 1974. – 366 с.

³⁶ Лейкина-Свирская В. Г. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. – М.: Мысль, 1971. – 152 с.; Лейкина-Свирская В. Г. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. – М.: Мысль, 1981. – 285 с.; Пирумова Н. М. Земская интеллигенция и её роль в общественной борьбе до начала XX в. – М.: Наука, 1986. – 270 с.

³⁷ Штамм С. И. Управление народным образованием в СССР 1917–1936 гг. – М.: Наука, 1985. – 282 с.; Веселов В. Р. Великий Октябрь и становление народного образования // Новое в жизни, науке и технике. Сер. История и политика КПСС. – М.: Знание, 1987. – № 5. – 64 с.; Паначин Ф. Г. Учительство и революционное движение в России (XIX – нач. XX в.). – М.: Педагогика, 1986. – 119 с.

³⁸ Актуальные вопросы историографии и источниковедения истории школы и педагогики / под ред. Э. Д. Днепров, О. Е. Кошелевой. – М.: АПН СССР, 1986. – 230 с.

К 1980-м гг. проблематика истории образования дополнилась новыми направлениями. Под руководством Э. Д. Днепров впервые в советской историографии исследованы вопросы общественно-педагогического движения, выделялись основные этапы и тенденции его развития³⁹. Государственная политика как предмет изучения зазвучала в серии работ Академии педагогических наук. Комплексному анализу подвергся период с середины XIX в. до середины 1980-х гг.⁴⁰ Актуализируется тема образования крестьянского населения⁴¹. Исследователи сельской школы уделяли внимание численности учебных заведений, распространению грамотности, слабой подготовке учащихся. Неосвещёнными остались вопросы содержания и управления школ, участия общественности в их развитии, взаимоотношения учебной администрации и сельских обществ.

В целом, историография советского периода представлена широким кругом работ, среди которых особое место занимают педагогические исследования обобщающего характера. Необходимо отметить расширение проблематики изучения. Впервые образование рассматривали в контексте общей истории страны. Значительное внимание уделяли влиянию социокультурного аспекта в развитии системы образования. В исторических работах предметом изучения оставались отдельные элементы системы образования – гимназии, начальная школа, педагогическая подготовка. За рамками исследований советского периода осталась система управления, материаль-

³⁹ Школа и педагогическая мысль России периода двух буржуазных революций: сб. науч. тр. / под ред. Э. Д. Днепров. – М.: АПН СССР, 1884. – 246 с.; Школа России накануне и в период революции 1905–1907 гг.: сб. науч. тр. / под ред. Э. Д. Днепров и Б. К. Тибеева. – М.: АПН СССР, 1885. – 219 с.

⁴⁰ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. / отв. ред. А. И. Пискунов. – М.: Педагогика, 1976. – 600 с.; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX – начало XX в. / отв. ред. А. И. Писк; под ред. Э. Д. Днепров, С. Ф. Егорова, Ф. Г. Паначина, Б. К. Тибеева. – М.: Педагогика, 1991. – 379 с.

⁴¹ Зверева К. Е. Развитие потребности в просвещении у крестьянства Сибири (1861–1917 гг.) // Культурный образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX – начало XX в.): сб. науч. тр. / отв. ред. В. А. Зверев. – Новосибирск: Изд-во СО РАН НИЦ ОИГТМ, 1997. – С. 56–73.

но-правовое положение учителя, благотворительность и попечительство. Довольно часто дореволюционная школа рассматривалась в сравнении с советской, подчёркивая достоинства последней. Фундаментальные исследования содержали вопросы общего характера и не уделяли внимания региональным аспектам истории народного образования.

С началом перестройки начинается период переосмысления истории царской России в новых политических реалиях страны. Внимание исторического сообщества привлекает деятельность имперских властей и роль общественности в образовании. Одной из ярких работ можно назвать монографию под редакцией В. М. Жураковского, которая представляет комплексное исследование начальной школы, затрагивая структуру, типологию, источники содержания, организацию управления⁴². Заметим, что это одна из немногих работ, посвящённых комплексному изучению сельской школы.

Проблемы развития городского образования рассматривали В. А. Скубневский, А. В. Дулов, М. В. Кузнецова⁴³. В традициях культурологического исследования написана обобщающая работа М. В. Кузнецовой по истории иркутской школы в XVIII – первой половине XIX в.⁴⁴ На основе богатого фактического материала автор даёт характеристику типам городской школы, анализирует социальный состав и численность учащихся, приводит биографии учителей и получивших известность учеников. В работе представлены ценные сведения о воскресных школах, до сих пор имеющих слабое освещение в истории образования. Автор приходит к выводу о высоком

⁴² Жураковский В. М. Укрепление российской государственности: место и роль системы образования. – М.: Гелиос, 2000. – 423 с.

⁴³ Скубневский В. А. Грамотность городского населения Сибири // Актуальные проблемы социологии, психологии и социальной работы. – Барнаул, 1994. – Вып. 3. С. 242–253; Дулов А. В. Девичий институт Восточной Сибири – первенец женского среднего образования в Сибири // Урбанизация и культурная жизнь Сибири: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Омск, 1995. – С. 161–162; Кузнецова М. В. Изучение монгольского языка в Иркутске в начале XIX века // Проблемы бурятской филологии и культуры. – Иркутск, 1995. – С. 12–13.

⁴⁴ Кузнецова М. В. Иркутская школа в XVIII – первой половине XIX в. – 2-е изд. – Иркутск, 2011 – 312 с.

уровне образованности иркутян и развитии культуры города в целом. Работа является основой для изучения последующего периода истории развития городского населения.

Вопросы, касающиеся профессионально-педагогической направленности обучения будущих учителей в дореволюционных учительских семинариях, представлены в диссертационном исследовании И. А. Кузьменко⁴⁵. Истории педагогического образования посвящены работы Е. Т. Базаровой, Т. В. Алешкиной, О. В. Ищенко, О. В. Петровой. Т. Е. Базарова в исследовании о формировании учительской интеллигенции в Бурятии в 1920–1930 гг., рассматривая историю Русского педагогического техникума, приводит факты о судьбе учительской семинарии в Верхнеудинске в советское время⁴⁶. Т. В. Алешкина уделяет внимание истории педагогического профессионального образования в Забайкальском крае⁴⁷. Обобщающие работы по сибирским учительским семинариям написаны О. В. Перовой. Автор, сравнивая семинарии Восточной и Западной Сибири, приходит к выводу о существовании региональных особенностей сибирских семинарий⁴⁸. О. В. Перова одна из первых обратила внимание на правовую основу деятельности семинарий. Анализируя законодательство, автор отмечает наличие жёсткого контроля со стороны государства и необходимость преобразований в области подготовки учителей. Динамика развития общего и профессионального образования в Сибири представлена в публикации

⁴⁵ Кузьменко И. А. Профессионально-педагогическая направленность обучения будущих учителей в дореволюционных учительских семинариях: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – М., 2001. – 241 с.

⁴⁶ Базарова Е. Т. Формирование учительской интеллигенции в Бурятии в 20–30 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Улан-Удэ, 1999. – 173 с.

⁴⁷ Алешкина Т. В. Становление среднего педагогического образования в Забайкалье: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Чита, 2004. – 207 с.

⁴⁸ Перова О. В. Развитие сети учительских семинарий на территории Западной и Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Вестн. Томского гос. ун-та. Сер. История – 2014. – № 2. – С. 5–11; Петрова О. В. Формирование нормативно-документальной базы деятельности правительственных учительских семинарий в России в 60–80 годах XIX в. // Вестн. ТГПУ – 2010. – Вып. 9. – С. 149–154.

О. В. Ищенко⁴⁹. Несомненным достоинством работы является комплексное исследование системы общего и профессионального образования, где подчеркнута созависимость профессиональной и общей систем образования. По мнению автора, недостаток профессиональных кадров тормозил развитие общего образования, а последнее, в свою очередь, препятствовало модернизационным процессам. О. В. Ищенко не ставила задачей рассмотрение вопросов управления системой образования, её правового регулирования, определения социального статуса учителя.

Сведения о деятельности учительских институтов в годы Первой мировой войны опубликованы в работе С. А. Кочурина⁵⁰. Заметим, что период существования учительских институтов в Сибири сравнительно небольшой и работ по их истории немного. Несмотря на отсутствие в статье сведений об Иркутском учительском институте, представленные материалы дают общее представление о государственной политике в области педподготовки учителей городских училищ, о проблемах деятельности институтов в условиях военного времени.

В контексте изучения истории профессиональной подготовки учителей в современной историографии новое освещение получила проблема определения социально-правового статуса учителя и преподавателя средней школы. Впервые появились работы, определяющие статус учителя как государственного служащего. Общее представление о государственной службе в Российской империи изложено в диссертационном исследовании И. В. Черепановой⁵¹. Работа содержит теоретические аспекты и принципы организации государственной службы и может считаться отправной точкой при изучении государственной службы ведомства МНП. Пред-

⁴⁹ Ищенко О. В. Развитие общего и профессионального образования в Сибири в XIX – начале XX в. // Грамота. – 2011. – № 2. – Ч. 3. – С. 82–85.

⁵⁰ Кочурин С. А. Дореволюционные учительские институты Западной Сибири в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.) // Вестн. ТГПУ. – 2010. – Вып. 1. – С. 13–17.

⁵¹ Черепанова И. В. Государственная служба Российской империи XIX века (теоретическое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. – Омск, 2001. – 233 с.

ставляет значительный интерес диссертационное исследование И. Ю. Ташбековой⁵². В контексте изучения истории права и государства автор исследует социально-правовые аспекты модернизации российского образования, справедливо отмечая, что реализация права личности на образование имела установленные государством ограничения.

Одна из первых рассмотрела правовое положение учителя в контексте государственной службы Т. И. Еремина. Анализируя законодательные акты, Т. И. Еремина обращает внимание на зависимость правового статуса учителя от его происхождения⁵³. По мнению Т. И. Ереминой, государственная служба учителя была «приближена» к статусу государственного служащего. Для мотивации деятельности учителя государство ввело систему поощрений и наград, что, по мнению автора, улучшало его материальное положение. Работы Т. И. Ереминой дают представление о законодательном регулировании государственной службы учителя в общероссийском масштабе в контексте истории права. За рамками исследований остались вопросы реализации норм в практике, насколько они были эффективны и востребованы в обществе. В работах отсутствуют конкретные исторические данные о количестве учителей, получивших чин, медали и ордена, конкретные заслуги и т. п. Не получила должного освещения проблема правового регулирования статуса учителя в Восточной Сибири, как отдалённой окраине государства с особыми преимуществами.

Используя богатый фактический материал 194 фонда Государственного архива Иркутской области, Е. Н. Щерблякова

⁵² Ташбекова И. Ю. Государственная политика Российской империи в социальной сфере. вторая половина XIX – начало XX века (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. – М., 2012. – 51 с.

⁵³ Еремина Т. И. Законодательное регулирование гражданского чиновничества учителей в XIX – начале XX в. // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. – № 87. – С. 139–148; Еремина Т. И. Законодательное регулирование гражданской службы преподавателей университетов Российской империи в XIX – начале XX века // Науч. тр. РАЮН. – Вып. 13 в 2 т. – Т. 2. – М., Юрист, 2013. – С. 871–875; Еремина Т. И. Статус педагогических работников историко-правовой контекст проблемы. Страницы истории // Вестн. Герценовского ун-та. – 2010. – № 7. – С. 71–75; Еремина Т. И. Награждения и поощрения учителей на государственной службе в начале XX века // Науч.-пед. журн., 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.emmissia.org (дата обращения 05.07.2016).

детально исследовала уровень жизни, условия труда, материальное положение учителей начальных школ Иркутской губернии⁵⁴. Определила направления государственной политики в области социальной поддержки учителей. Автор считает, что социальная политика государства в отношении учителей способствовала привлечению в образовательную систему профессиональных кадров. С выводом можно согласиться лишь отчасти. Несмотря на законодательное закрепление пенсий, пособий, льгот, пользоваться ими могло лишь незначительное число учителей. Анализ архивных источников показывает несоответствие значительной части преподавателей гимназий установленному образовательному цензу. В работах Е. Н. Щепляковой отсутствуют данные по Якутской области, также входившей в состав Восточной Сибири.

Продолжает сохранять актуальность проблема изучения истории отдельных типов и уровней учебных заведений. Деятельности провинциальных гимназий посвящены работы В. В. Перцева, А. И. Еремина, А. Е. Рыбаловой, И. В. Смотрова⁵⁵. Авторы рассматривают историю их становления, источники содержания, учебные программы, условия проведения экзаменов. Уделяется внимание роли общественности в деятельности учебных заведений. Обобщающей работой по истории среднего образования Восточной Сибири конца XIX – начала XX в. является труд А. И. Шилова⁵⁶. В работе

⁵⁴ Щеплякова Е. Н. Государственная политика в сфере социального статуса учителей Восточной Сибири: история, опыт, проблемы // *Magister Dixit*. – 2012. – № 3. – С. 176–185; Щеплякова Е. Н. Учитель Иркутской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Crede Exrepo: транспорт, общество, образование, язык*. – 2014. – № 1.

⁵⁵ Перцев В. В. Гимназическое образование в дореволюционной России // *Концепт*. – 2013. – № 1. – С. 1–6; Еремин А. И. Испытание зрелости в российской классической гимназии: чиновники, учителя, гимназисты, документация (конец XIX – начало XX в.) // *Новый ист. вестн.* – 2014. – № 2. – С. 90–125; Рыбалова Е. А. История женских гимназий России во второй половине XIX – начале XX в. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2004. – 211 с.; Смотров И. В. Становление и развитие гимназического образования России в XIX – начале XX века на примере Орловской губернии: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Саратов, 2003.

⁵⁶ Шилов А. И. Средняя школа Восточной Сибири конца XIX – начала XX в. автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Красноярск, 1996. – 223 с.

на основе архивных материалов скрупулезно реконструирована деятельность гимназий и реальных училищ. Дана оценка учебным программам, организации воспитательного процесса. Среднее образование рассматривалось автором с позиции педагогической науки, исторические аспекты остались малоосвещёнными.

Иркутской второй женской гимназии посвящён исторический очерк З. И. Рабецкой⁵⁷. Автор скрупулёзно, в хронологическом порядке реконструировала историю женской гимназии, наполнила её конкретными фактами, цифрами, персонами учителей и учениц, одна из первых уделила внимание деятельности общественных органов управления: попечительскому совету и родительскому комитету гимназии. Истории открытия Иркутского государственного университета посвящена работа Н. В. Казарина⁵⁸. Помимо исторических фактов об организации университета, автор провёл обобщающий анализ по уровню развития образования Иркутска, упоминаются сведения о численности школ Восточной Сибири в целом.

В ряде диссертаций предметом исследования является деятельность церковно-приходских учебных заведений. Так, работа А. Е. Басалаева посвящена изучению церковно-приходских школ Забайкалья, Н. Н. Наумовой – церковно-приходских школ и школ грамоты Восточной Сибири в 1884–1917 гг.⁵⁹ Авторы, рассматривая историю церковных школ, приводят сравнения со светской школой, выявляя достоинства и недостатки обеих систем.

В контексте общей социально-экономической эволюции страны в целом и системы образования в частности, академи-

⁵⁷ Рабецкая З. И. Иркутская вторая женская И. С. Хаминова гимназия 1879–1920 гг. – Иркутск, 2008. – 137 с.

⁵⁸ Казарин Н. В. О забытом споре городов, или Почему и как Иркутск стал вторым университетским городом Сибири // Иркут. ист.-экон. ежегодник – 2012. – С. 48–64.

⁵⁹ Басалаев А. Е. Церковно-приходские школы и школы грамоты Забайкальской области (1884–1917 гг.). – Чита: Поиск, 2002. – 279 с.; Наумова Н. Н. Церковно-приходские школы и школы грамоты Восточной Сибири (1884–1917 гг.): на материалах Иркутской и Енисейской епархий: дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02. – Иркутск, 2002. – 249 с.

ком Э. Д. Днепровым и другими проведено комплексное исследование истории женского образования России в XVIII – начале XX в.⁶⁰ Авторы считают, что развитие женского образования носило опережающий характер и являлось примером эффективности общественной модели управления. Особую ценность работе придаёт широкий спектр статистических данных, составленных по материалам отчётов министров народного просвещения. На региональном уровне проблемы женского образования в Западной Сибири рассматривает В. С. Сулимов⁶¹. Изучению женских учебных заведений Забайкалья посвящены работы Е. В. Захаровой⁶². Несомненным достоинством работы автора является обобщение материала по истории женских учебных заведений Забайкальской области, выявление их особенностей, определение условий деятельности. Резюмируя, автор считает, что женские гимназии Восточной Сибири и Приамурья развивались быстрее, имели устойчивую материальную базу.

В исследованиях О. Б. Гач затрагиваются проблемы деятельности частных учебных заведений, что, несомненно, вызывает интерес исследователей в условиях развития частных образовательных учреждений на современном этапе⁶³.

В целом, исследования отдельных типов учебных заведений представлены довольно широким кругом работ. Тем не менее, авторы замыкаются на изучении одного элемента системы образования и не дают совокупного представления

⁶⁰ Днепров Э. Д., Усачева Р. Ф. Среднее женское образование в России. – М., 2009. – 273 с.

⁶¹ Сулимов В. С. Развитие светского женского образования в Тобольской губернии середины XIX века [Электронный ресурс] // Политика, государство и право. – 2014. – № 8. – Режим доступа: <http://politika.snauka.ru> (дата обращения: 12.01.2016).

⁶² Захарова Е. В. История становления и развития женских учебных заведений Забайкалья (середина XIX – начало 20-х гг. XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Улан-Удэ, 2015. – 297 с.; Верхнеудинское женское училище – период становления // Грамота. – 2013. – Ч. 1. – № 10 С. 76–79.

⁶³ Гач О. Б. О правах и правилах частных учебных заведений в дореволюционной России: к истории принятия закона 1914 года // Вестн. ТГПУ. – 2012. – № 11. – С. 225–228.

об организации и деятельности системы в целом. За рамками исследований продолжает оставаться региональная система управления образованием.

Малоизученному вопросу о роли общества в развитии народного образования посвящены работы Р. В. Шакирова, М. В. Михайловой, В. А. Власова, А. И. Позднякова⁶⁴. В работе А. И. Позднякова проведено целостное исследование взаимоотношений общества и государства на протяжении столетия. Автор выделил основные направления деятельности власти и общества в контексте реформирования системы образования. Определённый интерес представляет анализ взглядов общества и власти на отдельные вопросы образования, что позволило автору выявить наиболее «горячие» точки столкновения интересов. Изучая роль общества в школьном деле, автор остаётся сторонником государственной системы образования, допуская широкое участие общественности во всех сферах жизнедеятельности школы.

Научным и культурно-просветительным обществам дореволюционного Иркутска посвящена работа Г. В. Оглезневой⁶⁵. Автор даёт представление о видах общественных организаций и формах их деятельности, одной из которых являлось содействие распространению образования. Хотя образовательной деятельности обществ в работе уделено незначительное внимание, можно составить представление о степени заинтересованности общественности в образовании.

Долгое время за рамками исследований оставались вопросы организации управления системой образования, которая в Восточной Сибири находилась под контролем гене-

⁶⁴ Шакиров Р. В. Школа и общество: системно-концептуальный анализ реформ образования в России в XX в. – Казань, 1997. – 271 с.; Михайлова М. В. Общественные педагогические и просветительные организации дореволюционной России (середина XIX – начало XX в.). – М.: ИТП и МНО, 1993. – 164 с.; Власов В. А. Школа и общество: поиск путей обновления образования. Вторая половина XIX – первая треть XX в. – Пенза, 1998. – 259 с.; Поздняков А. И. Государство и общество в реформировании российского школьного образования: дис. ... д-ра ист. наук. 07.00.02. – Саратов, 2005. – 537 с.

⁶⁵ Оглезнева Г. В. Научные и культурно-просветительные общества дореволюционного Иркутска. опыт сравнительной характеристики // Изв. ИГУ: Сер История – 2016. – Т. 16. – С. 110–119.

рал-губернатора. В контексте изучения истории становления и развития административной системы Восточной Сибири нельзя обойти вниманием работы Л. М. Дамешка, И. Л. Дамешек, И. Б. Марковой, А. В. Ремнева, Н. П. Матхановой⁶⁶. Авторы реконструировали систему власти, определили проблемы развития института губернаторства в условиях Азиатской России. Особый интерес представляет исследуемая в работах проблема взаимодействия центральных и региональных органов, формирование специфических особенностей организации и деятельности системы управления. Данные исследования являются основой при изучении проблем организации региональной системы учебной власти.

В процессе переосмысления дореволюционной истории новую оценку получила деятельность губернаторов в различных сферах управления. Результатом стало появление биографических, социологических исследований губернаторского корпуса⁶⁷. Авторы чаще обращают внимание на отдельные направления деятельности представителей региональной

⁶⁶ Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.). – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1986. – 165 с.; Дамешек Л. М. Народы Сибири в административной системе Азиатской России XVIII – начала XX в. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. – 230 с.; Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Азиатская Россия в имперских устремлениях особых комитетов империи во второй половине XIX – начала XX в. // Вестн. БНЦ СО РАН. Сер. История. Этнография. – 2014. – № 4. – С. 201–211; Дамешек И. Л., Дамешек Л. М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Сер. Азиатская Россия. – Иркутск, 2009. – 379 с.; Маркова И. Б. Управление Сибирью в 20–60-е гг. XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Новосибирск, 1985; Ремнев А. В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). – М., 1997. – С. 52–66; Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. – Омск, 1995. – 237 с.; Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX в. – Омск, 1997. – 253 с.; Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX в. – Новосибирск, 1998. – 428 с.; Матханова Н. П. Деятельность генерал-губернаторов Восточной Сибири: закон и практика // Изв. ИГУ. Сер. История. – 2016. – Т. 15. – С. 22–31.

⁶⁷ Константинова Т. А. Губернаторы Забайкалья. 1851–1917 гг. – Чита, 2001. – 91 с.; Дамешек Л. М. Институт генерал-губернаторства Азиатской России и его особенности. – Иркутск: Отгиск, 2011. – 128 с.; Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Генерал-губернаторский корпус Азиатской России: социологический портрет // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. История. – 2014. – № 5. – С. 4–11

власти. Объектом изучения становится деятельность губернаторов в области развития культуры, образования и т. п.⁶⁸ В работах определяется роль ряда российских губернаторов в развитии системы народного образования, устанавливаются пределы их полномочий. Что касается изучения данного аспекта в сибирской историографии, то оно представлено фрагментарно. Существует ряд работ, где в контексте общей информации о губернаторах даётся оценка их деятельности в области народного просвещения⁶⁹.

Очевидно, что основной тенденцией современной историографии становится расширение проблематики и усиление интереса к проблемам правового регулирования и организации региональной системы управления народным образованием. Наиболее активно в данном направлении проявила себя историческая школа Западной Сибири. А. В. Блинов, О. А. Голикова, И. В. Неупокоев впервые вводят в научный оборот сведения по организации органов власти в области просвещения в Западной Сибири⁷⁰. Авторы уделяют внимание образовательной политике государства, выявляют особенности и отличия региональной системы от общероссийской. Проблема

⁶⁸ Коваленко В. А. Некоторые аспекты вклада орловских губернаторов в культурном развитии губернии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ist-konkurs.ru> (дата обращения: 12.06.16).

⁶⁹ Константинова Т. А. «Генерал-майора Е. М. Жуковского назначить Военным губернатором Забайкальской области» // Изв. ИГУ. Сер. История. – 2016. – Т. 15. – С. 31–39; Юрганова И. И. К вопросу о школьном образовании Якутии начала XX в.: губернатор И. И. Крафт и епископ Макарий // Вестн. Екатеринбургского ин-та. – 2014. – № 2. – С. 125–128.

⁷⁰ Блинов А. В., Голикова О. А. Деятельность Томской дирекции народных училищ в конце XIX – начале XX в. // Вестн. КемГУ. – 2008. – № 2. – С. 21–23; Неупокоев И. В. Управление школьным делом в Тобольской губернии в конце XVIII–XX в. // Образование и наука. – 2013. – № 1. – С. 58–73; Голикова О. А. Проекты создания и открытие Дирекции народных училищ Западно-Сибирского учебного округа в конце XIX в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных. – 2011. – С. 111–116; Голикова О. А. Создание и развитие системы управления начальными школами Западно-Сибирского учебного округа. дис. ... канд. ист. наук 07.00.02. – Кемерово, 2012. – 202 с.; Блинов А. В. Реализация принципов положений 1864 и 1874 гг. по управлению начальными народными училищами в рамках Западно-Сибирского учебного округа // Изв. Алтайского гос. ун-та. – 2012. – № 4–1. – С. 27–32.

организации региональной учебной власти в Восточной Сибири фактически не получила освещения в исследовательских работах.

При анализе историографии очевидно отсутствие современных исторических работ обобщающего характера. Единственной комплексной работой по истории развития системы образования является на сегодняшний день двухтомное издание по истории педагогики, подготовленное Э. Д. Днепровым. Монография «Российское образование в XIX – начале XX века» обобщает вековую историю системы образования и может считаться «своеобразной энциклопедией истории образования»⁷¹. Фундаментальное исследование рассматривает развитие системы образования в неразрывной связи с внутренней политикой государства в контексте общего развития страны. Автор приходит к выводу, что система образования дореволюционной России так и не смогла окончательно сформироваться.

Подводя итог историографическому обзору, можно отметить, что многие вопросы истории отечественной системы образования изучены глубоко и всесторонне. Однако исследования характеризуются обособленностью, рассматривая лишь отдельные элементы системы образования. Зачастую работы по истории образования Восточной Сибири оставляют за рамками исследования учебные заведения Якутской области, входившей в состав генерал-губернаторства. Остаются неисследованными вопросы, касающиеся региональной системы управления учебными заведениями, недостаточно изучена региональная специфика, отсутствует комплексное исследование по истории развития системы образования Восточной Сибири, в полной мере характеризующее все её структурные элементы в целом. Современное состояние историографической базы даёт возможность проведения комплексного исследования по истории развития системы образования Восточной Сибири

⁷¹ Днепров Э. Д. Российское образование в XIX – начале XX в. в 2 т. – М. Мари-ос, 2011.

Источниковая база исследования представлена совокупностью письменных (опубликованных и неопубликованных) источников. Среди них можно выделить следующие виды: нормативно-правовые акты, статистические материалы, делопроизводственная документация, материалы периодических изданий, материалы личного происхождения (воспоминания семинаристов).

Нормативно-правовые акты Российской империи по юридической силе представлены законодательными актами центральных органов власти и актами локального правотворчества. Учитывая самодержавную форму правления, законодательные акты Российской империи всегда прочно связывались с волей императора, выраженной в высочайшем утверждении. Следовательно, в законодательстве происходило отождествление воли и закона, любой подписанный императором документ обретал высшую юридическую силу. Правовые акты России представлены манифестами, указами и повелениями, рескриптами, высочайше утверждёнными докладами, уставами, положениями. В 1905 г. с учреждением Государственной Думы как законодательного органа в области правового регулирования общественных отношений получает распространение новый вид нормативных актов – закон.

Манифесты издавались по особо важным случаям и в области народного просвещения являлись актами фундаментального характера, определяющими вектор общего развития системы. В частности, Манифестом 8 сентября 1802 г. вводится система управления образованием на базе Министерства народного просвещения, Манифестом от 25 июля 1810 г. «О разделении государственных дел на особые управления» определялись функции Министерства. В приговоре декабристам, изложенным в Манифесте 13 июня 1826 г., впервые говорилось о негативном воздействии образования, что определило консервативную образовательную политику властей на долгие годы. Манифест 17 октября 1905 г., провозглашая демократические свободы, обусловил процесс демократизации и в системе образования.

Самой распространённой формой становятся указы и повеления, которые по сфере правового регулирования вводили как общероссийские положения, так и нормы специального характера. Высочайше утверждённые указы и повеления закрепляли частные стипендии в учебных заведениях, утверждали в должности директоров гимназий, главных инспекторов, попечителей учебных округов, вводили новые штаты, утверждали открытие новых учебных заведений.

Рескрипты представляли собой личное обращение императора к определённом должностному лицу. Как правило, в рескрипте выражалось высочайшее мнение и общие принципы дальнейшего развития определённой сферы. Так, в рескрипте Николая I министру народного просвещения А. С. Шишкову в 1827 г. запрещалось принимать в гимназии и университеты крепостных крестьян, что в дальнейшем привело к ликвидации преемственности в системе образования и появлению закрытых типов учебных заведений для каждого сословия, сохранившееся до второй половины XIX в.

Всеподданнейшие доклады представляли собой обобщение по определённым вопросам просвещения. Доклад представлялся императору министром народного просвещения. Пометки на полях докладов часто становились руководством к действию. Например, доклад по поводу открытия Читинской учительской семинарии содержал отметку императора «быть посему», после чего в Чите появилось третье в Восточной Сибири педагогическое учебное заведение.

Во второй половине XIX в. широкое распространение получили высочайше утверждённые уставы. Уставы характеризовались детализацией норм, определяли цель, функции и структуру учебных заведений, а также права и обязанности преподавателей и учеников. В области общего образования императорами подписаны Устав гимназий и прогимназий 1864 г., 1871 г., Устав реальных училищ 1888 г. В 1880-гг. возрастает количество уставов различных обществ попечения и вспомоществования. Уставы определяли сферу полномочий обществ, порядок сбора и расходов собранных средств, устанавливали

условия оказания помощи нуждающимся. В Восточной Сибири в конце XIX в. утверждены уставы Общества для оказания пособий учащимся Восточной Сибири (1875 г.), Общества содействия учащимся в Санкт-Петербурге сибирякам (1881 г.), Общества содействия учащимся в Москве сибирякам (1884 г.).

По сравнению с уставами утверждённые положения имели обобщающий характер. Положения указывали цель учебного заведения, его учредителей, принципы организации управления, учебные дисциплины и сроки обучения, требования к учащимся и т. д. Вступая в действие, нормы положений дополнялись актами локального характера, учитывающими местную специфику. Например, Положение о женских гимназиях и прогимназиях 1870 г., Положение о городских начальных училищах 1872 г., Положение о высших начальных училищах 1912 г. уточнялись распоряжениями главного инспектора народных училищ Восточной Сибири.

В 1905 г. с учреждением Государственной Думы получает распространение закон. Проекты законов проходили долгую процедуру принятия и не всегда имели возможность вступить в действие после принятия Думой. Закон о введении всеобщего начального образования был разработан в Министерстве народного просвещения в 1905 г., однако, проходя длительную процедуру согласования, пережив не один роспуск Государственной Думы, он так и не был утверждён. Широкую известность получил закон от 3 мая 1908 г. «Об отпуске 6.900.000 рублей на нужды начального образования», который часто считают законом о введении всеобщего образования, что на самом деле не совсем так. Принятие этого закона ознаменовало бурное развитие начального образования, вызванного увеличением казённых ассигнований. 14 июня 1910 г. принят закон «Об отпуске средств на удовлетворение педагогического персонала учебных заведений Министерства народного просвещения добавочным содержанием», улучшивший материальное положение учительского сообщества.

Ещё одной группой источников законодательного характера являются акты, не требующие обязательного утвержде-

ния императора. К ним относятся распоряжения и циркуляры ведомственного характера. Акты Министерства дополняли, детализировали отдельные законодательные положения путём издания инструкций, правил, распоряжков. В частности, в Инструкции директорам и инспекторам народных училищ устанавливались пределы полномочий, форменная одежда, штатное расписание инспекций и т. д. Отдельными приказами и циркулярами Министерство утверждало должностных лиц, вводило новые учебные программы, разрешало дополнительные дисциплины, учреждало начальные школы и т. п.

Как видно, источники законодательного характера весьма разнообразны не только по юридической силе, но и по типовой принадлежности. Огромный массив норм права распределен среди опубликованных и неопубликованных источников. Часть нормативно-правовых актов опубликовано в инкорпорированном Полном собрании законов Российской империи. В первое издание вошли акты с 1649 г. по 3 декабря 1825 г. Второе полное собрание законов включало 55 томов и два тома дополнений, состоящих из актов, принятых с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г. Третье издание состоит из 33 томов законодательных актов с 1 марта 1881 г. по 31 декабря 1913 г. В 1832 г. на основе Полного собрания законов проведена первая кодификация, выразившаяся в Первом Своде законов Российской империи. Последующие кодификации проводились в 1842, 1857, 1876, 1886, 1891, 1906, 1911 гг. Для исследователей истории народного просвещения второй половины XIX в. представляют интерес кодификации 1893 и 1911 гг. Оформленные в Устав учёных учреждений и учебных заведений, нормативные акты содержат правила открытия и деятельности разных типов учебных заведений, а также принципы организации системы управления.

Нормативные акты Министерства народного просвещения публиковались в «Сборнике постановлений по Министерству народного просвещения». Многотомное издание содержит более 20 тыс. различных актов за 1802–1900 гг., помимо этого выпущено три алфавитных указателя и один том допол-

нений. Подготовка материалов к Сборнику входила в полномочия архива Министерства. Сборник формировался из актов общегосударственного и ведомственного характера. Часть документов вошли из Полного собрания законов, часть – из архивов Департамента народного просвещения. Следовательно, наиболее полным изданием нормативных актов по истории просвещения можно считать «Сборник постановлений по Министерству народного просвещения», который довольно редко используется в качестве источника в исследовательских работах. Особая ценность заключается в размещении в Сборнике мнений Государственного совета по вопросам образования, из которых мы узнаём историю принятия закона, позиции членов совета, доводы оппонентов.

Часть нормативных актов публиковалась в Журнале Министерства народного просвещения, который содержит 361 том с 1834 по 1917 гг. Журнал имел следующие разделы: официальный – издавался с 1864 г. два раза в месяц, содержал нормативные акты, подготовленные Канцелярией Министерства и отделениями Департамента; учёный, литературный и педагогические разделы содержали обзоры и рецензии новинок учебной литературы, статьи по вопросам просвещения.

Среди множества официальных изданий необходимо обратить внимание на частные инкорпорации законодательства по вопросам народного образования. Особый интерес представляет четырёхтомное издание под редакцией Г. А. Фальборка и В. И. Чарнолуского, опубликованное под названием «Настольная книга по народному образованию»⁷². Первые три тома были опубликованы в 1901 г., четвёртый дополнительный – в 1911 г. Книга подготовлена специально для учебной администрации и народных учителей. Она состояла из законов, распоряжений, уставов, инструкций, положений, по всем типам учебных заведений начальной школы. Издание содержит ценные сведения по материально-правовому положению учителя, правила пенсионного обеспечения. Особую ценность

⁷² Фальборк Г. А., Чарнолуский В. И. Настольная книга по народному образованию: законы, распоряжения, инструкции, уставы, справочные сведения и пр. – СПб.: Знание, 1901 – Т. 2. – 1538 с.; Чарнолуский В. И. Настольная книга по народному образованию – СПб., 1911. – Т. 4. – 788 с.

представляют распоряжения, запросы и пояснения для региональных властей. В частности, книга содержит сведения об условиях службы в отдалённых областях России. С началом работы по введению всеобщего начального образования в 1913, 1914, 1915 гг. вышли сборники законов и правительственных распоряжений под редакцией К. И. Денисова⁷³. Кроме нормативных актов сборники содержат типовые бланки финансовой документации, архитектурные планы и нормы школьного строительства, статистические данные о ходе введения всеобщего начального обучения.

Отсутствие земских органов и дворянского сословия в Восточной Сибири определило формирование особой системы управления, регулируемой специальными законодательными актами, что расширило источниковую базу и позволило выявить региональные особенности⁷⁴.

Таким образом, законодательство представлено широким кругом опубликованных источников, которые дополняют и уточняют друг друга и позволяют определить политику государства в области народного просвещения в целом и отдельных регионах в частности. Характерной чертой законодательства можно назвать его догоняющий характер относительно потребностей общества в области образования, особенно в сфере подготовки педагогических кадров. В то же время неравномерность социально-экономического развития в стране обусловила ограниченную реализацию ряда положений на окраинах страны.

Большую группу опубликованных источников составляют статистические сведения. Сведения о количестве и плотности населения, национальном составе, числе учебных заведений

⁷³ Денисов К. И. Всеобщее обучение: сб. законов и правительственных распоряжений за 1914 г. – СПб., 1914. – 48 с.; Денисов К. И. Всеобщее обучение: сб. законов и правительственных распоряжений за 1907–1913 гг. – СПб., 1913. – 119 с.; Денисов К. И. Всеобщее обучение: сб. законов и правительственных распоряжений за 1915 г. – СПб., 1915. – 51 с.

⁷⁴ Об усилении надзора за учебными заведениями Восточной Сибири // Сб. постановлений по МНП. – Т. 9. – СПб., 1893; Об управлении учебными заведениями в Иркутском и Приамурском генерал-губернаторствах, а также в Туркестанском крае // СЗРИ. – 1893. – Т. 11. – Ч. 2. – С. 15.

и т. п. собраны в уникальном издании «Азиатская Россия», опубликованном в 1914 г. переселенческим управлением Главного управления землеустройства и земледелия⁷⁵. Статистические сведения официального характера представлены в опубликованных отчётах министра народного просвещения и обзорах деятельности Министерства народного просвещения⁷⁶. На основе извлечений из всеподданнейшего отчёта министра просвещения составлен статистико-документальный справочник «Россия 1913 год»⁷⁷. Характерной чертой официальных статистических данных является их установленная форма и критерии. Так, мы узнаём информацию не только о количестве учебных заведений в Восточной Сибири, но и источниках и объёмах финансирования, количестве учителей и учеников, сословной и вероисповедальной принадлежности последних. В документах отмечалось количество поступивших и окончивших учебные заведения учеников. Сравнивая данные с другими округами за разные годы, мы получаем информацию о динамике и особенностях развития региональной системы образования.

Ещё одним источником статистического характера являются данные переписи населения 1897 г. и однодневной переписи 1911 г., которые дают представление о распространении образования среди женщин, мужчин, плотность школьной сети, жалования учителей по регионам и т. п.⁷⁸ Статистические

⁷⁵ Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. – СПб., 1914. – С. 719

⁷⁶ Всеподданнейший отчёт министра народного просвещения за 1903 г. – СПб., 1905. – С. 778, Обзор деятельности Министерства народного просвещения за время царствования императора Александра III (со 2 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г.). – СПб.: Гос. тип., 1901. – 676 с.; Извлечение из всеподданнейшего отчёта господина министра народного просвещения за 1875 г. // Журн. МНП. – – СПб., 1875. – Ч. 180. С. 5–403.

⁷⁷ Россия 1913 г.: статистико-документальный справ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mysteriouscountry.ru/wiki/index.php> (дата обращения: 19.06.2016).

⁷⁸ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 г. / под ред. Н. А. Троицкого. – СПб., 1905. – Вып. 1–2. – 41 с.; Однодневная перепись начальных школ империи, произведённая 18 января 1911 г. Азиатская Россия. Западно-Сибирский учебный округ, Восточная Сибирь. Приамурский край и Туркестан. – СПб., 1914 – Вып. 12–15. – 92 с.

сборники А. Г. Небольсина, Ю. А. Гагемейстера существенно расширяют источниковую базу статистического характера⁷⁹. Сравнение полученных данных даёт возможность получить достоверные статистические сведения по ряду вопросов истории образования. Наряду с официальными статистическими отчётами общероссийского характера необходимо отметить и региональные издания.

Так, комплекс памятных книжек характеризует положение школьного дела в губерниях и областях Восточной Сибири⁸⁰. Следует отметить ценность памятных книжек Забайкальской области, издававшихся с 1884 по 1905 гг. В этот период Забайкальская область входила в состав Приамурского генерал-губернаторства, но сохранила единую образовательную систему с Иркутским генерал-губернаторством. Данные памятных книжек дают возможность обобщить данные и оценить положение системы образования Восточной Сибири, несмотря на административное разделение региона.

Среди общего объёма опубликованных источников необходимо выделить обобщающие работы председателя правительственной комиссии А. П. Куломзина и попечителя Харьковского учебного округа П. Э. Соколовского. Находясь в официальных поездках, авторы оставили опубликованные отчёты о результатах посещения Восточной Сибири⁸¹. Если данные поездки А. П. Куломзина широко используются исследователями, то работа П. Э. Соколовского малоизвестна. Она представляет собой обобщающий труд о всех типах учебных

⁷⁹ Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири: в 3 ч. – СПб., 1854; Историко-статистический очерк общего и специального образования в России / под ред. А. Г. Небольсина. – СПб., 1884. – 257 с.

⁸⁰ Памятная книжка (вторая) Восточно-Сибирского учебного округа, составлена по сведениям к 1-му января 1881 г. / под ред. Ю. А. Делеско. – Иркутск, 1881. – 347 с.; Памятная книжка управления гражданскими учебными заведениями Восточной Сибири на 1902 г. – Иркутск, 1902. – 380 с.; Памятная книжка Иркутской губернии на 1861 г. – Иркутск, 1861. – 216 с.; Памятная книжка Забайкальской области на 1891 г. – Чита, 1891. – 135 с.; Памятная книжка Забайкальской области на 1901 г. – Чита, 1901. – 435 с.

⁸¹ Куломзин А. Н. Потребности начального образования в Сибири: всеподданнейший доклад статс-секретаря Куломзина по поездкам в Сибирь 1896–1897 гг. – СПб., 1898. – 143 с.; Соколовский П. Э. Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае. – Харьков: Тип. Зильберберг и С-вья, 1914. – 305 с.

заведений Восточной Сибири⁸². Основанный на документальных источниках, предоставленных Соколовскому главным инспектором училищ Г. П. Василенко, отчёт вводит в научный оборот ряд неизвестных ранее сведений о школах Якутии, Маньчжурии, Забайкалья. Несомненным достоинством является наличие фотографий и хорошая полиграфия.

Важный фактологический материал содержится в городских ежегодниках, которые в хронологическом порядке описывают памятные события города, в том числе и открытие училищ⁸³. Дополняют ежегодники периодические издания. К центральным изданиям относятся «Вестник Европы» 1883 г., т. 2, 3; «Вестник школы» за 1914 г., январские номера 1–4, февральские 5–7; «Воспитание и обучение» за 1914 г., № 1, 3, 5–12; «Для народного учителя» 1907, № 1, 2, 5–6, 9–10. Местные издания: «Дальневосточное обозрение» 1911 г., № 2; «Забайкальское обозрение» 1915 г., 19 октября; «Забайкальские областные ведомости» 1900 г., 15 августа; «Сибирский архив» 1912 г. и др. Нередко на их страницах помещались статьи, посвящённые проблемам подготовки учителей, деятельности учебных заведений. Кроме того, периодическая печать содержит сведения об участии учебных заведений в культурной жизни восточной окраины, отражает общественное мнение относительно школы, учителей, учебных программ.

Таким образом, обзор опубликованных источников даёт достаточно широкое, но неполное представление о системе народного просвещения в Восточной Сибири.

Основная масса неопубликованных источников представлена материалами, хранящимися в центральных и региональных государственных архивах. В работе проанализированы документы более тридцати фондов: из Российского государственного исторического архива (РГИА) рассмотрены фф. 565 «Департамент государственного казначейства», 733 «Департамент народного просвещения», 1072 «Ухтомский Эспер Эспе-

⁸² Соколовский П. Э. Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае. – Харьков: Тип. Зильберберг и С-вья, 1914. – 305 с.

⁸³ Иркутская летопись (летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова). – Иркутск, 1911. – 418 с.; Иркутская летопись. 1857–1880 гг. (продолжение летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова) – Иркутск, 1914. – 410 с.

рович, князь (1861–1921) поэт, публицист, редактор-издатель газеты «Санкт-Петербургские ведомости», 1161 «Высочайшие постановления (коллекция)», 1281 «Совет министра внутренних дел», 1284 «Департамент общих дел МВД», 1263 «Комитет министров 1802–1906 гг.», 1273 «Комитет Сибирской железной дороги», 1276 «Совет министров 1905–1917 гг.», 1278 «Государственная Дума I, II, III и IV созывов», 1287 «Хозяйственный департамент МВД», 1284 «Департамент общих дел МВД», 1290 «Центральный статистический комитет МВД», 1409 «Собственная его императорского величества канцелярия», 1149 «Департамент законов Государственного Совета», 1341 «Первый департамент Сената», 1634 «Зенгер Григорий Эдуардович (1835–1919), филолог, министр народного просвещения» Государственного архива Иркутской области (ГАИО) – ф. 63 «Главный инспектор училищ Восточной Сибири»; Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК) – ф. 1 «Забайкальское областное управление», 4 «Дирекция народных училищ Забайкальской области», 61 «Читинская мужская гимназия», 71 «Читинская учительская семинария», 139 «Нерчинская Софийская женская гимназия 1865–1918 гг.»; Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ) – ф-172 «Троицкосавское уездное училище», ф-266 «Баргузинское бурятское приходское училище», ф-56 «Верхнеудинское уездное училище», ф-57 «Верхнеудинская 1-я женская гимназия», ф-211 «Инспекция народных училищ Верхнеудинского, Баргузинского и Селенгинского уездов Забайкальской области», ф-276 «Кабанское приходское училище», ф-411 «Кабанское высшее народное училище»; Национального архива Республики Саха (Якутия) (НАРС(Я) – 288-и «Инспектор народных училищ Якутской области», 289-и «Якутское уездное училище», 285-и «Якутская мужская прогимназия», 286-и «Якутская женская гимназия».

Наиболее информативными являются фонды РГИА. Фонд 733 содержит 109 344 единицы хранения. В нём собраны отчёты Министерства народного просвещения с приложениями, уставы учебных заведений, отчёты учебных округов и университетов, материалы секретного делопроизводства о рево-

люционном движении среди учащихся. Дела по Сибирской дирекции училищ сосредоточены в описях 83 и 84. Особую ценность представляют материалы разряда учительских семинарий и начальных училищ, разряда средних учебных заведений. В фонде 1409 хранятся проекты об организации управления учебной частью Приамурского генерал-губернаторства, в составе которого в 1884-1905 гг. находилась Забайкальская область и о штатном расписании управления учебными заведениями Восточной Сибири в 1903 г.⁸⁴ Фонд 1278 содержит информацию о штатах управлений учебных округов в Приамурском генерал-губернаторстве⁸⁵. Проекты положения об управлении гражданскими учебными заведениями Восточной Сибири хранятся в фонде 1149⁸⁶. Интерес представляют письма В. Никитской князю Э. Э. Ухтомскому о службе педагогов в Сибири, написанные в период с 1891 по 1895 гг., которые хранятся в фонде 1072⁸⁷. Отчёт о состоянии Якутской области в 1911 г. с пометками императора хранится в фонде 1284⁸⁸. Деятельность Министерства народного просвещения отражена в фондах 1341, 25, 741, 1162⁸⁹. В отдельное производство выделены сведения о предоставлении служебных прав женщинам, служащим в Министерстве народного просвещения 1891-1892 гг.⁹⁰ Сведения о введении форменной одежды для чиновников в сфере образования хранятся в фонде 1634⁹¹. Ценные сведения о предоставлении Министерству права подписи ряда документов от имени царя содержатся в делах фонда 744⁹². Отчёты генерал-губернаторов Восточной Сибири, военных губернаторов Забайкальской области рассредоточе-

⁸⁴ РГИА. - Ф. 1409. - Оп. 6. - Д. 355, 912.

⁸⁵ Там же. - Ф. 1278. - Оп. 6. - Д. 570.

⁸⁶ Там же. - Ф. 1149. - Оп. 7. - Д. 166.

⁸⁷ Там же. - Ф. 1072. - Оп. 2. - Ед. хр. 84. - № 177.

⁸⁸ Там же. - Ф. 1284. - Оп. 185. - Ед. хр. 32.

⁸⁹ Там же. - Ф. 1341. - Оп. 109. - Ед. хр. 1095; - Оп. 111. - Д. 1164; - Ф. 25. - Оп. 5. - Д. 472; - Ф. 741. - Оп. 10. - Д. 22. - Оп. 7. - Д. 485; - Ф. 1162. - Оп. 1. - Д. 5.

⁹⁰ Там же. - Ф. 565. - Оп. 4. - Д. 15462; - Ф. 1278. - Оп. 7. - Д. 632.

⁹¹ Там же. - Ф. 1634. - Оп. 1. - Д. 29.

⁹² Там же. - Ф. 744. - Оп. 6. - Д. 500а.

ны в фондах 1284, 1281, 1263, 1290, 1273, 1276⁹³. Материалы по деятельности инспекций народных училищ в 1896–1902 гг. хранятся в фонде 1287⁹⁴. Подлинные рескрипты, императорские указы и высочайшие повеления по ведомству народного просвещения собраны в особую коллекцию. Изначально коллекция включала 19 060 дел, где каждому делу соответствовал определённый документ. В 1971 г. после научно-технической обработки дела объединили в хронологическом порядке в 322 единицы хранения. Таким образом, основной массив документов по нашему исследованию сосредоточился в фонде 733 Департамента народного просвещения (1803–1917 гг.), сведения по отдельным вопросам организации и деятельности системы народного образования общероссийского и регионального характера рассредоточены в 20 фондах Российского государственного исторического архива. Большая часть документов микрофильмирована, часть хранится на микрофишах.

Материалы по региональной истории просвещения наиболее полно представлены в государственном архиве Иркутской области. Особый интерес представляет фонд 63 «Главный инспектор училищ Восточной Сибири 1867–1917 гг.». Более трёх тысяч дел, сосредоточенных в пяти описях, содержат сведения о личном составе дирекции, формулярные списки учителей, отчёты директоров и инспекторов народных училищ отдельных областей и губерний, отчёты по деятельности средних учебных заведений, статистические данные, протоколы заседаний педагогических советов отдельных учебных заведений, циркуляры, переписку, прошения и т. п., около сотни дел выделены в особо ценный фонд. Например, к особо ценному фонду отнесены списки городских и уездных училищ Иркутской губернии и Забайкальской области за 1878 г., ведомость о числе начальных училищ в Енисейской губернии в 1905 г., краткая докладная записка Иркутской городской управы о состоянии учебного дела в Иркутске⁹⁵. Большинство

⁹³ РГИА. – Ф. 1284. – Оп. 69. – Д. 522; – Оп. 194. – Д. 41; – Ф. 1281. – Оп. 7. – Д. 106; – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 4095; – Ф. 1290. – Оп. 2. – Д. 975; – Ф. 1273. – Оп. 1. – Д. 35; – Ф. 1276. – Оп. 17. – Д. 44.

⁹⁴ Там же. – Ф. 1287. – Оп. 27. – Д. 257.

⁹⁵ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 77. 1; – Оп. 5. – Д. 56.

материалов середины XIX в. рукописные, печатные документы появляются ближе к концу века и получают широкое распространение в начале XX в.

В государственном архиве Забайкальского края материалы по интересующей нас теме представлены в фонде 4 «Дирекция народных училищ 1870–1920 гг.», где собрано 844 единицы хранения, фонде 74 «2-я Читинская женская гимназия 1906–1920 гг.» хранится 99 дел, фонд 139 «Нерчинская Софийская женская гимназия» 1865–1917 гг. немногочисленный, содержит 17 дел, фонд 61 «Читинская мужская гимназия» 1884–1920 гг. включает 2543 дел. Отрывочные сведения по народному просвещению области можно найти в фонде 1 «Забайкальское областное управление». В частности, разрозненные сведения к годовому отчёту губернатора, об открытии учительской семинарии в Чите⁹⁶.

Существенно дополняют материалы 63 фонда ГАИО, документы, хранящиеся в Государственном архиве республики Бурятия. В фондах Ф-172 «Троицкосавское уездное училище», Ф-266 «Баргузинское бурятское приходское училище», Ф-56 «Верхнеудинское уездное училище», Ф-57 «Верхнеудинская 1-я женская гимназия», Ф-211 «Верхнеудинское 1-е приходское училище», Ф-276 «Кабанское приходское училище», Ф-411 «Кабанское высшее народное училище», Ф-482 «Верхнеудинская учительская семинария» показана история становления учебных заведений. По количеству хранящихся дел фонды многочисленны, но отдельные дела содержат уникальную информацию об учредителях училищ, первых учителях, первых учениках, что не всегда отражается в отчётной документации директоров училищ. Особую ценность представляют документы фонда Ф-211 «Инспекция народных училищ Верхнеудинского, Баргузинского и Селенгинского уездов Забайкальской области». Материалы фонда дают представление о динамике развития начального образования в уездах, особенностях деятельности, инспекторов народных училищ.

⁹⁶ ГАЗК. – Ф 1 – Оп. 1 – Т 3. – Д 993, 1082, 1059, 16496

Нечасто встречаются в источниковой базе по истории народного образования Восточной Сибири документы Национального архива республики Саха (Якутия). Основные документы по истории образования собраны в фонд 288-и, они дают представление о специфике якутской школы и проблемах её становления. В первой описи содержится 688 единиц хранения, в которых представлены документы о школах и формулярные списки учителей. Во второй описи собрано 90 дел, включающих циркуляры Министерства народного просвещения, протоколы педагогических советов, списки учителей, представленных к наградам, официальная переписка. Необходимо отметить, что многие документы архивов Читы, Якутска, Улан-Удэ дублируются в 63 фонде ГАИО, но отдельные детали, имена, события мы можем узнать только из материалов региональных архивов.

Основной объём архивных материалов представлен делопроизводственной документацией. В зависимости от сферы действия документы условно можно разделить на учебные, финансово-хозяйственные, личного состава и учащихся. Условность распределения заключается в том, что многие документы содержат разноплановые сведения и их не всегда можно отнести к определённой группе. Чаще всего в характеристике источников применяют видовую классификацию, которая представлена отчётами, протоколами, докладами, формулярными списками, официальной перепиской, прошениями, ведомостями и др. Источники группируются по своей типовой принадлежности на законодательные, делопроизводственные, статистические и источники личного происхождения.

Законодательную группу составляют распоряжения, указы, решения, законопроекты, положения и постановления, которые регламентируют деятельность ведомства, округа, учебного заведения. Так, в 1903 г. попечителем учебных заведений Восточной Сибири был утверждён Устав общества вспомоществования нуждающимся учащимся Ундинского крестьянского двухклассного училища, хранящийся в 63 фонде ГАИО, что является своего рода уникальным документом.

Важнейшим источником по истории развития народного просвещения являются отчёты генерал-губернатора Восточной Сибири и губернаторов отдельных областей и губерний, которые хранятся в фондах ГАИО и РГИА. В отчёте генерал-губернатора сведения группировались по типам школы. Обычно отчёт начинался со сведений о начальных училищах. С увеличением типов начальной школы выделялись пункты об уездных, городских, высших начальных училищах. Отдельно предоставлялась информация о гимназиях и реальных училищах. Подробно расписывались ученический состав, количество поступивших и окончивших гимназию, изменения в кадровом составе, финансовые источники. Ценность отчётов существенно возрастает при наличии в них мнения генерал-губернатора, в котором зачастую отражалась позиция местной администрации относительно образования. В отчёте генерал-губернатора Д. Г. Анучина неоднократно говорилось о необходимости увеличения числа инспекций и дирекций, приамурский генерал-губернатор Н. И. Гродеков считал необходимым увеличивать количество учебных заведений с целью создания оптимальных условий для освоения края в условиях увеличивающегося притока китайцев.

Отчёты губернаторов Забайкальской, Якутской областей, Иркутской и Енисейских губерний середины XIX в. дают представление об особенностях развития системы образования на подведомственных территориях. Особое внимание уделялось сведениям о вновь открывшихся школах, источниках содержания, материальной базе. С появлением профильных органов власти обязанность по составлению отчётов перешла к ним.

В основу ложились сведения, полученные в результате инспекций и отчётов учителей начальных школ. Именно в них содержатся сведения о причинах закрытия школы, увольнения учителя, отчисления ученика. Также отчёты инспекторов содержат ценные сведения о взаимодействии местной учебной администрации с городскими и сельскими властями и обществами. Отчёты содержали наиболее точные статистические сведения на момент составления документа. Сопоставление

данных инспекторов, директоров народных училищ, губернаторов всегда имеют разночтения, что вызвано длительным периодом составления и получения данных (особенно в Якутской области), за это время некоторые школы успевали закрыться, ученики – прервать обучение, а учителя – уволиться.

Отдельно необходимо сказать об отчётах директоров гимназий. Отчёты имели единообразную форму и последовательность изложения материалов. В первой части отчёта размещалась информация об истории открытия учебного заведения с указанием точных дат, затем о личном составе гимназии, с поимённым перечислением преподавательского состава, количестве проведённых и пропущенных занятий, образовательном цензе, получаемом жаловании. Ученический коллектив характеризовался на предмет успеваемости, сословного положения, вероисповедания. Иногда размещались сведения о состоянии здоровья учеников и соответствии гимназии принятым санитарным нормам. Также в отчётах предоставлялась информация об учебном процессе, дисциплинах, учебных программах. В заключительной части описывались события, произошедшие в гимназии за год, включая плановые (празднование юбилейных дат, событий государственного значения) и чрезвычайные (организация нелегального кружка учащимися).

Необходимо отметить, что отчёты составлялись систематически (за год), что позволяет проследить динамику изменений и провести сравнительный анализ по годам. Обязательной частью являлись статистические ведомости и таблицы, которые придают отчётам особую ценность. В отдельных случаях в архив сдавалась черновая копия, что расширяет информативность источника. Заметим, что степень сохранности отчётов различна, например, отчёты фонда 482 «Верхнеудинская учительская семинария» НАРБ находятся в плохой сохранности. Отчёты директоров Александровско-Заводской и Верхнеудинской семинарий, хранящиеся в ГАИО (ф. 63, д. 676, 583, 732), занесены в разряд особо ценных.

Таким образом, совокупность отчётной документации является одним из самых информативных источников. Сопо-

ставляя сведения отчётов разного уровня, можно с определённой достоверностью охарактеризовать положение системы образования. Тем не менее, несмотря на очевидную ценность отчётов, они не лишены недостатков. В частности, необходимо отметить тщательно скрываемые недостатки, либо неблагоприятные события, сведения о которых можно получить в документах частного характера, например, в жалобах, ходатайствах, местной печати. Для получения достоверной информации необходимо проверять правильность и точность данных, прибегая к методу сопоставления.

Не менее важным источником в изучении истории образования, в том числе и для сопоставления, являются протоколы заседания педагогических советов учебных заведений. Протоколы вносились в составленный по единому образцу журнал, который заполнялся в течение года. Более того, протоколы подлежали утверждению у попечителя или главного инспектора, что налагало повышенные требования к оформлению. Журнал всегда заполнялся каллиграфическим почерком, не допускал исправлений и вычеркиваний. Заседания проводились как минимум один раз в месяц, а при необходимости чаще. В журналах подробно расписывались учебные программы, распределение занятий между учителями, расписание текущих занятий, экзаменов. Из журналов известно о выездных экскурсиях, мероприятиях воспитательного характера, происшествиях. Они служат источником информации об учениках, учителях, отношениях в коллективе. Особенность протоколов заключается в наличии сведений финансово-хозяйственной деятельности, которая в Восточной Сибири вопреки правилам закреплялась за учебной администрацией и педсоветом учебного заведения. Особенно это было характерно для учительских семинарий, лишённых попечительских советов. Из протоколов мы узнаём о поступающих пожертвованиях, плате за обучение, текущих расходах учебного заведения. В целом, протоколы заседаний педсоветов являются источником высокой степени достоверности и порой содержат уникальные сведения, не отражённые в других источниках.

Не менее ценным источником являются формулярные списки. В них содержалась информация о служебной деятельности учителя, полученном образовании, наградах, семейном положении. К концу XIX в. формуляры представляли собой заполненные бланки с однотипной информацией, что позволяет сделать обобщающий анализ по определённым критериям. Иногда в формулярных списках встречаются заявления, ходатайства учителя, свидетельства о политической благонадёжности. При переводе на другое место работы формулярный список предоставлялся по месту службы. Учитывая, что многие учителя Восточной Сибири, отработав положенный срок, переводились в другое ведомство или уезжали из региона, проследить их дальнейшую судьбу довольно сложно. Тем не менее, формуляры – довольно ёмкий источник, имеющий самостоятельное источниковое значение, поскольку содержащиеся в нём сведения больше нигде не дублировались. Кроме уже упомянутых фондов ГАРБа (ф. 482), ГАИО (ф. 63) и ГАЗК (ф. 4, 71), эта подгруппа источников встречается в фонде «Забайкальской духовной консистории» (ф. 8) и содержит сведения о преподавателях Закона Божьего.

Особым типом делопроизводственной документации являются материалы переписки. Переписка велась на нескольких уровнях и представлена предписаниями, распоряжениями, приказами, запросами, рапортами, официальными письмами, прошениями, жалобами. Можно выделить три уровня переписки между Министерством и попечителем учебных заведений, между главным инспектором и представителями местной учебной администрации, между учебными властями и органами местного самоуправления. Предметом переписки чаще всего являются конкретные вопросы. Документ составлялся в двух экземплярах, имел установленные реквизиты и форму. Нередко на документах оставались резолюции о решении вопроса или его переадресации.

Существенно расширяют источниковую базу циркуляры и разъяснения относительно законодательных актов или распоряжений Министерства, попечителя или главного инспек-

тора училищ. Например, циркуляры Министерства народного просвещения устанавливали форму документации, вводили в учебную программу новые предметы. Циркуляр попечителя учебных заведений Восточной Сибири вводил правило обязательной выдачи свидетельства о полученном звании учителя, утверждал нормы содержания для обеспечения якутских пансионов. Разъяснения являлись своего рода толкованием ведомственных нормативных актов и могли быть общего и частного характера. Так, к общим разъяснениям относятся разъяснения Департамента народного просвещения о взимании платы за испытания на звание учителя, взыскание средств за обучение с казеннокоштных учащихся в случае их отказа от обязательной службы. Частные разъяснения давались по запросам попечителей учебных округов.

Особое значение в исследовании истории образования в Восточной Сибири имеют доклады официальных представителей центральных властей об итогах инспекций учебных заведений края. В РГИА хранятся доклады помощника попечителя Санкт-Петербургского учебного округа А. В. Латышева (1865–1866 гг.) и члена Совета МНП А. М. Позднеева (1908 г.). Данные источники вводятся в научный оборот впервые. В докладах содержится информация о состоянии народного просвещения в Восточной Сибири, указаны проблемы развития и мнения инспекторов по их устранению. По результатам инспекции и представленным материалам в регионе были проведены преобразования системы управления.

Документы административно-хозяйственной подгруппы представлены авансовыми счетами, сметами, инвентарными и бухгалтерскими книгами, ведомостями для выплаты стипендии и зарплаты. Необходимо отметить, что эти документы также собраны в отдельные дела, например, бухгалтерские книги Читинской учительской семинарии представлены тремя томами под названием «Главные книги Читинской семинарии». При изучении этой группы материалов были получены данные об источниках и размерах финансирования учебных заведений, о статьях расходов, количестве и степени сохран-

ности имущества, размере стипендий и жалований. При сравнении этих данных были выявлены отличия в обеспечении и материальном положении семинарий. Значительная часть информации о материальной базе Верхнеудинской учительской семинарии содержится только в одноимённом фонде ГАРБа (ф. 482).

Прошения и ходатайства составляют документы частного характера. В основном это прошения о принятии в учебные заведения, ходатайства о назначении стипендии, повышении жалования, назначении на должность, освобождения от платы за обучение. Прошения свидетельствуют о количестве желающих получить образование в определённом типе учебного заведения, что позволяет судить о его востребованности среди населения. Кроме того, прошения выявляют круг просьб и содержат косвенную информацию о материальном положении учащихся. Прошения преподавателей позволяют получить представление о соискателях учительских должностей, образовательном цензе. Просьбы об отпуске, пособии, повышении жалования свидетельствуют о социальном положении и видах государственной поддержки учителей. Документы частного характера позволяют составить суждение о социальной среде просителей.

Источники статистического характера содержат сведения о количестве учебных заведений в стране и регионе, численности учащихся и их социальном составе, количестве выпускников и пр. Так, в материалах ГАРБа, ф. 482, д. 3; ГАИО, ф. 63, д. 47, 142; ГАЗК, ф. 71, д. 424, 277-в, 281, 312; НАРС(Я), ф. 288-и, д. 19, 60, 108, 522 содержатся статистические данные о количестве учителей, учащихся, действующих школах. Однако следует отметить, что значительная часть неопубликованных статистических источников тесно связана с годовыми отчётами учебной администрации. К числу недостатков статистических сведений относится их противоречивость, особенно в данных по начальной школе.

В целом, делопроизводственная документация представлена широким кругом источников, которые к началу XX в подверглись частичной унификации, что привело к периодич-

ности и однородности. Делопроизводство позволяет выявить не только характер и динамику развития общего образования, но и составить представление об эффективности бюрократической системы.

Источники личного происхождения представлены мемуарами-автобиографиями ряда выпускников семинарий. Они свидетельствуют о жизни учащихся в пансионе, преподавателях, об участии семинаристов в революционных событиях. При сопоставлении данных мемуаров-автобиографий с другими источниками подтвердилась их достоверность. Эта группа источников содержится в фондах Музея истории народного образования (ф. 1, 2), личных фондах В. И. Конюкова, П. И. Налетова, М. Е. Аршинского и в Музее истории Читинской учительской семинарии (ф. 3).

Отдельную группу составляют технотронные источники – фотографии, оцифрованные материалы (автографы, печати, символика). Сохранился и ряд вещественных источников: архитектурные памятники (здания учебных заведений), форменная одежда, награды, личные вещи. Многие из них хранятся в музеях и являются ценным материалом для изучения. Следует заметить, что вещественные источники в данном исследовании носят вспомогательный характер и привлекаются в большей степени как иллюстративный материал.

Таким образом, представленные источники разнородны по происхождению и функциональной направленности. Отличительной чертой можно назвать разноуровневую систему отчётности, которая при сопоставлении позволяет с высокой степенью достоверности судить о положении системы общего образования. Также необходимо отметить, что реализация общероссийских законодательных актов достигалась путём принятия региональных норм, что дополнило источниковую базу. В совокупности источниковая база исследования обладает достаточной репрезентативностью и может быть прочной основой для решения поставленных задач.

Глава 1. Формирование региональной системы управления общим образованием

1.1. Специфика развития системы общего образования в контексте геополитических особенностей Восточной Сибири

Вхождение Сибири в состав Российской империи началось в конце XVI в. и продолжалось до начала XX в. По мнению М. В. Шиловского, геополитический «охват» Сибири продолжался в четыре этапа: конец XVI в. – 1689 г.; 1689–1822 гг.; 1822–1890-е гг.; незавершённый четвёртый этап начался в 1896 г.⁹⁷ В результате столь длительного освоения Российская империя приобрела территорию общей площадью более 7 млн кв. км, граничащей с Китаем и Монголией. Длительный период освоения Сибири обусловил появление подвижной границы. По мере продвижения русских на восток прежние рубежи утрачивали пограничное положение, превращались в собственно территорию Российской империи. На новых рубежах укрепленные крепости, остроги, форпосты, связанные между собой сложной системой взаимодействия, формировали своеобразный сибирский фронт. Процесс освоения новых территорий сказался на формировании административной системы управления. В контексте взаимоотношений центра и периферии установился особый порядок управления Восточной Сибирью, проявившийся в создании особых органов. Особенностью административного устройства становится достаточно выраженная автономная военно-административная система управления, возглавляемая генерал-губернатором, выступавшим в качестве посредника между высшей и местной властью. Опираясь на личное доверие императора, генерал-губернаторы располагали фактически неограничен-

⁹⁷ Шиловский М. В. Геополитическая значимость Азиатской России для России в XVII – начале XX в. // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. – Екатеринбург, 2008. – С. 648–653.

ными полномочиями. По мере усиления связей центра и периферии в регионе вводились общесимперские принципы и органы управления. По мнению А. В. Ремнева, система власти в Восточной Сибири представляла своеобразный «административный фронт»⁹⁸. Усиливали черты фронтирности элементы милитаризации, выразившиеся в формировании казачьих войск и учреждении должности военных губернаторов. Заметим, что длительное время система образования находилась под контролем генерал-губернаторов, что наложило своеобразный отпечаток на её развитии. Таким образом, в результате длительного процесса освоения огромной территории геополитическое положение Восточной Сибири приобрело специфические черты, выразившиеся в особом порядке управления, трансграничном положении, природно-климатических особенностях.

В XIX в. в состав Восточной Сибири входили Иркутская и Енисейская губернии, Забайкальская и Якутская области. Площадь Енисейской губернии составляла 2 297 150 кв. вёрст, Иркутской – 786 350, Забайкальской области – 538 890, Якутской – 3 331 520 кв. вёрст⁹⁹. Енисейская губерния включала 7 административных единиц – Красноярский, Ачинский, Минусинский, Канский, Енисейский уезды, Туруханский край, Усинский пограничный округ. Самым большим по занимаемой площади (1 659 010 кв. вёрст) и самым слабозаселённым (0,009 чел. на кв. версту в 1911 г.) являлся Туруханский край. Иркутская губерния подразделялась на Балаганский, Иркутский, Нижнеудинский, Верхоленский, Киренский уезды и Олёкминский и Витимский округа. Самым крупным уездом считался Киренский, который занимал 416 330 кв. вёрст. В Забайкальскую область входили Верхнеудинский, Читинский, Селенгинский, Нерчинский, Акшинский, Нерчинско-Заводский, Троицкосавский и Баргузинский уезды. Самыми крупными уездами считались Баргузинский (148 510 кв. вёрст) и Нерчинско-Заводский (100 410 кв. вёрст). Якутская

⁹⁸ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX–XX века: проблемы регионального управления // Отечественная история – 1994. – № 2

⁹⁹ Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом – СПб., 1914 – 719 с.

область имела меньше всех уездов, но была самая большая по занимаемой площади. Якутский, Вилюйский, Олёкминский, Верхоянский, Колымский уезды в совокупности составляли 3 331 520 кв. вёрст¹⁰⁰. В качестве сравнения приведём размеры губерний центральной России. Так, Калужская губерния занимала 27 177 кв. км, Московская – 29 263 кв. км, Курская – 40 424 кв. км, Орловская – 41 057 кв. км. Очевидно, что средний размер сибирской губернии более чем в 15 раз превышает размеры губерний в Европейской России.

Огромное пространство Восточной Сибири становится одним из ведущих факторов, отразившихся на социально-экономическом развитии региона, в том числе и на формирующуюся систему образования. Первые учебные заведения Восточной Сибири открывались преимущественно в крупных административных центрах и обучали, прежде всего, детей городских сословий. Незначительное количество учащихся из отдалённых селений вынуждены были жить у родственников или снимать комнаты у посторонних. С увеличением потребности в образовании школы стали открываться в сельской местности. Заметим, что сибирские сельские школы были малочисленными. Как правило, в связи с огромными расстояниями между селениями сельская школа обучала детей в основном из одного села. Регулярное посещение школы детьми из окрестных деревень было невозможным, ситуацию усугубляли суровые и продолжительные зимы. Залогом эффективности сельской школы становится организация пансионов (общежитий) для учащихся из близлежащих сел. Более того, в Якутской области с незначительным количеством населения открытие школы без общежития не представлялось возможным. Наличие при школе пансиона становится специфической чертой сибирской школы, обусловленной геополитическими особенностями региона.

В зависимости от благосостояния населения и позиции местных властей при школах организовывали ночлежные приюты или пансионы. Ночлежные приюты представляли собой спальную комнату при школе. Питание детей организовано не

¹⁰⁰ Азиатская Россия. Т. I. Люди и порядки за Уралом. – СПб., 1914. – 719 с

было и осуществлялось родителями в индивидуальном порядке. В некоторых приютах при содействии учителей организуются общие кухни, где из привезённых учениками продуктов готовили горячие обеды. При наличии средств для общежития снимали отдельное помещение с кухней, баней, прачечной. Примером подобного пансиона является общежитие Зунгаро-Быкойской школы Иркутской губернии, организованное для детей из четырёх улусов. В Якутской области большинство пансионатов содержалось за счёт государства. В 1901 г. из 16 начальных училищ 11 располагали общежитиями. Количество пансионеров ограничивалось, поскольку их содержание было дорогостоящим, и государство устанавливало определённую квоту, однако при наличии средств родители могли помещать ученика в пансион, оплачивая его годовое содержание. Пансионерам полагались бесплатное питание, одежда, предметы гигиены, постельные принадлежности. Организация и содержание пансиона производилось преимущественно самим учителем и лишь иногда отдавалось стороннему лицу через торги¹⁰¹.

В 1904 г. инспектор Якутской области С. О. Огородников установил годовые нормы содержания одного пансионера. Так, в год на питание полагалось закупать «...9 пудов мяса второго сорта, 10,5 пудов хлеба из яричной муки, 2 шт. чая кирпичного, 22,5 фунта масла топлёного коровьего, 6,2 пуда молока коровьего, 20 фунтов ячневой крупы, 18 фунтов соли, 4 пуда 20 фунтов белокочанной капусты, 3 пуда 15 фунтов картофеля», а также «...3 пары рубах и кальсонов, 3 шт. носовых платков, 3 шт. полотенец, 3 шт. наволочки, 3 шт. простыни, 1 зипун ватный, 1 штаны на вате, 2 штанов на бумажной ткани, 1 пояс, 1 шарф, 1 пара рукавиц на вате, 1 шапка плюшевая. 1 картуз, 1 блуза парадная, 2 блузы будничных, 3 пары торбасов из кожи коров, 1 пара обуви из сыромятной кожи, 3 пары чулок из зипуна, 2 пары портянок из холста. 1 тюфяк. 1 подушка, 1 одеяло»¹⁰². Кроме одежды и питания, пансион обе-

¹⁰¹ НАРС(Я). – Ф. 288-и. – Оп. 1. – Д. 82. – Л. 9–10

¹⁰² Там же.

спечивали дровами, водой, свечами. Ежегодно на содержание 20 чел. из государственной казны тратилось более 1 500 р., т. е. по 75 р. на одного человека, в то время как средняя стоимость обучения в начальной школе Восточной Сибири не превышала 26 р. в год. По сравнению с другими регионами России государство для развития учебного дела в Якутии выделяло значительно больше средств при небольшом количестве учебных заведений¹⁰³.

В середине XIX в. Восточной Сибири формируется система управления образованием, представленная должностью главного инспектора народных училищ, дирекциями и инспекциями. Одним из значимых направлений деятельности инспектора являлись ревизии всех учебных заведений края. Согласно законодательству, ревизии проводились «по одному разу в течение двух лет»¹⁰⁴. Однако территориальный фактор существенно затруднял выполнение данного положения. Удалённость одного селения от другого могла составлять десятки, а то и сотни верст. Учитывая размеры края, для проведения полноценной ревизии инспектору требовалось проехать двенадцать тысяч верст по грунтовым дорогам на различном виде транспорта в течение десяти месяцев. Во время ревизий инспектора замещал чиновник, назначенный из главного управления Восточной Сибири, который все решения по наиболее важным делам откладывал до возвращения инспектора. Генерал-губернатор Г. Д. Анучин отмечал, что это «всегда влекло полный застой в делах»¹⁰⁵.

В конце XIX в. в управлении образованием активно формируются инспекторские районы. Критериями для формирования районов становится количество учебных заведений и административно-территориальное деление. Средний размер инспекторского района в Европейской России составлял до 8000 кв. вёрст с общим количеством училищ, не превышающим сотни. Исключение составляли инспекция Орского уезда

¹⁰³ НАРС(Я). – Ф. 288-я. – Оп. 1. – Д. 82. – Л. 9–10.

¹⁰⁴ Уставы учёных учреждений и учебных заведений // СЗРИ. – СПб., 1893. – Т. 11. – Ч. 1. – С. 17.

¹⁰⁵ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 194. – Д. 84. – Л. 2.

Оренбургской области – 40,807 кв. версты с 204 училищами, часть Одесского градоначальства с 166 училищами, город Лодзь с 381 училищами на 19,4 кв. версты. Самые маленькие инспекторские районы были в Варшавском учебном округе – до 16,55 кв. вёрст, где находилось от 50 до 150 учебных заведений.

Очевидно, что общероссийские нормативы для Восточной Сибири не подходили, вследствие чего за основу инспекторского района были положены административные районы. Самая большая по площади инспекция была учреждена в Якутии, она включала Вилюйский уезд размером 883 500 кв. вёрст с девятью училищами, Верхоянский уезд площадью 947 000 кв. вёрст с пятью училищами и Колымский уезд площадью 604 500 кв. вёрст с двумя училищами, в совокупности это 2 435 000 кв. вёрст с 16 учебными заведениями¹⁰⁶. В Забайкальской области в ведение каждого инспектора было отведено по два уезда. Так, в первый участок вошли Читинский и Акшинский, во второй – Верхнеудинский и Баргузинский, в третий – Нерчинский и Нерчинско-Заводский, в четвёртый – Троицкосавский и Селенгинский уезды. В Иркутской губернии инспектор первого участка на 70 169 кв. км инспектировал 152 школы Иркутского уезда. Инспектор второго – 80 училищ Балаганского и Верхоленского уездов на территории 115 776 кв. км. На третьем участке действовало 66 школ Нижнеудинского уезда на площади 106 798 кв. км. Территория четвёртой инспекции составляла 410 905 кв. км с 75 школами Киренского уезда. Привязка инспекторских районов к административным нарушила соотношение района с количеством школ. Распределение количества школ по уезду было неравномерным и варьировалось от 16 до 150 школ на участке. Более того, на практике выяснилось, что инспекционная поездка затруднялась чересполосицей владений крестьян, казаков и инородцев, из-за которой инспектору приходилось проезжать по чужим районам до 70 вёрст. Учитывая отсутствие дорог и гужевого транспорт, на командировки требовалось в два раза больше отведённого времени и средств.

¹⁰⁶ ГАИО. – Ф 63. – Оп. 1. – Д. 203. – Л. 12–15 об

Таким образом, очевидно, что огромные пространства Восточной Сибири становятся препятствием для реализации общероссийских принципов управления системой образования. Эффективность деятельности инспектора народных училищ существенно снижалась в условиях обширного района с небольшим количеством школ. Для решения вопроса об определении инспекторских районов в условиях Восточной Сибири в 1902 г. состоялся съезд инспекторов. На съезде основным критерием для формирования инспекторского района утвердили количество школ без учёта их административной принадлежности. Новое распределение уничтожило чересполосицу и отчасти облегчило ревизионную работу инспекторов¹⁰⁷.

В мае 1908 г. император утвердил законопроект «Об отпуске 6.900.000 р. на нужды начального образования». Финансирование начального образования увеличилось в десятки раз. С 1908 по 1914 гг. Министерством народного просвещения на нужды начального образования ассигновано 51 900 000 р. и дополнительно для школьного строительства выделено 51 416 000 р.¹⁰⁸ С этого момента в стране начинается подготовка к введению всеобщего начального образования. В Европейской части России основную роль в реализации закона 1908 г. играли земские органы власти и училищные советы. Советы приступили к формированию школьной сети по принципу трёхвёрстного радиуса. Открываемые одноклассные училища обучали детей из селений, расположенных в радиусе трёх вёрст от него. Класс формировался из 50 учеников с одним учителем. Государство выделяло средства из расчёта 360 р. в год на жалование учителю и 60 р. законоучителю¹⁰⁹. Затраты на строительство и содержание вновь открываемых школ и классов возлагались на земства и училищные советы.

¹⁰⁷ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 2. – Д. 7. – Л. 98.

¹⁰⁸ Всеобщее обучение: сб. законов и правительственных распоряжений / сост. К. И. Денисов. – СПб., 1914. – Вып. 2. – 44 с.

¹⁰⁹ Высочайше утверждённый, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон «Об отпуске 6.900.000 рублей на нужды начального образования» // Собр. узаконений. – 1908. – Отдел I. – № 73. – Ст. 447

К 1913 г. из 426 уездных земств 398 оформило соглашение с Министерством народного просвещения о введении всеобщего образования.

В Восточной Сибири обсуждение проектов по введению всеобщего образования началось в 1909 г. В связи с отсутствием земских органов власти организационная работа проводилась главным инспектором Г. П. Василенко и директорами народных училищ. Основной задачей учебной администрации стало создание проекта финансового плана и школьной сети. Существенным препятствием при планировании школьной сети вновь становится территориальный фактор. Организация школ по принципу трёхвёрстного радиуса была возможна лишь в наиболее населённых районах, находящихся вблизи с железной дорогой и судоходными реками. Если Енисейская и Иркутская губернии при увеличении школьного радиуса до 10 вёрст относительно вписывались в общий план, то для Якутской области, части Забайкальской области и Туруханского края требовались иные принципы организации школьной сети. Введение всеобщего образования в этих областях было возможно только при выделении дополнительных средств на организацию общежитий при учебных заведениях. Следовательно, территориальный фактор внёс коррективы в государственную программу по введению всеобщего образования в Восточной Сибири.

Организация учебного процесса в школах Восточной Сибири находилась в зависимости от климатических условий региона. Для Восточной Сибири характерен резко континентальный климат, где зимние температуры достигают $-50\text{ }^{\circ}\text{C}$, местами до $-70\text{ }^{\circ}\text{C}$, летние $+30\text{ }^{\circ}\text{C}$ с резкими перепадами температуры в течение суток. На огромной площади региона чередуются различные климатические зоны. До 60 % площади занимает тайга с незначительной заболоченностью, остальное пространство делят лесостепи, горы и тундра. Учитывая различные климатические зоны, смена времён года в областях и губерниях Восточной Сибири проходит в различное время. Ю. А. Гагемейстер отмечал, что в Иркутской губернии тая-

ние снегов приходится на март, с 20 апреля начинается сельскохозяйственный год и продолжается до середины октября. В конце октября выпадает первый снег, морозы начинаются с декабря. В Якутске первый снег нередко выпадает во второй половине сентября, морозы начинаются с октября. Понижение температуры происходит до января, усиление морозов сопровождается ветрами, сыростью, «ледяной пылью»¹¹⁰. Снег лежит до начала мая. Лето продолжается в течение непродолжительного времени в июне и первой половины июля.

Учитывая климатические особенности региона, учебный год в школе зависел от продолжительности сельскохозяйственного. Для городских учебных заведений такая зависимость не имела существенного значения, занятия начинались в августе и заканчивались в мае. В сельской школе учебный год был значительно короче, начинался в конце октября и заканчивался в середине апреля. Минимальная продолжительность с учётом рождественских и пасхальных каникул составляла четыре месяца¹¹¹. Суровые зимние холода часто становились причиной приостановки занятий, при понижении температуры до -40°C ученики освобождались от занятий, из-за отсутствия дров многие школы закрывались. Недолгим спасением от холода становились горячие завтраки (чай с хлебом) устраиваемые попечительскими комитетами для учащихся. При анализе численности ученических коллективов обращает внимание высокий процент учащихся, выбывших до окончания обучения. При изучении отчётов инспекторов установлено, что основной причиной являлось раннее привлечение детей к хозяйственным работам и отсутствие у них тёплых зимних вещей.

Таким образом, климатические особенности Восточной Сибири оказывали влияние на организацию и деятельность

¹¹⁰ Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. – СПб., 1854. – Ч. 1 – С. 193.

¹¹¹ Предварительные правила народного просвещения / сост. П. А. Лебедев. Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. (до реформ 60-х гг.). – М.: Педагогика, 1987. – 560 с.

системы образования. Территориальные просторы ослабляли модернизационные процессы, характерные для развития системы во второй половине XIX – начале XX в.

Население Восточной Сибири представлено русскими и коренными народами. По данным Ю. А. Гагемейстера, в 1851 г. в Иркутской губернии проживало 153 627 чел., в Енисейской – 316 032 чел., в Забайкальской области – 211 708 чел., в Якутской – 210 475 чел. Общая численность населения составляла 999 552 чел., из них коренных народов в Енисейской губернии – 32 997 чел., в Иркутской – 36 032 чел., в Забайкальской области – 111 454 чел., в Якутской – 202 071 чел.¹¹² Всего в Восточной Сибири проживало 382 718 чел. коренного населения, что от общего числа составляло 38 %. В конце XIX в. русское население увеличилось более чем в четыре раза и составляло 4 651 313 чел. В Енисейской губернии проживало русских 494 462 чел., в Иркутской – 376 291 чел., в Забайкальской области – 442 744 чел., в Якутии – 30 007 чел.; коренных жителей – 50 065 чел., 116 361 чел., 212 599 чел., 235 623 чел. соответственно¹¹³. В совокупности в Восточной Сибири в 1898 г. проживало 5 316 026 чел., из них 664 713 инородцев (12 %). В 1911 г. общая численность населения составлял уже 8 685 976 чел., из них русских – 7 995 620 чел., коренных народов – 690 356 чел. (9 %). Средняя плотность населения составляла в Енисейской губернии 0,42 чел. на кв. версту, в Иркутской – 1,0, в Забайкальской области – 1,6, в Якутской – 0,082¹¹⁴.

Таким образом, население Восточной Сибири за 60 лет увеличилась более чем в 8 раз. При сохранении положительной динамики численности коренных народов мы видим сокращение их количества на общем фоне. Данное обстоятельство объясняется экономическим развитием края и притоком переселенцев из Европейской России. По данным Л. М. Дамешека, с 1816 по 1897 г. численность русского населения

¹¹² Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. – СПб., 1854. – Ч. 1. – 359 с.

¹¹³ Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. – СПб., 1914. – 719 с.

¹¹⁴ Там же.

в Сибири возросла на 354 %. С 1906 по 1914 г. в Сибирь переселилось около 3 млн чел., на долю Восточной Сибири приходилось 32 %¹¹⁵.

Национальный состав населения Восточной Сибири представлен тюркскими, монгольскими, финно-угорскими народами. Тюркоязычные народности представлены якутами, компактно проживающими в Якутской области. Якуты вели кочевой образ жизни. Не препятствовали распространению православия, часть населения сохраняла шаманизм. Монгольские племена представляли буряты, расселившиеся преимущественно на территории Забайкальской области и части Иркутской губернии, вели кочевой образ жизни, занимаясь скотоводством, частично земледелием. Бурятское население рассредоточено между родами хоринских, селенгинских, баргузинских, кударинских бурят. Буряты оставались приверженцами буддизма, ламаизма, шаманизма. Миссионерская деятельность среди населения была затруднена противодействием со стороны лам. Селенгинские буряты за свой счёт формировали четыре казачьих полка, за что были освобождены от ясака и получили право на розничную пограничную торговлю. Тунгусские племена были рассеяны по Восточной Сибири. Часть из них проживала в Нерчинском, Иркутском, Киренском, Верхнеудинском уездах, часть расселилась в Якутской области. Тунгусы приняли православие, частично сохраняли шаманизм. Основное занятие – охота, рыболовство, частично земледелие. Ю. А. Гегемейстер отмечал у них добродушие, гостеприимство, легкомыслие¹¹⁶. По долине Енисея расселились различные племена, получившие название татар. В середине XIX в. их численность достигала чуть более 21 000 чел.¹¹⁷ Сохраняя шаманизм, они не противодействовали распростра-

¹¹⁵ Дамешек И. Л., Дамешек Л. М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Сер. Азиатская Россия. – Иркутск, 2009. – С. 85.

¹¹⁶ Гегемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. – СПб., 1854. – Ч. 2. – С. 26.

¹¹⁷ Там же. – С. 27.

нению православия, часть из них полностью обрусела. Основными занятиями являлись земледелие, скотоводство, рыбный промысел.

Более трети коренного населения Восточной Сибири составляли буряты, второе место занимали якуты, затем остальные малочисленные народности. В рамках региона коренные народы расселялись неравномерно. Если в Якутской области доля якутов составляла абсолютное большинство, то в долине Енисея представители коренных народов находились в меньшинстве. В Енисейской губернии коренные народы проживали преимущественно в Туруханском крае, составляя 71,7 % от общего числа жителей, доля в Минусинском и Ачинском уездах представляла 13,3 и 8,9 % соответственно. В Иркутской губернии компактно проживали буряты в Иркутском, Балаганском и Верхоленском уездах, в Киренском уезде – якуты, в Нижнеудинском незначительное количество карагасов (тофаларов). Процентное соотношение коренных жителей от общего числа варьировалось от 19,9 до 36,5 %. В Забайкальской области в Селенгинском и Верхнеудинском уездах проживало 61,3 и 31,1 % бурят соответственно¹¹⁸.

Соглашаясь с позицией Л. М. Дамешека и И. Л. Дамешек о мягком характере колонизации Восточной Сибири, мы можем говорить об отношении российских властей к коренным народам как к подданным¹¹⁹. Соответственно, образовательная политика властей относительно инородцев также носила мягкий характер, допуская отступления от действующего законодательства. Для бурятских и якутских детей, с детства говоривших на национальном языке, обучение на русском в школе становилось сложной задачей. Незнание языка, отсутствие учителей, говоривших одинаково хорошо на национальном и русском языках, стали факторами значительного отсева учащихся в национальных школах. Для освоения учебной программы училища требовалось качественное обучение

¹¹⁸ Дамшек Л. М. Народы Сибири в административной системе Азиатской России XVIII – начала XX века. – Иркутск. Изд-во ИГУ, 2016. – С. 16.

¹¹⁹ Дамшек И. Л., Дамшек Л. М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.) Сер Азиатская Россия. – Иркутск, 2009. – С. 78.

русскому языку. Для якутской школы это положение вызвало серьёзное затруднение. Инспектор С. О. Огородников в 1904 г. по этому поводу писал: «Якутская школа просуществовала более 30 лет, а подъезжаешь к ней и не слышишь русской речи; даже дети казаков и местного духовенства говорят на якутском языке»¹²⁰. В 1905 г. на совещании инспектора и учителей Аксиньина, Винокурова, Шастина, Сивцева, Сафронова, Бубякиной и Поповой была принята примерная учебная программа для одноклассного начального училища, увеличивающая срок обучения на год. Первый год отводился преимущественно на изучение русского языка, в последующие три изучали обычную программу. В связи с несоответствием срока обучения и количества отделений (4 года и 3 отделения) набор в первое отделение осуществлялся 3 раза в 4 года¹²¹.

Программу утвердил главный инспектор, она получила дальнейшее распространение в якутских школах. В том же году в Забайкальской области по инициативе инспектора В. В. Попова главный инспектор утвердил Положение об иногородческих (бурятских) школах в Забайкальской области сроком на шесть лет. В положении увеличивались на год сроки обучения в одноклассном и двухклассных начальных училищах. Более того, в первый год обучения разрешалось преподавание дисциплин на национальном языке¹²².

В рамках подготовки педагогических кадров для учебных заведений Восточной Сибири также существовал ряд отступлений от общего законодательства. В частности, в Читинской учительской семинарии принимали к обучению бурят-буддистов в качестве своекоштных воспитанников. С первых лет деятельности семинарии в учебную программу вводится изучение бурятского языка, который преподавал принятый в семинарию буддист Цыден Сокияевич Сокияев¹²³. Извест-

¹²⁰ НАРС(Я). – Ф. 288-и. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 7.

¹²¹ Там же. – Д. 82. – Л. 9–10.

¹²² Чернолуцкий В. И. Настольная книга по народному образованию. – СПб., 1911. – Т. 4, доп. – С. 486.

¹²³ Мамкина И. Н. Забайкальские учительские семинарии 1900–1921 г. – Читинский Поиск, 2008. – 168 с.

но, что в целом по стране в начале XX в. национальный язык как учебный предмет изучался только в Закавказской семинарии¹²⁴. С 1916 г. бурятский язык включён в программу Иркутской учительской семинарии. Таким образом, национальный фактор в контексте политики русификации привнёс в развитие системы образования элементы демократичности.

Ещё одна геополитическая особенность Восточной Сибири нашла отражение в развитии начального образования. На территории региона одновременно сосуществовали православие, буддизм, ламаизм, шаманизм, старообрядчество. В 1851 г. старообрядцев в общей сложности насчитывалось 23 355 чел. В Забайкальской области (Тарбагатай, Куналей, Мухоршибирский, Урлукский, Верхнеудинский округа) – 11 350 чел., в Енисейске – 5 945 чел., Канске – 1 676 чел., Минусинске – 1 955 чел., Ачинске – 2 429 чел.¹²⁵

Конфессиональные особенности создавали особые взаимоотношения властей и населения в вопросе просвещения. Так, в Забайкальской области в 1911 г. численность «семейских» возросла до 49 745 чел. Инспектор отмечал: «семейские враждебно относятся как к светской, так и к духовной школе»¹²⁶. Несмотря на компактность проживания и относительно высокий уровень дохода старообрядцев, в селениях Бичурская (7088 чел.), Окино-Ключевская (2248 чел.) не имелось ни одной школы. В Брянской с населением 4640 чел. открыта одна школа с 40 учащимися, в Куйтунской (6306 чел.) действовала школа с 25 учащимися¹²⁷.

Старообрядцы не выказывали заинтересованности в открытии училищ, при встрече с властями, выслушав все доводы, уклонялись от принятия положительного решения. Инспектор восьмого района считал, что «школа в старообрядческих селениях не будет пустовать при соблюдении следующих условий:

1. Она должна быть образцовой во всех отношениях.
2. Долж-

¹²⁴ Чарнолуцкий В. И., Фальборк Г. А. Учительские семинарии и школы: систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций, программ и справочных сведений. – СПб., 1901. – С. 94.

¹²⁵ Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. – Ч. 2. – С. 25.

¹²⁶ ГАИО. – Ф. 63 – Оп. 1 – Д. 145. – Л. 15 об

¹²⁷ Там же.

на всецело содержаться на средства казны и земских сумм. 3. Заведующим школой должен быть опытный энергичный учитель с хорошей педагогической и общеобразовательной подготовкой»¹²⁸. По мнению властей, к выбору учителя в старообрядческие селения необходимо было относиться с особой тщательностью. Очевидно, что при данных обстоятельствах учитель выступал не только как служащий ведомства МНП, но и как «дипломат», устанавливая взаимоотношения власти и некогда опального населения.

Существенное препятствие на распространение образования среди бурят оказывали ламы. Директор народных училищ А. И. Сниткин в докладной записке отмечал мнение хамбо-ламы о том, что «буряты боятся министерских школ, видя в них способников к водворению среди бурят истинных христианских учений»¹²⁹. Главы бурятских родов сознательно затягивали открытие учебных заведений длительной бюрократической волокитой. Не высказывая категоричного отказа, родовая верхушка ходатайствовала об открытии таких учебных заведений, которые бы преимущественно содержались казной либо юридически не могли быть открыты в данной местности. Баргузинская степная дума ходатайствовала об открытии в улусе четырёхклассного городского училища, в Хоринской степной думе настаивали на обучении в министерском училище «ламаистским священным молитвам, вопреки существующим узаконениям»¹³⁰.

Однако соседство с русским населением обуславливало необходимость знания русского языка как устного, так и письменного. Поэтому во многих бурятских селениях, особенно среди бурят-казаков, охотно открывали училища и участвовали в их содержании. Трудность заключалась в том, что поселения бурят-казаков были малочисленны и редко достигали более 300 жителей. Инспектор народных училищ в 1911 г. отмечал, что «в противоположность русским, которые живут сплочёнными, хотя часто и небольшими, посёлками, каза-

¹²⁸ ГАЗК. — Ф. 4. — Оп. 3. — Д. 13. — Л. 113.

¹²⁹ Там же. — Оп. 2. — Д. 3. — Л. 156.

¹³⁰ Там же. — Л. 156–161 об

ки-буряты разбросаны по громадной территории принадлежащих им земель очень мелкими поселениями». Юрты «большей же частью расположены по 2, по 3 и находятся от других юрт в нескольких местах, а расстояние урочищ от центра станичного округа... часто достигает нескольких десятков вёрст»¹³¹. Организация обучения среди бурятского населения требовала дополнительных затрат на обустройство общежитий, так как кочевой образ жизни, значительная удалённость населённых пунктов друг от друга не позволяли ученикам регулярно посещать школу. Для поддержки национальной школы в Забайкальской области в 1893 г. из государственного казначейства было выделено 7643 р. на организацию пансионатов¹³². В Якутской области конфессиональный фактор не являлся препятствием в деле развития просвещения.

Таким образом, пёстрый социальный, этнический и конфессиональный состав оказывал неоднозначное влияние на развитие системы образования. Принципиально важным моментом становится относительная демократизация системы. Влияние национального фактора позволило заложить основы для развития национальной школы в регионе.

Восточная Сибирь, являясь окраиной Российской империи, граничила с Китаем и Монголией. Общая протяжённость сухопутной границы с Китаем составляла около 4000 км и около 3000 км – с Монголией. Значительная часть граница проходила по территории Забайкальской области. Непосредственное соседство Восточной Сибири с Китаем и Монголией обусловило развитие торгово-экономических отношений. В середине XIX в. ежегодные доходы от торговли с Китаем приносили в казну более 16 млн р.¹³³ Ведущее место в торговле принадлежало Кяхте (позднее Троицкосавск). Кяхта являлась связующим звеном в торговых отношениях между Европой и Азией. Товары, проходящие через Кяхту, продавались в торговых домах России и Европы. Положение Кяхты как

¹³¹ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 145. – Л. 14 об.

¹³² ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 27 об.

¹³³ Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири – СПб., 1854 – Ч. 2 – С. 590

форпоста российско-китайской торговли сказалось на социальном составе населения. С увеличением объёмов торговли возрастало количество торгующих жителей. В 1851 г. число сибирских купцов увеличилось в три раза, до 8008 чел. На каждого купца приходилось 129 000 р. серебром годового дохода¹³⁴. Нет нужды подробно расписывать необходимость обеспечения торговли не только грамотными специалистами, но и элементарно переводчиками. Организация школьного дела в Кяхте являлось одной из важнейших задач. По количеству учебных заведений Троицкосавск мог соперничать с Иркутском. В 1882 г. в Троицкосавске действовало реальное училище (первое в Восточной Сибири), городское 4-классное начальное, женская гимназия, в округе открыто 10 приходских училищ¹³⁵. Следовательно, под влиянием приграничного положения территории развитие системы образования проходило быстрее.

Приграничное положение Восточной Сибири сказалось и на содержании учебных программ. Так, в губернской гимназии Иркутска учащиеся изучали китайский, японский языки. библиотека гимназии располагала изданиями на маньчжурском, китайском языках¹³⁶. Первые приходские училища, открытые в Балаганске (1804 г.) и Онинске (1806 г.), были ориентированы на изучение русского и монгольского языков¹³⁷. С расширением российско-монгольских торговых отношений в начале XX в. в программу Троицкосавского училища ввели изучение монгольского языка, монголоведения, принимали к обучению учеников из Монголии.

Осуществление охраны государственной границы требовало грамотных специалистов пограничной службы, которую осуществляли казачьи полки. С этой целью в Троицкосавске ещё в 1832 г. учредили русско-монгольскую войсковую школу,

¹³⁴ Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. – СПб., 1854. – Ч 2 – С. 590.

¹³⁵ ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 14.

¹³⁶ Иркутские повествования. 1661–1917 годы: в 2 т. Т. 2 / авт.-сост. А. К. Черников. – Иркутск: Оттиск, 2003.

¹³⁷ Андреев В. И. Хоринская средняя школа. – Иркутск, 1958. – 54 с.

где дети из бурятских казачьих полков изучали воинское дело, монгольский язык и основы ламаизма. В 1851 г. русско-монгольскую школу перевели в Селенгинск. В 1879 г. в школе обучались 10 бурят и 10 русских учащихся из казачьего сословия. В первом классе преподавал учитель ламаист Рабасов, во втором – Семенов¹³⁸. В 1888 г. школу преобразовали в двухклассное сельское училище.

Закрытие войсковых школ лишило забайкальские пограничные службы грамотных специалистов. Наказной атаман Забайкальского казачьего войска неоднократно ходатайствовал об открытии гимназии в Чите для подготовки младших офицеров. При открытии Читинской гимназии ЗКВ принимало активное участие в её финансировании, выделяло средства на обучение казаков. В 1908 г. наказной атаман ЗКВ ходатайствовал о необходимости развития начального образования среди рядовых казаков. «Народное образование в войске стоит низко за отсутствием средств у населения и войска. Народное образование оставлять в том же положении нельзя, ибо оно есть самый важный двигатель жизни и должно составлять предмет первой заботливости правительства. Без образования казаки будут жить так же, как жили их деды, не заботясь об улучшении ведения способов хозяйства»¹³⁹. Император «... собственноручно соизволил начертать "Очевидно"»¹⁴⁰. Данной резолюции было достаточно, чтобы вопрос об образовании казаков в Забайкальской области получил дальнейшее развитие. При открытии новых начальных школ приоритет отдавался казачьим станицам.

Повышение международной активности на Дальнем Востоке и в Китае оказало влияние на миграцию населения в приграничных территориях. Особую тревогу у Забайкальского военного губернатора вызывало увеличение числа китайцев. В отчёте 1901 г. он отмечал необходимость развития начальной и средней школы в крае как фактора сохранения русского населения в условиях «наплыва китайцев, которые не подчи-

¹³⁸ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 1 – Д. 2. – Л. 95.

¹³⁹ Там же – Д. 145. – Л. 42.

¹⁴⁰ Там же – Л. 60.

няются местной власти»¹⁴¹. Заметим, что об этом неоднократно писал приамурский генерал-губернатор Николай Иванович Гродеков. После подавления боксёрского восстания в Китае при возрастающем числе китайцев в регионе Н. И. Гродеков настаивал на увеличении числа школ: «...в особенности средних учебных заведений ...так как от этого зависит в значительной степени более продолжительное пребывание в области лиц, находящихся на государственной службе»¹⁴². Таким образом, для приграничных территорий развитие доступного образования имело не только культурное, но и стратегическое значение.

Подводя итог, необходимо отметить, что Восточная Сибирь во второй половине XIX – начале XX в. имела ряд геополитических особенностей. Во-первых, это огромная, богатейшая природными ресурсами территория, находившаяся на значительном удалении от центра Российской империи. Пространственный фактор оказал существенное влияние на освоение и интеграцию восточной окраины в общероссийское экономическое и социокультурное пространство, растянувшихся на несколько столетий. Во-вторых, социальный состав Восточной Сибири был далеко неоднородным, ситуация усложнялась сосуществованием различных конфессиональных групп среди населения. Однако заметим, что политика русификации, проводимая властями, отличалась довольно «мягкими» мерами. Коренное население считалось подданными Российского государства. В-третьих, непосредственное соседство Восточной Сибири с Китаем и Монголией обусловило её стратегическое значение в рамках империи и сказалось на развитии её приграничных территорий.

Все указанные обстоятельства оказали неоднозначное влияние на развитие системы образования. К положительным моментам можно отнести приграничное положение и многонациональный состав населения. Развитие системы образования в приграничных районах происходило динамичнее. По численности учебных заведений на душу населения Забай-

¹⁴¹ РГИА. – Ф. 1237. – Оп. 1. – Д. 35. – Л. 20

¹⁴² Там же.

кальская область опережала остальные губернии Восточной Сибири. В контексте политики русификации местного населения региональная система образования характеризовалась большей степенью демократичности по сравнению с общероссийской. В то же время огромные пространства, особая система управления тормозили модернизацию образования на восточной окраине страны. Ситуацию осложняли климатические условия, обуславливающие дополнительные расходы на содержание учебных заведений. В целом, геополитические особенности Восточной Сибири нашли отражение в системе образования, определив её региональные черты.

1.2. Изменение правовой базы общего образования

Первые законодательные акты, принятые относительно народного образования, относятся к XVIII в. Модернизационные процессы в социально-экономической сфере привели к появлению первых промышленных районов. Зарождающееся производство требовало профессиональных знаний не только от администрации, но и от его рядовых участников. Организатор горнозаводского дела, государственный деятель В. Н. Татищев осознавал, что основной задачей государства в развитии производства необходимо «умножение к пользе заводов принадлежащих наук»¹⁴³. Формирование профессиональных знаний в условиях тотальной неграмотности населения невозможно без общего образования. Следовательно, в России начинается процесс организации первых светских школ, где общеобразовательная программа сочеталась с профессиональным образованием. Таким образом, начавшаяся модернизация стала толчком для зарождения светского образования. Открытие школы сопровождалось изданием отдельного нормативного акта, регламентирующего деятельность данного учебного заведения.

¹⁴³ Нечаев Н В Горнозаводские школы Урала – М.: Трудорезервиздат. 1956. – С. 206.

Последующее развитие образования на протяжении XVIII в. проходило в учебных заведениях, не связанных между собой. Законодательные акты, регулирующие их деятельность, характеризовались разрозненностью и локальным действием.

Одним из первых документов учредительного характера можно считать Манифест «Об учреждении министерств» в 1802 г.¹⁴⁴ Манифест предполагал образование восьми министерств, одним из которых являлось Министерство народного просвещения. Издание Манифеста ознаменовало начало формирования системы образования. В 1803 г. Указом императора «Об учреждении учебных округов, с назначением для каждого особых губерний»¹⁴⁵ в стране устанавливалась окружная система образования. Центром учебного округа становился университет. В стране было учреждено шесть учебных округов – Московский, Виленский, Дерптский, Санкт-Петербургский, Харьковский и Казанский. Управление учебными заведениями в округе осуществлялось особым Училищным комитетом и попечителем учебного округа. На начальном этапе формирования законодательной базы пространственные пределы действия документов охватывали всю Российскую империю без исключения. Следовательно, учебные заведения восточной окраины страны, так же, как и все остальные, были включены в окружную систему.

Учебные заведения Восточной Сибири вошли в состав Казанского учебного округа. Огромные расстояния между учебными заведениями, отсутствие развитой транспортной инфраструктуры, удалённость от центра учебного округа делали формирующуюся региональную систему неподконтрольной, отчасти обособленной. К 1820-м гг. проявилась неэффективность управления окружной системы в отдалённых окраинах страны. Территориальный фактор обусловил изменения в организации управления учебным делом восточной окраины страны. Одним из первых изменений по инициативе М. М. Спе-

¹⁴⁴ ПСЗРИ. – Собр. 3-е. – Т. 27. – № 20406.

¹⁴⁵ Об учреждении учебных округов с назначением для каждого особых губерний именной указ от 24 января 1803 г. // ПСЗРИ – Т. 27 – № 20598

ранского стало введение в 1821 г. должности визитатора учебных заведений Восточной Сибири. В 1826 г. по инициативе графа Е. К. Сиверса произошло перераспределение губерний в учебных округах. Целью преобразования становится максимальное приближение губернии к окружному университету. При этом административное и учебное районирование могло не совпадать. Подобные преобразования в пространственных условиях Восточной Сибири были невозможны, поэтому происходит отступление от окружной системы и переподчинение учебных заведений региона гражданским губернаторам на правах попечителей учебных округов, что нашло отражение в Уставе 1828 г.

В 1835 г. в принятом Положении об учебных округах властные полномочия университетов в области управления учебными заведениями были переданы попечителям. Данные нормы свидетельствовали о зарождении профильной системы управления в Европейской России, чего нельзя сказать об её Азиатской части. Учебные заведения Восточной Сибири, выведенные из окружной системы, не попадали в сферу действия Положения 1835 г. В апреле 1841 г. отдельным указом они были переданы под контроль генерал-губернатора¹⁴⁶.

Таким образом, в первой половине XIX в. в области правового регулирования системы управления образованием наметилась тенденция отхода от общероссийской законодательной базы в сторону формирования особого регионального законодательства.

Во второй половине XIX в. происходит углубление наметившейся тенденции. С 1867 г. на Восточную Сибирь распространялось действие «Положение об управлении гражданскими учебными заведениями в Западной Сибири» от 12 апреля 1859 г.¹⁴⁷ По образцу Западной Сибири в крае вводилась должность главного инспектора народных училищ. В то же время документ содержал ряд отличий. В Восточной Сибири в ведение учебных властей были отданы учебные заведения только

¹⁴⁶ Журнал Министерства народного просвещения – СПб., 1841 – Ч. 30 – С. 142.

¹⁴⁷ Там же – СПб., 1859 – Ч. 102 – С. 35–42.

Министерства народного просвещения, в то время как в Западной Сибири надзору учебной администрации подлежали учебные заведения Министерства внутренних дел и государственных имуществ. Положение устанавливало более высокое жалование восточносибирскому главному инспектору и его штату. На содержание выделялось 5850 р. в год, что на 2000 р. превышало расходы на штат инспекции в Западной Сибири.

В 1884 г. в связи с административной реформой из состава Восточной Сибири было выделено Приамурское генерал-губернаторство, с присоединённой Забайкальской областью. В связи с этим происходит изменение законодательного оформления систем управления учебными заведениями в Иркутском и Приамурском генерал-губернаторствах. В приамурских областях вводилась должность окружного инспектора народных училищ, в иркутских губерниях система управления осталась прежней¹⁴⁸. Однако Положение содержало коллизию, которая оставила учебные заведения Забайкальской области в ведении главного инспектора училищ Иркутского генерал-губернаторства, что административно сохранило единство системы образования Восточной Сибири в прежнем виде. Для решения насущных вопросов учебным властям Забайкальской области требовалось согласование с рядом инстанций Хабаровска и Иркутска. По предложению приамурского генерал-губернатора барона А. Н. Корфа за главным инспектором сохранилось право «заведовать учебными заведениями Забайкальской области, определять и увольнять служащих по учебному ведомству лиц», генерал-губернатор осуществлял общий надзор¹⁴⁹. Но в силу служебных полномочий попечителя генерал-губернатор нередко вмешивался в вопросы просвещения. В частности, он отменил решение главного инспектора о закрытии Троицкосавского Алексеевского реального училища в 1884 г.

Также необходимо отметить, что, несмотря на сохранение управленческого единства, сведения по Забайкальской

¹⁴⁸ СЗРИ. – 3-е изд. – Т. 11. – Ч. 1. – Гл. 2.

¹⁴⁹ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 203. – Д. 3049 – Л. 17

области не входили в отчётную документацию Иркутского генерал-губернатора, хотя и регулярно доставлялись главному инспектору. Подобное положение вдвойне усилило бумажную волокиту, неизменно сопровождающую деятельность системы образования. Из-за удалённости Читы от административных центров сроки деловой переписки увеличились вдвое, что влияло на оперативность решений и в целом тормозило развитие учебного дела в области.

На протяжении второй половины XIX в. посредством специальных актов происходит усиление вертикали государственной власти в области народного просвещения в Восточной Сибири. Так, в 1872 г. специальными распоряжениями Министерства в Забайкальской области вводится должность инспектора, единственная в регионе. В 1884 г. специальным циркуляром Министерства «Об усилении надзора за учебными заведениями Восточной Сибири» в Иркутской губернии учреждена должность директора народных училищ¹⁵⁰. В дальнейшем отдельными постановлениями неуклонно увеличивалось число дирекций и инспекций в Восточной Сибири. Созданная система государственного управления строго соответствовала принципам единоначалия, иерархичности, субординации, назначаемости.

Модернизационные процессы, затронувшие российское общество в середине XIX в., привели к демократизации социальной жизни и появлению земских органов власти. Общественная инициатива в области образования получила реализацию через создание механизма управления в рамках училищных советов на уровне уезда и губернии. Появление земств и училищных советов ускорило развитие системы образования в Европейской России. Однако законодательство, вводившее в систему образования училищные советы, не могло быть реализовано в Восточной Сибири в связи с отсутствием там земских органов. Общественное представительство ограничилось должностью почётных смотрителей.

¹⁵⁰ Об усилении надзора за учебными заведениями Восточной Сибири // Сб постановлений по МНП. – СПб., 1893. – Т. 9

Таким образом, в контексте развития общероссийской правовой системы во второй половине XIX в. в Восточной Сибири действовало специальное законодательство, оформившее отличную от общероссийской систему управления учебными заведениями Восточной Сибири. Правовые нормы закрепляли централизацию управления и ограничение механизма реализации общественных интересов в области народного просвещения. В условиях восточной окраины нормы, вводящие общественное представительство в системе образования, носили опережающий характер. Демократизация образования, начавшаяся в Европейской России, в Азиатской была преждевременна. Государство, посредством специального законодательства сохраняя устоявшиеся принципы, замедляло модернизационные процессы в административном секторе системы образования.

Правовую основу учебной деятельности системы образования составляли Уставы и Положения, устанавливающие статус отдельных типов учебных заведений. Учитывая дифференцированный характер системы общего образования, необходимо отметить, что правовая база также отличалась дифференциацией. Рассмотрим регламентацию деятельности начальной школы.

Первым систематизированным актом, регулирующим начальное образование, становятся Предварительные правила народного просвещения 1803 г.¹⁵¹ Правила определяли порядок формирования, деятельности и управления учебными заведениями, предусматривали создание единой, взаимосвязанной системы просвещения, включающей приходские и уездные училища, а также губернские гимназии и университеты. На основе Правил состоялось преобразование главного народного училища в Иркутске в губернскую гимназию, малых училищ Красноярска, Верхнеудинска и Енисейска в уездные, чем было положено начало формированию министерской системы общего образования в целом. Заметим, что формируемая в на-

¹⁵¹ Хрестоматия по истории педагогики. История русской педагогики с древнейших времен до Великой пролетарской революции для высш. пед. учеб. заведений сост. Н. А. Желваков. — 1938. — Т. 4. — Ч. 2 — 516 с.

чале XIX в. система образования Восточной Сибири в типовом отношении соответствовала общероссийской, несмотря на хронологическое и количественное отставание.

Следующим документом стал Устав учебных заведений, подведомственных университетам, 1804 г., устанавливающий принципы организации и деятельности системы¹⁵². Устав подробно регламентировал вопросы организации школьного дела, допуская участие общественности. В соответствии с его положениями в Восточной Сибири в первые десятилетия XIX в. было открыто десять уездных училищ и 12 приходских школ¹⁵³.

Устав 1804 г. вводил в систему образования гимназии с четырёхлетним сроком обучения. Цель гимназии содержала определённый дуализм. С одной стороны, гимназии осуществляли подготовку учащихся к поступлению в университет, с другой – давали «сведения, необходимые для благовоспитанного человека»¹⁵⁴. В учебную программу входили 17 дисциплин, включая танцы, музыку и гимнастику. Устав чётко прописывал восемь учителей в штате гимназии. Директор избирался университетом по представлению попечителя учебного округа, утверждался министром народного просвещения в VII чине. Учителя наук назвались старшими и принимались в IX классном чине, учителя языков считались младшими с присвоением X чина, учитель рисования принимался в XII чине. Отметим, что Устав не оговаривал образовательный ценз преподавательского состава. Соискатели должности допускались к своеобразной аттестации со стороны директора и педагогического совета, закреплённой в статье 71-й Устава. Аттестованный учитель получал свидетельство и допускался к работе в гимназии только после утверждения университетом.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1835. – Ч. 6. – С. 114–116.

¹⁵⁴ Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. – М.: Педагогика, 1987 – 560 с.

Одним из значимых для Восточной Сибири положений Устава 1804 г. является юридически закреплённая обязанность учреждения гимназии в каждом губернском городе (статья 3-я), что и обусловило открытие мужской гимназии в Иркутске. Немаловажным значением обладала и 13-я статья, закрепляющая механизм управления гимназией вне окружной системы управления. В случае отсутствия в регионе университета норма возлагала обязанность по контролю и управлению на попечителя учебных заведений. Соответственно все нормы Устава могли быть реализованы в полном объёме. На основании нормативных актов начала XIX в. в Восточной Сибири было открыто девять уездных училищ и преобразована одна гимназия¹⁵⁵.

После восстания на Сенатской площади 1825 г. происходит изменение принципов деятельности системы общего образования. Созданный комитет по устройству учебных заведений и комитет для рассмотрения учебных пособий в 1828 г. разработали новый Устав, в котором провозглашался принцип – «каждому сословию свой уровень образования». Уездные училища предназначались для городских сословий, гимназии – для дворян и чиновников, в приходских училищах обучались в основном дети крестьян¹⁵⁶. При сохранении типологии учебных заведений ликвидируется преемственность, всеобщность обучения. Новые положения закрепляются в Уставе 1828 г. Забота о содержании приходских училищ всецело возлагалась на общественность. В связи с этим количество приходских школ напрямую зависело от благосостояния и заинтересованности населения. В качестве альтернативы учреждения новой школы в местах с населением более 1000 чел. разрешался Ланкастерский метод преподавания. Метод обучения подразумевал поочерёдное обучение детей одним учителем, переходившим из одного села в другое. В Восточной Сибири

¹⁵⁵ Памятная книжка (вторая) Восточно-Сибирского учебного округа, составленная по сведениям к 1-му января 1881 г. / под ред. Ю. А. Делеско. – Иркутск: Тип Восточно-Сибирского военного округа, 1881. – 347 с.

¹⁵⁶ Уставы учёных учреждений и учебных заведений // СЗРИ. – СПб., 1893 – Т. 11. – Ч. 1. – 583 с.

Ланкастерский способ оказался нежизнеспособен из-за значительной удалённости селений друг от друга. При отсутствии практической значимости начального образования и недостатка учителей открытие приходской школы могло себе позволить незначительное число сибирских селений.

По нормам Устава 1828 г. уездные училища и гимназии открывались с разрешения Министерства народного просвещения в уездном или губернском городе за счёт государства и местных средств. Необходимость получения разрешения Министерства и обязательства местных властей в содержании фактически остановило процесс открытия уездных училищ и гимназий в Восточной Сибири. Срок обучения в гимназиях увеличился до семи лет, учебный план расширялся до самостоятельной законченной программы. С этого момента гимназия становится закрытым, самостоятельным типом учебного заведения. Учебная программа была нацелена на учащихся, «не намеренных продолжать обучение в университете». Власти видели в выпускниках будущих государственных служащих, которых принимали после окончания гимназии на гражданскую службу в XIV чине без экзаменов.

Устав 1828 г. является одним из самых консервативных документов, который по степени реакционности может сравниться со знаменитым циркуляром «о кухаркиных детях». Короткие сроки обучения в приходском училище, примитивная учебная программа, отсутствие преемственности, сословный характер учебных заведений нарушали стройность системы, делая её тупиковой и малоэффективной. С введением в действие Устава 1828 г. для системы образования Восточной Сибири начался период стагнации. В дальнейшем Устав 1828 г. оказался одним из долгосрочных документов в области народного просвещения. Несмотря на появление в середине XIX в. новых нормативных актов, закрепляющих наиболее прогрессивные типы школ, приходские и уездные училища сохранились на протяжении столетия.

Дальнейшее изменение правовой базы связано с буржуазными реформами середины XIX в. Принятое в 1864 г. По-

положение о начальных народных училищах вводило новые принципы управления. Положение предусматривало открытие училищ с разрешения училищных советов. Как уже ранее отмечалось, в Азиатской части империи управление образованием осталось в руках государства, что обусловило расхождение в типологии начальных училищ Азиатской и Европейской России. В Европейской России училищные советы активно открывали училища по Положению 1864 г., в Восточной Сибири в полной мере продолжал действовать Устав 1828 г., сохраняя систему начала века.

В 1872 г. Положение о городских начальных училищах вводит в систему начального образования новый тип училищ с шестилетним сроком обучения, которые должны были прийти на смену устаревшим уездным училищам. Впервые целью училища определялось «начальное умственное образование»¹⁵⁷. Учебная программа включала довольно широкий круг дисциплин. В общих чертах городские училища были похожи на появившиеся годом ранее прогимназии, но их статус был значительно ниже.

В Восточной Сибири преобразование уездных училищ в городские вызвало ряд проблем. Одной из них стало несоответствие образовательного ценза преподавателей уездных и городских училищ. Пункт 20 Положения 1872 г. предусматривал образование учителя не ниже учительского института. Отсутствие такового в Восточной Сибири обусловило кадровую проблему. Более того, открытие казённых училищ в Восточной Сибири не предусматривалось, а содержание городского училища с шестилетним сроком обучения, даже при софинансировании для местных властей становилось тяжёлым бременем. Несмотря на настоятельную рекомендацию Министерства в 1884 г. об ускорении реорганизации, в регионе было преобразовано лишь пять из девяти имеющихся уездных училищ и не открыто ни одного нового.

¹⁵⁷ Хрестоматия по истории педагогики. История русской педагогики с древнейших времен до Великой пролетарской революции для высш. пед. учеб. заведений: сост. Н. А. Желваков. — 1938. — Т. 4. — Ч. 2. — 516 с.

Положение о городских училищах может служить ярким примером ограниченной модернизации в области образования. С одной стороны, учебная программа городских училищ обеспечивала более качественное образование, что отвечало интересам государства и в определённой степени общества. С другой – городские училища отчасти уменьшили поток желающих получить более перспективное образование в гимназиях, чего добивались власти, стремясь сохранить сословное начало в классической средней школе. Что касается Восточной Сибири, то реализация Положения 1872 г. была проведена на уровне частичной реорганизации устаревших уездных училищ. Недостаточное финансирование стало препятствием для распространения более качественного начального образования в регионе.

Принятое в 1874 г. Положение о начальных народных училищах в основном повторяло нормы Положения 1864 г., за исключением организации управления. В частности, в Положении появляется упоминание о дирекции и инспекции народных училищ, контролирующей учебную часть. В земских областях для учреждения нового училища требовалось предварительное разрешение инспектора народных училищ. Данная норма закрепляла государственное присутствие в области начального образования, что свидетельствовало об ограничении общественного начала и усилении государственного контроля в Европейской России. Следовательно, для Азиатской Положение 1874 г. принципиального значения не имело.

Анализ нормативно-правовой базы начального образования показал, что за исключением Положения 1872 г., существенных изменений в учебно-методической сфере не произошло. В стране отсутствовали учебные заведения, осуществляющие полное начальное образование. Примитивные учебные программы не отвечали возрастающим потребностям общества. Развитие экономических отношений (как важнейшей составной части модернизации), расширение буржуазной прослойки, создание новых рабочих мест в промышленном секторе требовали определённого уровня образованности

и профессиональной квалификации. Таким образом, модернизационные процессы, вызвавшие развитие системы образования, обусловили модернизацию самой системы. Начальная школа становится объектом бурных обсуждений не только во властных структурах, но и среди населения.

В 1875 г. под давлением педагогической общественности в качестве опытного образца Высочайшим повелением на четыре года вводилась Инструкция для двухклассных и одноклассных сельских училищ. По сути, это первый фундаментальный документ после Устава 1803 г., который детально регламентирует учебную сферу начальных училищ. Целью школ объявлялось «элементарное образование в более полном и законченном виде»¹⁵⁸. Вводились одно- и двухклассные начальные училища. Сроки освоения учебной программы увеличились до трёх лет в одноклассных и пяти – в двухклассных училищах. На общество возлагалась обязанность по обеспечению школы земельным участком, помещениями, методическими пособиями и жалованием учителя. Размер жалования в одноклассном училище предполагался до 100 р. в год, в двухклассном – до 330 р., для учителя Закона Божьего – не менее 150 р. По решению общества жалование могло быть увеличено до 500 р. в год¹⁵⁹. Собранные общественные средства на обеспечение училища в течение года вносились заранее, обязательства документально закреплялись. В качестве дополнительного пособия учителю полагались в безвозмездное пользование сад, огород и пчельник, если таковой имелся при школе. В свою очередь, государство ежегодно выделяло на содержание двухклассного училища 1000 р., одноклассного – 226 р. и одновременно на строительство здания и первоначальное обзаведение определённую сумму. Несмотря на обязанность общества оплачивать труд учителя, последние назначались с согласия учебных властей. Это положение, изложенное в 59-м параграфе Инструкции, лишало общество права самостоятельно приглашать учителей.

¹⁵⁸ Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1875. – Ч. 169. – С. 222–250.

¹⁵⁹ Там же.

Контроль за деятельностью училищ, финансовые расходы и ежегодная отчетность возлагались на директоров и инспекторов начальных училищ. Для оказания материальной и нравственной поддержки сохранялась должность почетного блюстителя. Инструкция четко регламентировала порядок приема учащихся, устанавливала возрастные рамки, количество учащихся в классе, допускала оплату обучения до 3 р в год. Необходимо отметить, что «заведомо бедные дети» допускались к обучению бесплатно. Впервые предусматривалась обязанность регулярного посещения занятий, в противном случае дети исключались из училища. Выпускники одноклассного училища имели право на сокращенный срок военной службы. Отличившихся выпускников двухклассного училища инспектор народных училищ рекомендовал к поступлению в учительскую семинарию. Кандидаты бесплатно готовились дополнительно к поступлению и могли быть приняты в училище в качестве помощников учителей.

Впервые в Инструкции закреплялась норма об обязательном учебно-методическом обеспечении училища. С этой целью создавались ученические библиотеки и склады книг и учебных пособий для «безвозмездной раздачи бедным ученикам или для продажи более достаточным»¹⁶⁰. Отметим, что цены для продажи были фиксированными, надбавка не должна была превышать 5 % от закупочной стоимости. Данная мера пресекала спекуляцию.

Как видно, Инструкция довольно детально регламентировала правила открытия и деятельности начальных училищ. Многие положения были введены впервые. Финансовое участие государства делало сельские училища более доступными и привлекательными для населения. Введение воинской льготы придавало практическую значимость начальному образованию. Более того, нормы Инструкции были приемлемы не только для земских территорий. Пределы действия документа в равной степени распространялись на всю территорию

¹⁶⁰ Там же

империи. В итоге, к 1880 г. в Восточной Сибири открылось пять двухклассных училищ, 173 сельских одноклассных¹⁶¹. К 1905 г. количество двухклассных училищ составляло 43, одноклассных – 269¹⁶². С позиции развития системы образования Инструкция 1874 г. является наиболее прогрессивным документом, способствующим модернизации системы в целом.

В условиях роста числа учебных заведений и количества учащихся не следует забывать об этнических особенностях населения в Восточной Сибири. С конца XIX в. образование становится востребованным и у коренных народов восточной окраины. Однако законодательное закрепление обучения только на русском языке стало существенным препятствием в распространении грамоты среди нерусского населения. Выход из положения был найден посредством подзаконного локального правотворчества местной учебной администрации. Главный инспектор училищ Г. П. Василенко с целью более качественного изучения русского языка и освоения курса в целом, утвердил в инородческих начальных училищах новые учебные программы, увеличившие срок обучения на год.

Несмотря на прогрессивные сдвиги в начальном образовании, заметим, что в правой базе сохранялись архаичные нормы. В частности, ограничивалась преемственность учебных программ начальных и средних учебных заведений. Для поступления в гимназию требовалась дополнительная подготовка. Учебные программы не предусматривали оконченого начального образования. Только в 1912 г. Положение о высших начальных училищах закрепило полный курс начального образования с программой, рассчитанной на четыре года. Выпускники получили право продолжать образование в гимназиях. Высшие начальные училища становятся наиболее прогрессивным типом начальной школы, соответствующей потребностям общества и способствующей получению более качественного образования. В Восточной Сибири распространение высших начальных училищ началось с преобразования

¹⁶¹ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 203. – Д. 3191. – Л. 4

¹⁶² Там же. – Д. 515. – Л. 24, ГАЗК – Ф. 4. – Оп. 1 – Д. 119. – Л. 229

городских с последующим открытием новых. Общество охотно инициировало открытие новых училищ не только в связи с качественным образованием, но и более дешёвым содержанием по сравнению с городскими училищами. Все начальные училища находились на софинансировании государства и общества, соотношение средств составляло 40 к 60 % соответственно. За два года в регионе начали работу более 30 высших начальных училищ¹⁶³.

Таким образом, в Восточной Сибири основными нормативно-правовыми актами, регулирующими начальное образование в XIX – начале XX в., становятся Устав 1828 г., Инструкция 1875 г., Положение 1912 г. и ряд локальных актов, закрепляющих региональные особенности образования. Как видим, правовое регулирование начального образования не было единообразным. На фоне прогрессивных положений 1860–70-х гг. сохранялись устаревшие правила вековой давности и казуальные положения регионального уровня. Лишь законодательство первого десятилетия XX в. создало условия для установления правового единообразия.

Масштабные изменения в систему среднего образования внёс Устав гимназий 1864 г., закрепивший реальное и классическое направления образования и неполное среднее образование, осуществляемое прогимназиями. Классические гимназии предполагали изучение латинского и греческого языков, однако делалась оговорка о преподавании греческого языка «по мере приготовления учителей этого языка»¹⁶⁴. Данная норма привела к появлению классических гимназий с двумя древними языками и полуклассических с одним. В реальных гимназиях отсутствие древних языков восполнялось точными науками. В совокупности в Российской империи действовало 25 % классических гимназий, 25 реальных и 50 % полуклассических¹⁶⁵.

¹⁶³ ГАИО. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 204. – Л. 15.

¹⁶⁴ Устав гимназий и прогимназий 1864 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://museum.edu.ru> (дата обращения: 13.05.2016).

¹⁶⁵ История педагогики / Н. А. Константинов, Е. Н. Медынский, М. Ф. Шабаева. – М.: Просвещение, 1982. – 447 с.

Заметим, что в Восточной Сибири реальных гимназий по Уставу 1864 г. открыто не было, а существующие относились к полуклассическим.

Директором гимназии мог быть назначен выпускник университета с учёной степенью. Впервые устанавливался образовательный ценз к преподавателям наук, которые должны были иметь университетское образование и свидетельство о посещении педагогических курсов. Штат гимназий увеличивается должностями врача, двух воспитателей, письмоводителя. В полномочия воспитателей входил надзор за нравственным поведением учащихся в каникулярное время. Для учеников устанавливалась форменная одежда. Пункты 8 и 9 Устава допускали участие общественности в качестве соучредителя или собственника гимназии. Заметим, что частные гимназии не имели льгот по службе для своих выпускников. Введение выборной должности почётного попечителя и сфера его полномочий определяли степень участия общества в деятельности гимназии. Хотя и попечители считались на государственной службе, занимая V классный чин, их полномочия были ограничены финансовой стороной дела. В совокупности положения Устава способствовали повышению образовательного уровня преподавательского состава, однако для Восточной Сибири данное обстоятельство, скорее, сыграло негативную роль. Отсутствие университета определил кадровый голод, что отразилось на качестве преподавания. Так, открытая в 1868 г. классическая гимназия в Красноярске была полностью укомплектована кадрами лишь к 1881 г.¹⁶⁶

В 1871 г. модернизационные процессы вновь затронули гимназическое образование. Срок обучения увеличился до восьми лет. При гимназии открывался подготовительный класс. Штатное расписание увеличилось за счёт введения в каждый класс, включая параллельные, классовых наставников и надзи-

¹⁶⁶ Красноярск в дореволюционном прошлом (XVII–XIX века) / Г. Ф. Быкова, В. И. Фёдорова, Л. П. Бердников – Красноярск: Изд-во КГУ, 1990 – 304 с.

рателей. Должностные обязанности сотрудников были направлены на воспитание учащихся. Полномочия наставников могли выполнять преподаватели за отдельную плату.

Обращает внимание некоторое смягчение требований, предъявляемых к директору. Если в Уставе 1864 г. наличие учёной степени чётко оговаривалось, то в 1871 г. формулировка становится более мягкой, закрепляя «преимущественное» избрание директора из лиц с учёной степенью. Отметим, что в 1881 г. директором Иркутской гимназии состоял Альберт Николаевич Бауэр, выпускник богословского факультета Дерптского университета, в Красноярской гимназии Александр Сергеевич Еленев, выпускник факультета естественных наук со степенью кандидата Санкт-Петербургского университета, в Енисейской прогимназии – Николай Николаевич Сторожев, выпускник физико-математического Императорского Московского университета¹⁶⁷. Очевидно, что требование степени кандидата при назначении на должность было желательно, но не обязательно. В целом, принятый в 1871 г. Устав окончательно оформил правовое регулирование классической гимназии.

В 1860-е гг. в кругах педагогической общественности велась острейшая дискуссия относительно содержания учебных программ средней школы. Камнем преткновения являлся вопрос о необходимости приспособления учебной программы к реальным жизненным условиям, впоследствии позволяющей эффективно реализовать полученные знания на практике либо сохранения классического набора дисциплин. По этому поводу К. Д. Ушинский писал: «В настоящее время нам нужны больше всего не эллинисты и латинисты, а земские и государственные деятели, заводчики, машинисты, фабриканты, сельские хозяева и другие реальные люди – люди живого дела и энергического труда. При тех или других условиях, при содействии или противодействии, но дети наши должны пойти этим путём и пойдут неминуемо». Следовательно, как ни войой с «реальными науками», «как ни бойся их, как ни кричи

¹⁶⁷ Памятная книжка (вторая) Восточно-Сибирского учебного округа. Составлена по сведениям к 1-му января 1881 г. / под ред. Ю. А. Делеско. – Иркутск, 1881. – 347 с.

против них, а природа возьмёт своё: и существенные, необходимые, непреклонные требования современности предъявят свои права, удовлетворение которых неразрывно соединено с благосостоянием нашего отечества»¹⁶⁸. В 1871 г. специально созданная особая комиссия под председательством гр. Строганова единогласно одобрила проект Устава реальных училищ.

С 1872 г. в системе образования появляются реальные училища с целью осуществления общего образования, ориентированного на получение технических познаний. Устав училищ предусматривал 6-летний учебный курс. Отражением социально-экономической модернизации стало учреждение в пятом и шестом классах отделений основного или коммерческого образования. Основное отделение состояло из трёх классов. Один из классов был нацелен на подготовку к поступлению в технические вузы. Два других имели механико-техническое и химико-техническое направления.

В штатном составе реальное училище ничем не отличалось от гимназии за исключением должности лаборанта при химико-техническом отделении. Одним из важных достижений Устава 1872 г. можно считать учреждение попечительского совета. В состав совета входили городской голова, почётный попечитель, начальник училища и дв.десяти человек рядовых членов, которых в государственных училищах назначало Министерство из числа почётных граждан. В училищах с совместной формой содержания, за исключением руководства, члены совета избирались. Одним из важных направлений деятельности совета стала организация практических экскурсий, выбор иностранного языка для изучения, материальная помощь и трудоустройство отличившихся учеников¹⁶⁹. Впервые государство позволило общественности выйти за рамки материальной помощи. Торгово-промышленная верхушка, заинтересованная в грамотных специалистах, принимала активное участие в распространении и развитии реальных училищ. Ещё одной особенностью Устава стало положение, предусматрива-

¹⁶⁸ Ушинский К. Д. Избранные труды. Кн. 2. Русская школа. – М.: Дрофа, 2005. – С. 115.

¹⁶⁹ ПСЗРИ. Собр. 2-е. – Т. 471. – Отд-ние 1. – 1972 г. – СПб., 1875. – С. 626–636.

ющее ознакомление попечителя училищ с мнением меньшинства членов педагогического совета при решении различных вопросов. Принципиального значения эта норма не имела, но она давала возможность разрешения спорных вопросов с большей долей демократизма. Несмотря на некоторую прогрессивность Устава, принципиальным недостатком являлась правовая ограниченность реальных училищ, выразившаяся в лишении права выпускников на высшее образование.

Реальные училища как новый тип учебного заведения получили широкое распространение, к 1 января 1872 г. в Российской империи было открыто 7 реальных училищ с 1752 учащимися; к 1 января 1877 г. – 56 училищ с 10 888 учащимися; к 1 января 1882 г. – 79 училищ с 17 484 учащимися; к 1 января 1899 г. – 115 училищ; к 1 января 1914 г. – 284 училищ с 76 971 учащимся¹⁷⁰. В Восточной Сибири первое реальное училище было открыто в 1876 г. по инициативе купеческого населения Троицкосавска. Накануне революции 1917 г. их количество увеличилось до семи.

Убийство Александра II и последующие вследствие этого контрреформы изменили направление развития системы общего образования. Назначение в 1882 г. министром народного просвещения И. Д. Делянова, сторонника консервативного направления, определило характер изменений в области образования. В 1884 г. Деляновым подписан циркуляр об усилении роли наставников гимназий. По функциональной роли в области воспитания и соблюдения нравственности они приравнивались к учебной администрации. Наставники наряду с директорами и инспекторами несли ответственность за распространение запрещённых политических идей и взглядов¹⁷¹.

Самым знаменитым документом в министерскую деятельность Д. И. Делянова стал так называемый «циркуляр о кухаркиных детях», принятый в 1887 г. В докладе императору

¹⁷⁰ Хронологический список высших и средних учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения, основанных или преобразованных с 1855 по 1880 гг. – СПб., 1880. – 36 с.

¹⁷¹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 9. Царствование Императора Александра III. 1884 г. – СПб., 1893. – 1352 с.

«О сокращении гимназического образования» министр рекомендовал ограничить приём в гимназии детей «лишь некоторых сословий не ниже купцов 2-й гильдии»¹⁷². Доклад вызвал негодование со стороны общественности. На протяжении нескольких лет министр оправдывался и корректировал положения циркуляра, указывая на то, что на самом деле рекомендовано принимать в гимназии детей обеспеченных родителей без сословных ограничений. Более того, в циркуляре отсутствовал механизм отчисления «кухаркиных детей», что делало его отчасти декларативным. Через 13 лет циркуляр отменили, но в развитии народного просвещения он оставил неоднозначные последствия. С одной стороны, циркуляр привёл к уменьшению числа поступающих в гимназии, с другой – способствовал увеличению числа учащихся в реальных училищах, и, как следствие, изменению правового регулирования.

Деятельность реальных училищ в условиях нарастающей реакции привела к утверждению нового Устава 1888 г. Попечительские советы были ликвидированы, право доводить мнение меньшинства членов педагогического совета до попечителя учебных заведений упразднено. Механико-технические и физико-технические классы и лаборатории при них закрыты. Но в то же время срок обучения увеличивается на год, появляются подготовительные классы, выпускники получили право поступления в университеты на медицинские и физико-математические факультеты. Чётко определены годовые оклады и порядок повышения по службе для преподавателей училищ. Очевидно, что новый Устав включил все политические установки того времени. Мы видим усиление контроля со стороны государства, ограничение влияния общественности и, несомненно, прослеживается стремление властей посредством реальных училищ ослабить поток учащихся в гимназии посредством ограниченного права поступления в университеты.

Юридическое оформление государственного среднего женского образования можно считать с появления первого ко-

¹⁷² Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 10. Действование Императора Александра III 1885–1888 годы. – СПб., 1994. – 513 с.

дифицированного акта в 1858 г. «Положения о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения». Положение распространялось на губернские и уездные города, учредителями определялось государство, общество, частные лица. Но, как правило, женские училища ведомства МНП повсеместно содержались за счёт общества либо частных лиц. Училища были поделены на два разряда. В первых обучение продолжалось шесть лет, и включало, кроме элементарных дисциплин, изучение географии, геометрии, естественной истории, физики, истории. Учебная программа училищ второго разряда ограничивалась получением элементарных знаний¹⁷³.

В 1860 г. сроком на три года введено новое Положение, несколько изменившее учебную часть женских училищ. Программа была дополнена подготовительным классом. Педагогический коллектив по собственному усмотрению получил право устанавливать дополнительно необязательные предметы. Широкие полномочия получили попечительские советы. Помимо финансовой помощи, попечители определяли преподавательский состав училища.

Положение, допускавшее в системе управления общественное участие, вызвало широкий отклик населения. В 1860-е гг. количество женских училищ увеличилось в несколько раз. По данным Э. Д. Днепров, в ведении Министерства народного просвещения в 1854 г. состояло 8 женских средних учебных заведений, в 1864 г. – 16¹⁷⁴. Заметим, что женские училища открывались преимущественно в уездных и губернских городах. Стремительный рост числа женских гимназий свидетельствовал о прогрессивности документа, о закреплении в правовой базе оптимальных условий для развития женского образования.

Общественный отклик поддержал женское образование и в Восточной Сибири. Так, в 1860 г. в Иркутске и Верхнеудинске учреждены женские училища 2-го разряда, в 1862 г. на пожертвованные купеческим обществом средства открылось

¹⁷³ ПСЗРИ. – СПб., 1860 – Т. 33 – 802 с.

¹⁷⁴ Днепров Э. Д., Усачева Р. Ф. Среднее женское образование в России. – М., 2009. – 273 с.

женское училище первого разряда в Троицкосавске, в 1868 г. на пожертвования купцов Бутиных открылось Нерчинское женское училище второго разряда. В 1868 г. в Красноярске под руководством С. А. Померанцевой открыто женское училище второго разряда.

Стремительный рост женских учебных заведений требовал более детальной регламентации. Действие Положения в 1863 г. было продлено ещё на три года, а в 1866 г. в ММП началась подготовка нового Положения о женских гимназиях и прогимназиях, принятого в 1870 г.

Прежде всего, обратим внимание на отсутствие в Положении цели, которая ранее закрепляла за всеми учебными заведениями о необходимости распространения нравственных и умственных познаний. Отсутствие цели определяло более широкий круг деятельности. Данное обстоятельство выразилось не только в предоставлении общего образования, но и в возможности получения профессии учителя. Тем самым женщины впервые получали юридически закреплённое право на профессиональную педагогическую деятельность в образовательных учреждениях, а не на дому. Ещё одним любопытным фактом является то, что впервые к обучению допускались девочки без сословных и религиозных ограничений, что можно считать самой демократичной нормой в законодательстве об образовании.

Положение устанавливало семилетний срок обучения в гимназии, трёхлетний в прогимназии с перспективой увеличения числа классов и соответственно и сроков обучения, вплоть до преобразования в полноценную гимназию. Узаконенная перспектива давала возможность обществу в будущем при благоприятных условиях перейти к более качественному образованию девочек. Несомненным достоинством Положения становится введение восьмых педагогических классов, где выпускницы получали право на педагогическую деятельность. Учитывая острый дефицит педагогических кадров, восьмые педагогические классы отчасти способствовали решению данной проблемы.

В Положении устанавливался образовательный ценз для сотрудников гимназии. Для педагогов-женщин достаточно было иметь звание домашней наставницы. Преподаватели-мужчины избирались из числа служащих в мужских учебных заведениях, их образовательный ценз варьировался от университета до звания домашнего наставника. Любопытным является отсутствие в Положении нормы об образовательном цензе для начальницы гимназии, которая утверждалась в должности Министерством народного просвещения. По мнению Э. Д. Днепров, это свидетельствует об усилении влияния Министерства¹⁷⁵. Мы позволим себе не согласиться с данным выводом. Учитывая, что среднее образование только начинало формироваться на более качественном уровне, найти женщину на должность начальницы с необходимым образованием не предоставлялось возможным. Особенно это было проблематично в удалённых провинциальных городках. Данный факт подтверждается и большинством мужчин в преподавательском коллективе женских гимназий на начальном этапе их формирования. Только к началу XX в. гендерное соотношение меняется в пользу женщин.

Тем не менее, мы не можем не согласиться с тем, что в новом Положении читалось стремление правительства ослабить влияние общественности в области женского образования. В частности, председателем педагогического совета женской гимназии неизменно являлся директор мужского среднего учебного заведения. Директор являлся не только руководителем учебного заведения, но и представителем государственной власти в области среднего образования. Именно он отвечал за комплектование штата женской гимназии. Данное обстоятельство обеспечивало в определённой степени государственный контроль в кадровой сфере. В штатное расписание вводились должности надзирательниц в качестве помощниц начальницы гимназии. Также государственное присутствие обозначилось в установлении срочных и единовременных пособий от казны:

¹⁷⁵ Днепров Э. Д., Усачева Р. Ф. Среднее женское образование в России - М., 2009. - С. 191

Срочные пособия обеспечивали жалование преподавателям, а единовременные расходовались на методические нужды. Сумма пособий устанавливалась в размере 2000 р. для гимназий и 1000 р. для прогимназий. К 1878 г. на условиях софинансирования в регионе действовало две гимназии и девять прогимназий¹⁷⁶.

Таким образом, законодательство о среднем образовании носило противоречивый характер. Принятое на стыке реформ 1860-х гг. и контрреформ 1870–80 х гг., оно сочетало элементы стагнации и модернизации. Стагнация в полной мере проявилась в классических гимназиях, где преобладали нормы охранительного характера. Продуктом классической гимназии являлись «мёртвые» знания. Уставы реальных училищ и Положение о женских гимназиях содержали модернизирующие нормы, обеспечивающие более динамичное развитие данных типов школ. Практико-ориентированные программы давали возможность применять полученные знания, что отвечало потребностям социально-экономической модернизации.

Подводя итог, мы можем сказать, что изменения правовой базы системы общего образования были обусловлены модернизационными процессами, затронувшими общество и, как следствие, саму систему. Однако зависимость правотворчества от политической ситуации в стране, принятие норм охранительного характера тормозили развитие системы. Более того, региональные особенности определили отсутствие единого правового поля в области регулирования системы образования в Восточной Сибири. На фоне существования общероссийской окружной системы учебные заведения Азиатской России управлялись особым порядком. Система оформлялась специальными нормами, получившими высочайшее утверждение, что формировало своеобразный партикуляризм права, усиленный нормами локального характера. Типологическое единообразие начальной школы было изменено законодательными актами эпохи буржуазных реформ. Ряд законодательных положений в условиях Восточной Сибири не соответствовал:

¹⁷⁶ ГАИО. – Ф 63 – Оп. 1. – Д 1. – Л. 22

общественному развитию региона, что обусловило длительное сохранение юридической силы положений начала XIX в. и формирование региональной правовой системы, отличной от общероссийской.

1.3. Формирование ведомственных органов управления образованием в регионе

Организация эффективного управления является залогом продуктивной деятельности предмета управления. В процессе организации властных органов важную роль играет профильный фактор, который оказывает влияние на качество управления, более глубокое осознание профильной цели и задач предмета управления. В Российской империи на этапе появления первых образовательных учреждений вопросы управления решались путём ведомственного подчинения. Началом формирования первых ведомственных органов управления образованием можно считать создание в 1782 г. Комиссии об учреждении народных училищ, которая стала центральным звеном в формирующейся системе. В 1786 г. в соответствии с принятым Уставом губернаторы вводились в систему управления образованием с полномочиями попечителей учебных заведений с обязанностью «...стараться о распространении народных училищ от Главного, в губернском городе находящегося. не токмо к городам уездным. но и к другим селениям. колико способы ему позволять будут»¹⁷⁷. Попечительство в лице губернатора осуществлялось при посредничестве приказов общественного призрения и смотрителей народных училищ.

Однако в процессе реализации реформы выявились некоторые отступления. Имея широкий круг полномочий, губернаторы не всегда уделяли должное внимание проблемам образования, часто воспринимая попечительство как обременение. Слабая степень заинтересованности, недостаток казённого финансирования обусловил смещение властных полномо-

¹⁷⁷ Антология педагогической мысли России XVIII в. под ред. Г. Н. Волкова. С. Ф. Егорова, А. Н. Копылова – М. Педагогика, 1985 – 478 с.

чий в сторону приказов общественного призрения. Приказы изыскивали средства на открытие и содержание учебных заведений, формировали денежный фонд из пожертвований, взносов различных обществ, процентов от вкладов и других источников. Педагогические коллективы формировались по согласованию с приказами, отчёты директора утверждались в присутствии членов приказа. Как отмечал А. Линьков, «правительство сознавало этот недостаток вмешательства приказов в учебную часть школ, но оно принуждено было мириться со всем этим, так как приказ всё же давал средства на учебное дело»¹⁷⁸. Таким образом, формируемая государственная система управления школьным делом в Российской империи на этапе зарождения мало соответствовала профилю управления, допускала общественное участие.

Геополитическое положение Восточной Сибири обусловило ряд особенностей в социокультурном развитии региона, что отразилось и на организации управления образованием. Значительная удалённость восточной окраины от центра тормозила своевременную реализацию распоряжений и указов центральных властей. Усугубляло ситуацию и отсутствие заинтересованности у правительства в развитии Восточной Сибири, воспринимавшейся как сырьевой придаток империи. В Азиатской России приказы общественного призрения появились довольно поздно, в Иркутске – в 1797 г., в Красноярске – в 1823 г. Поэтому забота в распространении народных училищ возлагалась на генерал-губернатора, что отчасти ускорило роль государства и ограничило участие общественности. Началом реализации екатерининской реформы в регионе можно считать 1789 г., когда при активном содействии генерал-губернатора Ивана Алферьевича Пиля в Иркутске было открыто единственное в Восточной Сибири главное народное училище и первое малое народное училище¹⁷⁹.

¹⁷⁸ Линьков А. Рост учебного дела в Восточной Сибири. Сибирский архив. – 1912. – № 7. – С. 508.

¹⁷⁹ Иркутская летопись (летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова), с предисловием, добавлениями и примечаниями И. И. Серебрянникова. – Иркутск. – С. 121.

Позднее малые училища открылись в Красноярске (1790 г.), Енисейске (1790 г.), Верхнеудинске (1793 г.)¹⁸⁰. Общественное участие в организации народного просвещения было выражено слабо из-за отсутствия заинтересованности населения и слабой практической реализации образования в условиях Восточной Сибири.

Таким образом, в конце XVIII в. в Российской империи начался процесс формирования государственной системы управления народным просвещением, допускавшей общественное участие. Однако на окраинах страны реформы проводились с опозданием, региональная система управления характеризовалась доминирующим положением государства. Подчинение учебного дела губернаторам существенно ослабляло эффективность системы управления.

В начале XIX в. развитие профильной системы управления образованием продолжилось созданием Министерства народного просвещения в 1802 г. В 1803 г. на базе университетов образовали шесть учебных округов во главе с попечителями, которые назначались по согласованию с министром и подчинялись Министерству народного просвещения. Учебный округ, наделённый учебно-административными функциями, объединял несколько близлежащих губерний. Управление учебными заведениями в округе выводилось из подчинения губернаторов и передавалось созданным на базе университетов Училищным комитетам. В губерниях и областях властные полномочия осуществляли директора, штатные и почётные (с 1811 г.) смотрители. Заметим, что директора одновременно возглавляли гимназии и отвечали за все государственные учебные заведения губернии. С появлением Министерства народного просвещения комитеты общественного призрения потеряли полномочия в области народного образования. Общественное участие сохранялось в лице избираемых на местах почётных смотрителей из числа местных помещиков, безвозмездно осуществлявших благотворительную деятельность.

¹⁸⁰ История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 2 / гл. ред. А. П. Окладников. – Л.: Наука, 1968. – 458 с.

Очевидно, что созданная общеимперская окружная система управления становится более профессиональной, с определённой степенью автономности и перспективами развития в области общественного представительства.

Самым крупным округом считался Казанский, который включал Вятскую, Казанскую, Саратовскую, Самарскую, Симбирскую и Астраханскую губернии, а также Сибирь и Среднюю Азию. В этот период в Восточной Сибири действовали главное народное училище в Иркутске, малые народные училища в Красноярске, Енисейске, Верхнеудинске. В дальнейшем количество учебных заведений медленно возрастало. Огромная, слабозаселённая территория восточной окраины страны оказалась фактически безнадзорной. Учитывая сложившиеся обстоятельства, сибирский генерал-губернатор М. М. Сперанский в 1821 г. ввёл должность визитатора, на которую был назначен директор Иркутской гимназии статский советник П. А. Словоцов, в будущем автор «Исторического обозрения Сибири»¹⁸¹. Введение новой должности с определённой компетенцией можно оценить как тенденцию к формированию региональной модели управления просвещением, обусловленную местным территориальным фактором.

События на Сенатской площади в 1825 г. повлекли за собой изменение государственной политики в области образования. Новые Уставы учебных заведений упразднили либеральные начала, ликвидировали преемственность учебных заведений, доступность обучения, существенно ограничили автономию университетов.

Преобразования 1828 г. углубили процесс формирования особой региональной системы управления в Азиатской России. В 1828 г. правительство упразднило должность визитатора, передав систему образования восточной окраины в подчинение гражданским губернаторам, вернув им полномочия попечителей. В 1841 г. все учебные заведения Азиатской России

¹⁸¹ Сеченова А. А. Управление учебными заведениями Западной Сибири до учреждения учебного округа (1803–1885 гг.) // Проблемы и перспективы развития психологии и педагогики материалы междунар заочной науч.-практ. конф. – Новосибирск, 2011.

были изъяты из общей системы учебных округов и переданы под контроль генерал-губернатора, что окончательно оформило особую систему управления образованием в регионе.

Полномочия генерал-губернатора как попечителя определялись кадровыми вопросами (назначение, перевод, увольнение, взыскание, поощрение); утверждением незначительных финансовых расходов (до 300 р.); утверждением контрактов на выполнение работ, поставок; распределением казённых стипендий¹⁸². Все вопросы, касающиеся открытия или закрытия учебных заведений и дополнительных классов, количества учащихся, изучаемых дисциплин и т. п., должны были согласовываться с министром. Учитывая, что государство содержало в Восточной Сибири одну гимназию и десять уездных училищ, а начальная школа находилась на содержании населения и местных властей, можно сказать, что развитие и функционирование региональной системы образования в большей степени зависело от местной администрации, чем от Министерства народного просвещения. В связи с этим необходимо напомнить, что губернаторы не всегда уделяли должное внимание вопросам развития просвещения. Историк С. В. Рождественский отмечал, что «самые существенные вопросы народного образования получают в разных местностях края, при одинаковых местных условиях, разрешение далеко не однообразное»¹⁸³. Подтверждением мнения С. В. Рождественского могут служить данные по отдельным районам. Так, в 1850-х гг. в Иркутской губернии было учреждено 34 приходских училища, в Енисейской – 27, в Забайкальской области – 8, в Якутской – 2¹⁸⁴. В свете представленных данных согласимся с мнением И. Л. Дамешек о том, что в первой четверти XIX в. государ-

¹⁸² Уставы учёных учреждений и учебных заведений // СЗРИ. – СПб., 1893. – Т. 11. – Ч. 1. – С. 16.

¹⁸³ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802–1902 гг. – СПб., 1902. – С. 492.

¹⁸⁴ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 203. – Д. 3046. – Л. 24; Там же. – Д. 3191. – Л. 46; ГАНУ. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 354. – Л. 54–61.

ство в большей степени заботилось об усилении власти в регионе, вопросы развития образования приоритетного значения не имели ¹⁸⁵.

Управлением учебными заведениями на местах занимались директор и смотрители народных училищ. Директор назначался на должность губернатором по согласованию кандидатуры с МНП. Отвечал за соблюдение установленных правил, формирование педагогического коллектива, принимал ежемесячные отчёты учителей, контролировал нравственное воспитание учащихся. В течение года директор был обязан объехать все учебные заведения губернии. Штатные смотрители назначались губернатором по предложению директора. В обязанности смотрителя входил надзор за уездными и приходскими училищами в черте вверенных им округов, с обязанностью представлять ежемесячный отчёт директору. Общественные должности почётных смотрителей избирались из представителей дворянского сословия. В Восточной Сибири немногочисленное дворянство было представлено преимущественно мелкими чиновниками, имеющими незначительное жалование и материальной поддержки училищам не оказывающими, существенного влияния на деятельность учебных заведений не имеющими.

Таким образом, в 1840-х гг. в Восточной Сибири сформировалась особая система управления образованием, которая в контексте развития общегосударственной системы имела регрессивные черты. Выведенная из окружной системы, она вернулась в подчинение региональной администрации, утратив ведомственные черты. Особенность социального состава населения препятствовала общественному участию в развитии системы образования. Геополитические особенности Вос-

¹⁸⁵ Дамешек И. Л. Российское законодательство и Сибирь. Соотношение имперских принципов и регионализма // Россия и Сибирь: проблемы взаимодействия в региональной политике в исторической ретроспективе: материалы Международн. науч.-практ. конф., посвящ. 180-летию сибирских реформ М. М. Сперанского. - Иркутск: Оттиск, 2004. - С. 37-51.

точной Сибири обусловили доминирующее положение государства в управлении системой образования, что так же, как и в общероссийском масштабе, затормозило её развитие.

По данным Ю. А. Гагемейстера, в Восточной Сибири в 1851 г. на огромной территории с миллионным населением действовало лишь 48 государственных учебных заведений. Они были представлены Иркутской мужской гимназией, десятью уездными училищами в Нерчинске, Иркутске, Енисейске, Верхнеудинске, Троицкосавске, Киренске, Красноярске, Ачинске, Нижнеудинске, Якутске, 34 приходскими училищами, училищем для канцелярских служащих, магометанской школой, институтом благородных девиц и частным сиропитательным заведением Елизаветы Медниковой. В совокупности в учебных заведениях обучались 2157 чел., из них 2002 мальчиков и 155 девочек. Соотношение одного ученика к количеству проживающих мужчин составляло 1:262. В женском образовании дела обстояли значительно хуже, одна ученица приходилась на 3031 проживающих в крае женщин¹⁸⁶.

В 1852 г. учреждённый по указу императора второй Сибирский комитет разработал проект программы по развитию народного просвещения. Члены комитета считали необходимым увеличить число приходских училищ и гимназий, улучшить их материальную базу. Для продолжения обучения сибирских гимназистов комитет рассматривал возможность выделения дополнительных мест в Казанском университете. С программой был ознакомлен генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, который по данному вопросу имел собственное мнение. Он считал увеличение числа средних учебных заведений и обучение сибирской молодёжи в Казанском университете нецелесообразным. Позиция генерал-губернатора объясняется его личным отношением к населению Сибири. В записке Сибирскому комитету он отмечал, что «...совершенно убедился в необходимости, чтобы управление тамошнее состояло не из сибирских уроженцев. ... и даже если

¹⁸⁶ Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. – СПб., 1854. – Ч. 3. – С. 100.

и из сибирских ... то во всяком случае таких, которые с юных лет удалены были для воспитания с места их родины»¹⁸⁷. Генерал-губернатор был совершенно уверен в пагубных чертах местного населения и высказывался против открытия университета и учреждения учебного округа в Восточной Сибири. Несомненно, его мнение повлияло на решение Сибирского комитета. Члены комитета отметили необходимость улучшения гимназического образования в Восточной Сибири, но «не приступая ни в коем случае к учреждению в Сибири высшего учебного заведения, потому что оно ... не принесёт существенной пользы краю»¹⁸⁸.

Очевидно, что субъективная позиция местной администрации отчасти лишила Восточную Сибирь высшего учебного заведения и тормозила развитие системы просвещения в целом. Отсутствие местных органов управления просвещением ставило его в прямую зависимость от генерал-губернаторов. Программы Министерства народного просвещения для высшей администрации Восточной Сибири имели второстепенный характер и часто выполнялись формально. Так, например, в соответствии с Положением об уездных училищах, учреждавшихся во всех уездных городах, последние были открыты лишь в десяти из 22 имеющихся уездных городов Восточной Сибири. Несомненно, учебные заведения края нуждались в профильной системе управления.

В Российской империи 1860-е гг. ознаменовались проведением широкомасштабных реформ. Отмена крепостного права повлекла глубинные преобразования во всех сферах жизни общества. По мнению большинства исследователей, в пореформенный период 1861–1917 гг. модернизационные процессы в социально-экономических отношениях протекали наиболее динамично. Преобразования 1860-х гг. привели к кардинальным изменениям в социокультурной сфере и создали благоприятные условия для модернизации российского образования. Изменения, принятые в нормативной базе

¹⁸⁷ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 84. – Д. 95. – Л. 17

¹⁸⁸ Там же. – Л. 72.

1860-х гг., предполагали реформирование средней и начальной школы, заложили основы развития женского образования. Образовательная реформа восстановила принципы всеобщности, преемственности и доступности.

По инициативе министра народного просвещения А. В. Головина проведена реформа управления образованием. В составе Министерства были восстановлены Учёный комитет и Главное правление училищ. Исполнительный орган министерства Департамент народного просвещения разделён на разряды в соответствии с выполняемыми функциями. Сформировались ведомственные разряды общих дел, начальных, средних, высших учебных заведений. Расширены полномочия попечителей учебных округов.

Модернизация российского общества обусловила необходимость включения в систему образования общественного участия. В земских областях разработан механизм реализации частной инициативы, в систему управления вводятся училищные советы. Однако все изменения преимущественно касались Европейской России. На окраинах ситуация принципиально не изменилась.

С целью ознакомления с положением народного образования в Восточной Сибири в 1865–1866 гг. помощник попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Алексей Васильевич Латышев по поручению Министерства народного просвещения в течение года инспектировал учебные заведения¹⁸⁹. А. В. Латышев посетил Иркутск, Красноярск, Читту. Инспектор подтвердил полную зависимость учебных заведений от областных и губернских властей, что являлось, по его мнению, препятствием в развитии образования в крае. В отчёте он писал: «По мнению моему незначительность числа учебных заведений не только не может служить препятствием к учреждению этих штатов, но и напротив того, заставляет желать скорейшего по возможности осуществления этой меры в Вос-

¹⁸⁹ РГИА. – Ф 733 – Оп 120. – Д 276 – Л 58

точной Сибири, дабы поставить там учебное дело в более благоприятные условия и способствовать развитию оно́го»¹⁹⁰.

Доклад Латышева стал основанием для ходатайства генерал-губернатора М. С. Корсакова об учреждении по аналогии с Западной Сибирью должности главного инспектора училищ, что, по мнению генерал-губернатора, должно было способствовать эффективности управления системой образования региона. 18 декабря 1867 г. в Восточной Сибири учреждается должность главного инспектора народных училищ с сохранением попечительских функций за генерал-губернатором. Генерал-губернатор, освободившись от административно-хозяйственных полномочий, сохранил функции «для ближайшего надзора ... и для направления учебной части соответственно видам правительства и пользам края»¹⁹¹.

Главный инспектор училищ назначался и увольнялся высочайшим приказом по представлению министра народного просвещения, согласованного с генерал-губернатором. При главном инспекторе существовала канцелярия со штатными должностями секретаря и помощника, назначаемыми генерал-губернатором¹⁹². Инспектор осуществлял руководство деятельностью учебных заведений, что выражалось в принятии отчётов директоров и инспекторов учебных заведений, рассмотрении протоколов заседаний педагогических советов; составлении ежегодных отчётов для генерал-губернатора и МНП; распределении отпускаемых казной средств на организацию и содержание учебных заведений. Главный инспектор проводил ревизии учебных заведений, контролировал качество обучения, методику преподавания, воспитательную работу, уровень профессиональной подготовки учителей, материальное состояние учебных заведений. Но при этом он не имел права прямого, непосредственного письменного обраше-

¹⁹⁰ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 193. – Д. 260 – Л. 31

¹⁹¹ Там же. – Л. 32.

¹⁹² Уставы учёных учреждений и учебных заведений / СЗРН – СПб, 1863 – Т. 11. – Ч. 1. – С. 16

ния к министру народного просвещения. Главный инспектор, выполняя распоряжения министра, в первую очередь подчинялся генерал-губернатору.

В подчинении инспектора находились директора училищ в лице директоров Иркутской и Красноярской мужской гимназии, Якутской прогимназии и смотрителей уездных училищ. Учебные заведения Забайкальской области находились в непосредственном подчинении главному инспектору; в связи с отсутствием гимназии и малым количеством министерских школ. Необходимо отметить, что непосредственное соседство с Китаем явилось ключевым фактором для образования Забайкальского казачьего войска в 1851 г. С первых дней существования остройшей проблемой для ЗКВ становится подготовка младшего и среднего командного состава. Для решения данного вопроса в казачьих станицах открываются батальонные и гарнизонные школы, которые находились в ведомственной подчинённости Министерства внутренних дел. С учреждением должности главного инспектора в 1872 г. состоялась передача казачьих войск в ведение МВП, с сохранением частичного финансирования из средств ЗКВ.

Учитывая возросшее количество школ в Забайкальской области учреждается первая в Восточной Сибири должность инспектора народных училищ¹⁹³. Первым инспектором был назначен барон Гергард Людвигович Майдель, который оставался на посту до 1883 г. Забайкальская инспекция долгое время оставалась единственной в Восточной Сибири. В Иркутской и Енисейской губерниях, а также в Якутской области управление школьным делом оставалось в ведении директоров гимназий и прогимназий. Появление инспектора в Забайкальской области становится первым модернизационным импульсом, соответствующим общероссийским процессам.

Таким образом, процесс реформирования системы управления образованием в Восточной Сибири характеризовался незначительной степенью модернизационных процессов, охвативших систему образования Европейской России. Если

¹⁹³ РГИА. – Ф 733 – Оп. 194 – Д 84 – Л 7

в Европейской России система образования становится более независимой от государства, углубляя ведомственные черты. то в Азиатской России приоритет государства сохраняется. Региональная система управления отличалась от общероссийской высокой степенью централизации, отсутствием эффективного механизма реализации общественных интересов, незначительной степенью профилирования. В региональной системе имела место некоторая конгломератность. Система управления сочетала модернизационные и архаичные элементы. На фоне учреждения инспекторских должностей сохранялись штатные смотрители и попечительство в лице генерал-губернатора. Территориальный фактор негативно влиял на эффективность региональной системы управления, замедляя развитие образования в целом.

В 1870-е гг. император утвердил ряд нормативных актов, оказавших существенное влияние на систему образования Восточной Сибири. В 1874 г. Положение о начальных училищах юридически закрепляет училищные советы и должность директора народных училищ как государственные органы власти. Должность директора вводилась в центральных областях России «соразмерно с пространством и населённостью оной и с числом имеющихся в ней училищ»¹⁹⁴. Директор контролировал учебную часть и благонадёжность учебного персонала, являясь обязательным членом училищного совета, обеспечивая тем самым государственное представительство в либеральной деятельности земств. В не земских областях дирекция становилась основным органом государственной власти в области народного просвещения. Всего в 1874 г. в стране приступили к исполнению обязанностей 34 директора и 68 инспекторов народных училищ. В 1876 г. получили назначение ещё 74 инспектора.

В Восточной Сибири незначительное число учебных заведений отложило учреждение дирекции. К обсуждению данного вопроса вернулись в 1880-х гг., когда количество на-

¹⁹⁴ Положение о начальных училищах 1874 г. – сост. Н. А. Желваков, под ред. С. А. Каменева // Хрестоматия по истории педагогики – М., 1936 – 516 с.

чальных школ увеличилось в 3,5 раза по сравнению с предыдущим десятилетием. О дирекции неоднократно ходатайствовали генерал-губернаторы Восточной Сибири в 1878 г. – барон П. А. Фредерикс; в 1880 г. – генерал-лейтенант Д. Г. Анучин.

В 1881 г. произошли незначительные изменения в управлении учебным делом Российской империи, штаты учебных округов увеличились, но поскольку в Сибири учебных округов не существовало, то здесь всё осталось без изменения. В 1883 г. генерал-губернатор Д. Г. Анучин ходатайствовал об учреждении округа, тем не менее, министр считал предложение преждевременным и образование учебного округа отложили на неопределённое время.

Только в 1884 г. по решению Государственного совета в Иркутской губернии учредили должность директора. В Забайкальской области «...переименовали в таковую же должность инспектора народных училищ»¹⁹⁵. Известно, что в Забайкальской области первым директором назначили статского советника Александра Николаевича Сниткина¹⁹⁶. Директорам вменялось в обязанности осуществлять контроль за учебной частью и педагогическим персоналом городских, уездных и начальных училищ, находящихся в ведении МНП. В этом же году в Иркутской губернии учреждается инспекция, включавшая учебные заведения Иркутского, Балаганского и Верхотурского округов. В Енисейской области должность инспектора была введена в 1887 г.¹⁹⁷ В Якутской области управление осталось без изменений до 1900 г.

Директору устанавливалось годовое жалование в 2500 р., из них жалование – 1000 р., оплата квартиры и канцелярских расходов – 800 р., командировочные расходы – 700 р. Инспектор получал 2000 р. в год, из них 900 р. – жалование, 600 р. – квартира и канцелярия, 500 р. – на разъезды¹⁹⁸.

¹⁹⁵ ГАЗК – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 6–7.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1887. – Ч. 255. – С. 457.

¹⁹⁸ ГАЗК – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 6–7.

Заметим, что полномочия директоров и инспекторов народных училищ распространялись на учреждения начального образования. Незначительное количество восточносибирских гимназий и реальное училище сохранили относительную самостоятельность, подчиняясь лишь главному инспектору училищ до 1917 г. Таким образом, с образованием дирекций народных училищ система управления общим образованием Восточной Сибири приобрела дифференцированный характер, обусловленный существованием различных типов учебных заведений.

Характерной чертой системы управления можно назвать усиление бюрократизации. Значительно увеличился и документооборот. Так, например, в 1869 г. канцелярия главного инспектора обрабатывала документов в количестве 2245 единиц. в 1911 г. – 18 469 единиц с сохранением прежнего штата из двух секретарей. Директор училищ Забайкальской области, находясь в подчинении главного и окружного инспекторов, был вынужден месяцами согласовывать свои действия не только с ними, но и с генерал-губернатором Приамурья. В частности, переписка по открытию Читинской мужской гимназии началась в 1872 г. Круг адресатов постепенно увеличивался, включая инспектора, наказного атамана ЗКВ, военного губернатора Забайкальской области, окружного инспектора, главного инспектора, министра внутренних дел, министра народного просвещения. В конце концов, гимназия открылась лишь в 1884 г.

В 1901 г. на содержание штата главного инспектора из государственного казначейства выделялись 8050 р. Годичное жалование инспектора в разные годы варьировалось от 3000 до 5000 р. Так, в 1902 г. А. Г. Дедов получал жалования 400 р., столовые – 1800 р., квартирные – 700 р., командировочные – 1000 р., итого 4908 р. в год. Жалование секретарей не превышало 800 р. в год¹⁹⁹. Заметим, что на содержание штата главного инспектора Восточной Сибири государство выделяло в два раза меньше средств, чем на содержание аналогичного штата в Туркестанском крае, где финансирование составляло

¹⁹⁹ РГИА. – Ф 733. – Оп. 194. – Д. 84. – Л. 2.

17 500 р. в год. Учитывая условия работы и размеры инспектируемой территории, средств выделялось недостаточно. Генерал-губернатор Д. Г. Анучин отмечал, что инспектор и его секретари «приютились в главном управлении, в проходной комнате, в несколько квадратных аршин пространства, где помещаются вместе с Главным Инспектором все писцы, а книги и дела за неимением места лежат грудями на окнах и полу»²⁰⁶. На более удобное помещение средств не хватало, поскольку казной на аренду выделялось только 350 р. в год. Неоднократные ходатайства главного инспектора и генерал-губернаторов о выделении дополнительных штатов привели лишь к увеличению рабочего дня секретарей на два часа при сохранении прежнего жалования²⁰⁷.

Тем не менее, несмотря на сложности в управлении учебными заведениями, учитывая национальные и территориальные особенности края, деятельность учебной администрации имела положительный результат. В целом, по Восточной Сибири к началу XX в. усилиями учебных властей было открыто три мужских гимназии, два реальных училища, три учительских семинарии, 13 женских гимназий и более тысячи начальных училищ разного типа. Управление возросшим количеством учебных заведений было затруднено в связи с недостатком профессиональных кадров. Администрация продолжала неоднократные обращения к центральным властям с просьбой об увеличении штатов инспекции.

Необходимо отметить, что кадровые проблемы были характерной чертой системы управления образованием по всей стране. Многочисленные ходатайства региональных властей на фоне увеличения числа начальных училищ подтолкнули власти к принятию решения. 24 мая 1900 г. в Государственном совете приняли новое штатное расписание дирекций и инспекций. С 1 июля в Иркутской губернии дополнительно вводили две должности инспекторов, в Енисейской губернии и Якутской области – по одной. В 1900 г. в Восточной Сибири

²⁰⁶ Там же. – Л. 4.

²⁰⁷ Линьков А. Рост учебного дела в Восточной Сибири // Сибирский альманах – 1912. – № 7. – С. 505–543

количество инспекторских районов увеличилось до двенадцати, три – в Енисейской губернии, четыре – в Иркутской области, четыре – в Забайкальской области и один – в Якутии. В 1904 г. для повышения эффективности управления якутского инспектора власти утвердили должность делопроизводителя и увеличили расходы на ревизии на 1000 р.²⁰² Нововведение приравнивало штат и полномочия якутского инспектора народных училищ к статусу дирекции.

Таким образом, в начале XX в. в Восточной Сибири окончательно сформировались ключевые элементы ведомственного механизма управления народным просвещением, представленные дирекциями и инспекциями народных училищ. Новые элементы сохраняли централизацию, но в то же время усилили профильные черты. Проблемы развития региональной системы образования всё чаще получали разрешение на местном уровне, без участия генерал-губернатора. Однако геополитические особенности региона обусловили ряд проблем в системе управления. Инспекторам и директорам подчинялись территории, сравнимые с площадью небольших европейских государств с пёстрым социально-этническим составом населения. Удалённость и малочисленность населённых пунктов, кочевой образ жизни части населения препятствовал эффективной деятельности инспекторов, которые были вынуждены либо сокращать количество ревизий, либо пускаться на самотёк административно-хозяйственную часть. Нельзя забывать и о возрастающем документообороте. Следовательно, созданная на местах модель управления на деле характеризовалась слабым государственным контролем и в целях усиления эффективности требовала дальнейшего развития.

Летом 1908 г. член Совета МНП тайный советник Алексей Матвеевич Позднеев инспектировал дирекции народных училищ в Иркутске и Чите. Позднеев отмечал «...крайне неудовлетворительное содержание как инспекторов, так и директоров народных училищ»²⁰³. Служащие получали содержание, утверждённое ещё в 1874 г., в частности, директор полу-

²⁰² Отчёт министра народного просвещения за 1903 г. – СПб., 1905. – С. 512.

²⁰³ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 2. – Д. 7. – Л. 70 об.

чал годовое жалование 2300 р., а инспектор – 2000 р., соответственно ежемесячное жалование составляло 80 и 72 р., что «...при самых скромных потребностях на такое жалование прожить в Забайкалье семейному человеку, не делая долгов, невозможно. В силу необходимости инспекторы народных училищ вынуждены пополнять свой бюджет посторонним заработком...»²⁰⁴. Стоимость жилья и дров превышали почти в два раза сумму, выделяемую служащим на аренду помещений. На инспекции школ выделялось 700 р. директору и 500 р. – инспектору. Позднеев приводил в качестве примера суммы, выделяемые другими ведомствами своим служащим для разъездов по области. Так, акцизный ревизор получал 1400 р. в год, помощники акцизных надзирателей – 1200 р., податные инспекторы, участки которых совпадают по размерам с участками инспекторов – 1000 р. «Инспекторы... лишены возможности ежегодно осматривать все подведомственные школы, что, без сомнения, неблагоприятно отражается на развитии школьного дела...»²⁰⁵.

Докладывая в Совете МНП результаты проверки, А. М. Позднеев предложил дополнительно создать две инспекции в Забайкальской области и одну в Иркутской губернии, распространить на директоров и инспекторов положение о полуторных окладах, выплачиваемых служащим средних учебных заведений. К концу 1908 г. главный инспектор народных училищ Восточной Сибири Г. П. Василенко подготовил проект по увеличению числа инспекторов народных училищ. При поддержке А. М. Позднеева решение было принято. 7 июня 1909 г. император утвердил закон «Об усилении инспекции народных училищ в некоторых губерниях и областях Империи и об увеличении канцелярских и разъездных средств инспектора народных училищ киргизской Орды»²⁰⁶.

Таким образом, в конце первого десятилетия XX в. под влиянием территориального фактора региональная система управления продолжает дальнейшее развитие, усиливая про-

²⁰⁴ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 2. – Д. 7. – Л. 71 об.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ ПСЗРИ. Собр. 3. – Т. 29. – Отд-ие 1. – Ст. 32015.

филирующие черты. В июле 1909 г. из первого инспекторского района Иркутской дирекции выделили пятый, позднее в Забайкальской области учредили пятый и шестой инспекторские районы.

С принятием в 1908 г. закона «Об отпуске 6.900.000 рублей на нужды начального образования» начинается стремительное развитие начальной школы. Реализация закона привела к росту числа учебных заведений. В 1910 г. в Восточной Сибири обучались 54 546 учащихся в 1205 учебных заведениях, на содержание которых выделялись 1 236 495 р.²⁰⁷ С увеличением финансирования началась подготовка к введению всеобщего начального образования. Учитывая особенности Восточной Сибири, реализация мер по введению всеобщего образования требовала разработки специальной региональной программы, ответственность за которую была возложена на главного инспектора.

В контексте модернизационных процессов системы образования очевидно расширение сферы полномочий главного инспектора, которые были осложнены геополитическими особенностями региона. Развивающаяся система общего образования требовала соответствующей эффективной профильной системы управления. Под воздействием данных обстоятельств в 1911 г. главный инспектор народных училищ Восточной Сибири получил полномочия попечителя учебного округа²⁰⁸. Соответственно в Восточной Сибири формируется Главное управление гражданскими учебными заведениями. Существенно увеличился штат главного инспектора. Накануне революции в Главном управлении работали восемь человек – секретарь А. Мацкевич, помощник секретаря В. Литвинцев, старший письмоводитель И. Пономарев, журналист К. Соболевская, переписчица О. Рогозина, Е. Гантимурова, писцы Д. Хрусталева, А. Пепенина, А. Гантимурова²⁰⁹.

²⁰⁷ Всеобщее обучение: сб. законов и правительственных распоряжений / сост. К. И. Денисов. 1907–1913 гг. – СПб., 1913. – Вып. 1. – С. 115.

²⁰⁸ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 203. – Л. 159.

²⁰⁹ Там же. – Оп. 6. – Д. 14. – Л. 3.

Учреждение главного управления гражданских учебных заведений закончило формирование ведомственной системы управления народным просвещением в регионе. Освободившись от контроля губернатора, система управления сохранила единоначалие и доминирующую роль государства. Заметим, что региональная система управления так и осталась за рамками окружной, общероссийской системы. Её отличительными чертами становятся дифференцированность, иерархичность, строгая субординация, ограниченное участие общественности, зависимость от геополитического положения Восточной Сибири.

Введение всеобщего начального образования потребовало не только дополнительных средств, но и дополнительных штатов. 18 мая 1911 г. МНП утвердило новое штатное расписание инспекторов. Количество инспекций в стране увеличилось на 52, четыре из них открыли в Восточной Сибири. Одна из четырёх инспекций учреждена в Якутской области.

К 1913 г. в Восточной Сибири функционировало три дирекции и 21 инспекторский район. Дирекцию народных училищ Иркутской губернии возглавлял статский советник Иннокентий Михайлович Тихомиров. В состав дирекции входило шесть инспекторских районов. Первый район площадью 56 000 кв. км включал Иркутск и южную часть Иркутского уезда, под управлением инспектора Владимира Дмитриевича Беляева находилось 97 начальных училищ разного типа. Второй район площадью 128 000 кв. км охватывал юго-западную часть Балаганского уезда. Под управлением Конрада Давидовича Горошени находилось 90 начальных училищ. Третий инспекторский район, руководимый Василием Васильевичем Поповым, включал Киренский уезд и являлся самым большим по занимаемой площади в 416 000 кв. км с 80 школами. Северо-восточная часть Балаганского уезда площадью 26 057 кв. км с сотней училищ составляла четвёртый инспекторский район под руководством Льва Андреевича Плюща. Пятая инспекция площадью 78 400 кв. км состояла из северной части Иркутского и всего Верхоленского уездов. В инспекции действо-

вало 112 школ под началом Николая Павловича Березовского. Шестая инспекция со 105 школами включала Нижнеудинский уезд площадью 108 143 кв. км, находилась под руководством Владимира Сергеевича Бибикова.

По совокупности в 584 школах Иркутской дирекции обучались 25 687 учащихся, из них 16 994 мальчика и 8693 девочки. Одна школа приходилась на 1284 чел., один учащийся на 29 чел. На содержание училищ выделялись 731 469 р. в год. Из государственного казначейства поступало 367 110 р. (51,4 %), от местных властей – 194 224 р. (26,5 %), от городских и сельских обществ – 161 133 р. (22 %), из иных источников (единовременные пожертвования, банковские вклады) – 9002 р. (1,2 %) ²¹⁰.

Иркутская дирекция являлась самой динамично развивающейся дирекцией в Восточной Сибири. Количество учебных заведений в инспекторских районах приближалось к сотне при норме в 50 училищ. В 1906 г. второй инспекторский район имел 130 училищ и был разделён на два по 65 в каждом. В 1909 г. во второй инспекции было уже 101 училище, из которых 20 двухклассных с 15 параллельными классами. Ежегодно во втором районе открывалось в среднем по 20 училищ и такому же количеству сельских обществ отказывалось в открытии. По мнению директора И. М. Тихомирова, увеличение училищ в этом районе ещё долгое время должно было продолжаться в связи с заселением переселенческих участков.

Дирекция народных училищ Енисейской губернии находилась под управлением Ильи Григорьевича Шешунова с 1916 г. – Н. П. Березовского. Дирекция состояла из шести инспекторских районов. Первый район под руководством Даниила Петровича Тофа включал Красноярск и Красноярский уезд. На совокупной площади 22 760 кв. км действовало 92 начальных училища. Вторая инспекция площадью 90 000 кв. км включала Минусинск, южную часть Минусинского уезда (до р. Тубы) и Усинский пограничный округ с 67 школами. Марк Протасьевич Константинов руководил 57 начальными

²¹⁰ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 354. – Л. 54–61.

школами Енисейска, Енисейского уезда и Туруханского края, которые составляли третий инспекторский район площадью 1 622 140 кв. вёрст. Четвёртый инспекторский район включал Канск и часть Канского уезда на площади 28 000 кв. км с 90 начальными школами. Находился под управлением Николая Ильича Петрова. В пятой инспекции действовало 84 школы на территории Ачинска и Ачинского уезда общей площадью 34 250 кв. км под управлением Льва Георгиевича Михалковича. Шестой район простирался на площади 500 000 кв. км, включающей северную часть Минусинского уезда, где действовало 83 школы. Руководство осуществлял Михаил Дмитриевич Побединский²¹¹.

В совокупности в Енисейской дирекции действовало 473 начальных училища с 25 362 учащимися, из них 16 754 мальчиков, 8598 девочек²¹². Одна школа приходилась на 2043 чел., один учащийся на 38 чел. На содержание училищ выделялось 505 575 р. в год. Из государственного казначейства поступало 272 212 р. (53,8 %), от местных властей – 170 683 р. (33,7 %), от городских и сельских обществ – 62 679 р. (12,3 %), из иных источников (единовременные пожертвования, банковские вклады) – 4001 р. (0,79 %)²¹³.

При анализе размеров инспекторских районов Енисейской дирекции очевидна огромная диспропорция размеров инспекций. Площадь третьей инспекции в несколько раз превышала совокупные размеры всех вместе взятых инспекций. Не учитывая слабозаселённый Туруханский край с 15 000 чел., заметим, что по плотности населения Красноярский, Ачинский, Минусинский уезды не уступали таким заселённым уездам, как Балаганский, Иркутский в Иркутской губернии, Верхнеудинский, Читинский в Забайкальской области²¹⁴. Соответственно количество школ в Красноярском, Ачинском и Минусинском уездах приближалось к сотне, однако темпы роста были значительно ниже, чем в Иркутской и Забай-

²¹¹ Там же. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 354 – Л. 54–61.

²¹² Там же.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. – СПб., 1914. – С. 88.

кальской дирекциях. Также необходимо обратить внимание на незначительную сумму городских и сельских сборов, что влияло на темпы роста и свидетельствует о низкой степени общественного участия, обусловленного невысоким уровнем благосостояния населения. Учитывая сказанное, можно предположить, что деятельность Енисейской дирекции была малоэффективна. Низкие темпы роста числа учебных заведений обусловлены не только территориальным и общественным фактором, но и субъективным отношением инспекторов к своим обязанностям. Увольнение в 1916 г. директора и четырёх инспекторов косвенно подтверждает данное обстоятельство.

В Забайкальскую дирекцию народных училищ в 1913 г. входило семь инспекторских районов. Директором училищ являлся Венедикт Венедиктович Попов. Часть Читинского уезда площадью 60 000 кв. км с 64 училищами составляли первый инспекторский район под руководством Николая Александровича Соколова. Второй район включал часть Читинского и Нерчинского уездов площадью 40 000 кв. км с 68 школами под руководством Анатолия Николаевича Малевича. Часть Верхнеудинского и Селенгинского уездов третьего района площадью 140 000 кв. км с 64 школами находились под руководством Павла Михайловича Тереховского. Четвёртый район находился под руководством Сергея Александровича Успенского. На площади четвёртой инспекции в 99 000 кв. км, включавшей Троицкосавский уезд и части Селенгинского и Верхнеудинского уездов, действовало 50 начальных школ. Пятый район под руководством Петра Саввовича Михно включал части Акшинского и Нечинско-Заводского уездов площадью 83 000 кв. км с 50 училищами. Часть Нерчинского и Нерчинско-Заводского уездов площадью 60 000 кв. км с 58 школами составили шестую инспекцию под руководством Василия Васильевича Покровского. Седьмая инспекция с 60 школами на площади 60 000 кв. км включала часть Акшинского, Читинского, Нерчинского и Нерчинско-Заводского уездов. Руководство осуществлял Василий Васильевич Шастовский²¹⁵. В совокуп-

²¹⁵ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 354. – Л. 54–61

ности в Забайкальской области действовало 414 начальных школ с 20 334 учащимися, из них 14 633 мальчиков, 5701 девочек. Одна школа приходилась на 669 чел., один учащийся на 13,6 чел. На содержание выделялось 511 519 р. в год, из них от государства поступало 208 512 р. (40,7 %), от местных властей – 107 904 р. (21 %), общественные сборы – 195 103 р. (38,1 %). Поступлений из иных источников в Забайкальской области в 1913 г. не было.

Анализируя данные по дирекции, очевидно, что в Забайкальской области выделение инспекторских районов было более пропорциональным к числу школ и относительно соразмерным по площади. Соотношение государственных и местных средств округленно составляло 40 и 60 % соответственно, а 40 % из местных средств составляли общественные сборы. Следовательно, развитию начальной школы Забайкальской области в значительной мере способствовало местное финансирование и широкое общественное участие. Вопреки устоявшемуся мнению о лидерстве Иркутской губернии по уровню грамотности населения в Восточной Сибири, статистические данные Забайкальской области превосходят показатели Иркутской губернии в два раза, при фактически равных затратах на содержание одной школы.

Основным факторам, повлиявшим на развитие образования в Забайкальской области, являются особенности её геополитического положения. Непосредственное соседство с Китаем обеспечило развитие торговли, которая способствовала экономическому и культурному развитию Троицкосавска, Нерчинска, Верхнеудинска. Учреждение Забайкальского казачьего войска требовало подготовки младшего и среднего командного состава, что повлекло развитие школьной сети. Развитие горнорудного дела, золотодобычи обусловило не только потребность в грамотных специалистах, но и способствовало становлению местной буржуазии, которая оказывала материальную помощь в обеспечении учебных заведений. Заметим, что переселенческие процессы в Забайкальской области были выражены слабее, чем в Иркутской губернии, что влияло на

общую численность населения, делая её более стабильной и, как следствие, сказываясь на школьных показателях.

Две инспекции Якутской области являлись самыми крупными не только в Восточной Сибири, но и в стране. В первой инспекции, находящейся под руководством Василия Петровича Василевского, действовало 40 школ Якутского округа на площади 719 097 кв. км. Вторая инспекция намного превышала размеры первой, её площадь занимала 2 763 436 кв. км в составе Олёкминского, Витимского, Верхоянского и Колымского округов. На огромных просторах было открыто 36 школ, которые находились под руководством Кузьмы Ксенофонтовича Атласова²¹⁶. В школах обучались 1796 учащихся, из них 1378 мальчиков и 418 девочек. Одна школа приходилась на 3647 чел., один учащийся на 154 чел. На содержание ежегодно выделялось 97 028 р., из них государственное казначейство выделяло 59 427 р. (61,2 %), местные власти – 35 463 р. (36,5 %), общественные сборы составляли 2139 р. (2,2 %).

Очевидно, что якутские инспекции, являясь самыми протяжёнными, демонстрировали самые низкие показатели. Отставание в развитии системы образования было связано с объективными причинами. Слабозаселённый край с суровыми климатическими условиями требовал особого внимания государства. На содержание одной школы требовалось значительно больше средств, чем в остальных дирекциях. Слабый уровень социально-экономического развития не мог существенно повлиять на развитие начальной школы. Учитывая геополитические факторы, статус якутских инспекторов приравнивался к статусу директоров²¹⁷. По сути, в Якутской области действовало две самостоятельные дирекции.

В целом, необходимо отметить, что увеличение числа инспекций способствовало не только эффективному управлению, но и развитию системы образования в целом.

Таким образом, накануне революции 1917 г. в Восточной Сибири сформировалась региональная профильная система

²¹⁶ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 354. – Л. 54–61.

²¹⁷ НАРС(Я). – Ф. 288-и – Оп. 1. – Д. 362. – Л. 5.

управления учебными заведениями, имеющая определённые специфические черты. Формирование системы проходило в несколько этапов. На первом этапе 1786–1803 гг. происходит зарождение системы управления. Формирование структурных элементов в Восточной Сибири происходит со значительным отставанием, что обусловило зависимость системы образования от сибирской администрации. В 1803–1828 гг. учебные заведения Восточной Сибири, находясь в составе Казанского учебного округа, управлялись посредством окружной системы. Однако огромные размеры округа обозначили проблемы в управлении. Учреждение должности визитатора свидетельствует о тенденции к созданию региональной модели управления. Период 1828–1841 гг. характеризуется выведением учебных заведений Восточной Сибири из общероссийской окружной системы и передачей властных полномочий в руки губернаторов. На данном этапе происходит нивелирование профилирующих черт и ярче проявляются региональные особенности и зависимость системы от сибирской администрации. С 1841–1911 гг. происходит развитие профильных структурных элементов системы, остающейся в зависимости от генерал-губернаторов. В 1911–1917 гг. создаётся Главное управление гражданскими учебными заведениями Восточной Сибири. Система становится профильной, независимой от местной администрации и приобретает законченный вид.

Учитывая геополитические особенности региона и позицию центральных властей, долгое время считавших Восточную Сибирь колонией, мы можем говорить о сдерживании модернизационных процессов в развитии региональной системы управления образованием. Это выразилось в ограничении механизма реализации общественного участия в развитии системы образования, доминирующей роли государства. Геополитические особенности Восточной Сибири обусловили формирование особого порядка управления, основанного на жёсткой централизации, соблюдении единоначалия, иерархичности и субординации. Только во втором десятилетии XX в. система управления учебными заведениями Восточной

Сибири приобретала общероссийские черты, что являлось показателем соответствия региональной системы образования в целом общероссийским критериям.

1.4. Становление институтов общественного представительства в системе общего образования: виды и направления деятельности

В русле модернизационных процессов, протекавших в социально-экономической сфере Российской империи, происходит формирование государственной системы образования под началом Министерства народного просвещения. Усиление модернизационных импульсов в середине XIX в. определило необходимость кардинальных изменений системы образования. Системные изменения затронули все структурные элементы образования. Удовлетворяя потребности государства и развивающегося общества, менялось качество образования, учебные программы, возрастало количество учебных заведений учащихся. В контексте решения глобальных дорогостоящих задач, рассчитанных на десятилетия, возникла объективная необходимость привлечения общества в качестве участника модернизационного проекта. Названные факторы стали стимулом для становления институтов общественного представительства в области образования.

Общественное участие в сфере образования начиналось с традиционной благотворительности, которая имеет богатейшую историю. Благотворительной деятельностью занимались, как правило, крупные промышленники, купцы. Например, Санкт-Петербургское коммерческое училище, основанное в 1772 г., осуществляло свою деятельность благодаря поддержке известного промышленника П. Г. Демидова. Позднее училищу завещал восемь миллионов золотом попечитель банкир А. Л. Штиглиц²¹⁸. В Восточной Сибири

²¹⁸ Гусаров В. И. Государственно-общественное образование. Самара: НТЦ, 2006 – С. 26

благотворительность также не была исключением, хотя имела более скромные пожертвования. В «Иркутской летописи» неоднократно говорится о пожертвованиях в пользу училища, а именно, в 1792 г. иркутские купцы Киселевы пожертвовали 2101 р., в 1802 г. купец Щегорин подарил училищу книги на китайском и маньчжурском языках на сумму 1011 р.²¹⁹ Для развития материальной базы училища была подарена коллекция минералов, собранная на Барнаульских рудниках²²⁰.

Реформы Александра I законодательно закрепили возможность общественного участия в организации системы образования. «Предварительные правила народного просвещения» содержали положение, о том, что: «Приходские училища в казенных селениях вверяются приходскому священнику и одному из почётнейших жителей; в помещичьих селениях они предоставляются просвещённой и благонамеренной попечительности самих помещиков»²²¹. Однако механизм реализации данного положения предусмотрен не был. Учитывая слабый уровень заинтересованности населения в учебном деле, отсутствие практической значимости образования в начале XIX в., данная норма, по сути, носила декларативный характер.

В 1811 г. в систему образования вводится должность почётного смотрителя, избираемого из представителей дворянского сословия. Смотрителю вменялось в обязанности на безвозмездной основе заботиться о благосостоянии училища, обеспечивая приток частных средств. Государство не предусматривало финансирование приходских училищ, поэтому помощь почётного смотрителя являлась единственным источником их содержания. Тем не менее, широкого распространения институт почётных смотрителей не получил. Функциональная роль смотрителя определялась формулировкой общего харак-

²¹⁹ Иркутская летопись (летопись П. И. Пежемского и В. А. Кротова), с предисловием, добавлениями и примечанием И. И. Серебренникова. – Иркутск, 1911. – С. 121.

²²⁰ Там же.

²²¹ Миропольский С. И. Школа и государство. Обязательность обучения в России. – СПб., 1876. – 258 с.; Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. – М.: Педагогика, 1987. – С. 560.

тера без указания чёткой регламентации и сводилась к пассивному наблюдению о благосостоянии училищ.

В 1839 г. по инициативе попечителя Московского учебного округа С. Г. Строганова введено в действие Положение о городских начальных училищах в Москве. В Положении впервые общественная деятельность почётного блюстителя засчитывалась в качестве гражданской службы с правом ношения мундира. Сословных ограничений для избрания не устанавливалось, избранный блюститель утверждался в должности министром²²². Нововведение было признано рациональным и в течение года введено в учебных заведениях Министерства народного просвещения.

В Восточной Сибири в первой половине XIX в. количество учебных заведений, состоявших в ведении Министерства народного просвещения, не превышало сотни. Наибольшей стабильностью отличались гимназия и уездные училища, поскольку находились на содержании государства. Приходские училища зависели от общественной заинтересованности и благосостояния. Довольно часто они, едва приступив к работе, закрывались из-за отсутствия средств. Уездные училища открывались в торгово-промышленных центрах, удовлетворяя потребности городского населения в грамотных специалистах. Более того, аттестат уездного училища давал право поступления на государственную службу. Практическая значимость полученного образования определила большую заинтересованность общества в училищах, чем в приходских школах, обучающих примитивной грамоте. Так, на открытие Киренского училища в 1827 г., при поддержке земского исправника Петра Шевелева местные жители собрали около 1500 р. На собранные средства приобретено помещение для занятий. В 1837 г. почётный гражданин Киренска Прокопий Медведников подарил училищу два дома и 2800 р.²²³ На содержание Иркутского приходского и уездного училищ почётный смотритель,

²²² Устав учёных учреждений и учебных заведений // СЗРИ. – СПб., 1896. – Т. 11. – Ст. 3433. – Прим. 1.

²²³ Гарашенко Л. В. Киренское уездное училище. Иркипедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://irkipedia.ru> (дата обращения: 05.06.16).

надворный советник Пономарев в 1835 г. пожертвовал 6000 р. и обязался в течение десяти лет вносить по 500 р. для поощрения учащихся²²⁴.

Ачинское уездное училище было открыто и долгое время содержалось купцами П. Д. и В. П. Озеровыми²²⁵. В Верхнеудинске купец А. Д. Шевелев пожертвовал для училища дом. В Троицкосавске для строительства нового каменного здания купцы собрали 25 000 р., Нерчинское училище получало пожертвования от купцов Бутиных. В Якутии уездное училище открылось по инициативе и на средства якутского князца С. Васильева, позднее пожертвования вносила семья купца Я. Попова. Однако приведённые примеры указывают на то, что участие общественности продолжало оставаться спонтанным, пожертвования носили единовременный характер. Такое положение объяснялось отсутствием механизма реализации общественной инициативы. Существующая должность почётных смотрителей могла быть замещена только дворянами. Учитывая отсутствие в Восточной Сибири дворянского сословия, эти должности оставались вакантными.

Таким образом, в первой половине XIX в. в Восточной Сибири механизмы реализации общественного участия отсутствовали, региональные особенности Восточной Сибири препятствовали развитию института общественного представительства в сфере образования.

Реформы 1860-х гг. углубили дифференциацию системы образования. Усложнились типы начальной и средней школы, получило развитие женское образование. По источнику финансирования средние учебные заведения распределились на три группы: государственные – содержащиеся казной; приравненные к государственным – «содержимыми обществами, сословиями или частными лицами, но управляемые назначенными от правительства лицами»; частные – финансируемые

²²⁴ Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1835. – Ч. 6. – С. 116.

²²⁵ История почётного гражданства в Ачинске [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adm-achinsk.ru> (дата обращения: 31.07.16).

в полном объёме частными лицами, земствами или обществами, самостоятельно определяющие педагогический и административный состав учебного заведения²⁶.

Обратим внимание на следующий факт. Учреждения, открытые за государственный счёт либо находящиеся на софинансировании государства и общества, относились к первому разряду. Выпускники имели право льготы на военную службу, без экзаменов принимались на гражданскую службу и имели приоритет при назначении. Частные учебные заведения относились ко второму разряду и были лишены указанных преференций. Следовательно, власти, закрепляя преференции за государственными учебными заведениями, подталкивали общество на софинансирование. Совместное содержание предполагало участие общественных представителей в управлении учебными заведениями. Это стало основанием для учреждения должности почётного попечителя, который был введён в состав педагогического совета и хозяйственного комитета с правом голоса.

Почётный попечитель избирался на три года земством, обществом или сословием с обязательным утверждением в МНП. В обязанность попечителя входила забота о своевременном поступлении собранных средств и контроле расходов, об улучшении материального состояния учебного заведения; участие в составлении сметы расходов. В случае необходимости давал неофициальные рекомендации педагогическому совету или попечителю округа. Во время осуществления своих полномочий попечитель считался государственным служащим пятого класса в гимназии и шестого в прогимназии с правом ношения мундира МНП. В целом, функции почётного попечителя мужских учебных заведений сводились к финансово-хозяйственной стороне деятельности, а его замечания не имели юридической силы. Сравнивая статусы почётных блюстителей и почётных попечителей, мы не увидим существенной разницы, за исключением более детальной регламентации

²⁶ Уставы учёных и учреждений и учебных заведений // СЗРИ. – СПб., 1893. – Т. II. – Ч. I – С. 16.

полномочий попечителя. Бесспорно, ограниченные полномочия попечителя обеспечивали государственный контроль за мужским образованием. Следовательно, в системе среднего мужского образования в период реформ 1860-х гг. механизм общественного представительства не получил развития, что, на наш взгляд, является показателем нивелирования модернизационных импульсов в области среднего образования.

Применительно к Восточной Сибири появление должности почётного попечителя послужило начальной точкой в формировании института общественного представительства в сфере образования. Незначительное количество восточносибирских средних мужских заведений (три гимназии и два реальных училища) находилось на совместном содержании государства и общества, что выражалось в соотношении средств 60 и 40 % соответственно. В каждом учреждении должность почётного попечителя занимали преимущественно представители купеческого сословия. Так, в Троицкосавском реальном училище почётным попечителем в 1878 г. являлся Я. А. Немчинов, в 1884 г. – А. М. Лушников. В должности почётного попечителя Иркутской мужской гимназии состояли И. С. Хаминов в 1881 г., В. П. Сукачев в 1898 г.; Красноярской – И. Г. Гадалов в 1898 г.; в Енисейской прогимназии – А. И. Кытманов, в Якутской – С. И. Идельгин в 1881 г., Ф. В. Астраханцев в 1890 г.

Все попечители известны своей предпринимательской и общественной деятельностью. Достоверно известно об их состояниях, годовых доходах, учреждаемых компаниях, благотворительных взносах. Однако нас заинтересовал образовательный ценз, социальное происхождение и возраст. Средний возраст попечителей варьировался в рамках 50–60 лет. Из восьми попечителей конца XIX в. только четверо имели образование. А. М. Лушников обучался в Селенгинской русско-монгольской школе, рисованию учился у декабриста Бестужева. В. П. Сукачев окончил Иркутскую гимназию, Киевский и Санкт-Петербургский университеты. А. И. Кытманов – выпускник Санкт-Петербургского университета. Ф. В. Астра-

ханцев имел аттестат Якутского уездного училища. Остальные получили элементарное домашнее образование и восполняли недостающие знания житейским опытом. По своему социальному происхождению лишь В. П. Сукачев и Ф. В. Астраханцев не являлись купцами. Первый, получив наследство от своего дяди купца Трапезникова, часть наследства потратил на благотворительность. Ф. В. Астраханцев происходил из дворян, но активно занимался торговлей, состоял в первой купеческой гильдии²²⁷.

Следовательно, собирательный среднестатистический образ сибирского попечителя представлял собой состоятельного купца первой гильдии, со средним образованием, в возрасте 55 лет. Понимая значимость образования, сибирское купечество, не жалея средств, вкладывало значительные суммы в его развитие. Таким образом, купечество становится инициатором модернизационных процессов в образовании.

В контексте развития попечительства необходимо обратить внимание на Читинскую мужскую гимназию, где должность почётного попечителя долгое время оставалась вакантной. Внимание забайкальских купцов привлекали училища Нерчинска, Верхнеудинска, Троицкосавска. Чита, находясь в стороне от традиционных торговых путей, преимущественно выполняла функции военно-административного центра. Гимназия в Чите открылась поздно, в 1884 г., и находилась под патронатом губернатора и наказного атамана ЗКВ. Со строительством железной дороги Чита приобретает важное торгово-экономическое значение и становится одним из стратегически важных транспортных узлов Транссиба. Однако данное обстоятельство прошло мимо гимназии, оставив место почётного попечителя вакантным. В начале XX в. попечителем гимназии в силу служебного положения считался военный губернатор. Но данное обстоятельство носило формальный

²²⁷ Почётные граждане города Якутска. 1889–2011: библиограф. справ. сост. И. В. Уваровская // Окр. администрация гор. округа «Город Якутск», Отдел науч. и краевед. лит. Центр. гор. б-ки им. В. Г. Беллинского. – 2-е изд., перераб. и доп. Якутск: Смык-Мастер: Полиграфия, 2012. – 205 с.

характер. Следовательно, сибирское чиновничество относилось к попечительским функциям формально, наиболее ответственными в этом плане были купцы.

К концу XIX в. потребность населения в среднем образовании значительно возросла, тем не менее, количество средних учебных заведений оставалось прежним. В сложившихся условиях решение вопроса нашли в открытии параллельных классов. Устав предусматривал открытие параллельных классов, но при условии их содержания за счёт местных средств. В сложившихся условиях финансовая помощь почётных попечителей становилась ключевым источником содержания. В восточносибирских гимназиях по совокупности действовало 57 классов, из них 21 параллельный и 4 подготовительных содержались с привлечением средств попечителей. В среднем на каждую гимназию приходилось по 509 учащихся. Наиболее переполненной считалась Иркутская гимназия, где обучались 823 чел. в восьми основных и десяти параллельных классах. Как видим, за счёт дополнительных классов увеличилось число учащихся, но не решило проблему среднего образования. Статистика показывает, что одно учебное заведение приходилось на 105 923 жителей мужского пола, один учащийся на 358 мужчин²²⁸. Отказов в приёме «за неимением мест» по-прежнему было много, что обусловило появление частных учебных заведений. За первое десятилетие XX в. на фоне открытия двух государственных реальных училищ в Верхнеудинске и Нерчинске в регионе открылось четыре частных учебных заведения: две гимназии в Иркутске и два реальных училища в Канске и Нижнеудинске²²⁹. Таким образом, параллельные классы и частные учебные заведения становятся своеобразным показателем уровня потребности общества в среднем образовании. Очевидно столкновение интересов общества и государства в сфере среднего мужского образования, однако механизм регулирования этих интересов так и не был разработан.

²²⁸ ГАИО. – Ф 63 – Оп 5 – Д 13 – Л 15

²²⁹ Там же.

Несколько иная ситуация характеризовала женское образование. Для открытия женских гимназий достаточно было получить разрешение попечителя учебного округа, а в случае Восточной Сибири – генерал-губернатора, что не представляло особой сложности при наличии общественных средств на содержание последней.

Общественность в женских гимназиях представляли почётная попечительница и попечительские советы. Попечительский совет избирал из числа почётных лиц города почётную попечительницу, которая имела возможность своим влиянием оказать содействие в развитии материальной базы учебного заведения. Полномочия попечительницы не отличались от таковых в мужских гимназиях. Попечительница утверждалась в должности министром народного просвещения. в Восточной Сибири – генерал-губернатором. Обычно на эту должность избирали жён купцов или губернаторов. В 1896 г. почётной попечительницей в Читинской женской гимназии избрана Мария Платоновна Мацевская, жена губернатора. в Верхнеудинске – Елизавета Ивановна Кукель (Голдобина), в Нерчинске – Капитолина Андреевна Бутина²³⁰. В архивных материалах сохранились сведения о пожертвовании попечительниц, ежегодные суммы варьировались от 500 до 700 р.²³¹ Кроме ежегодных взносов попечительницы вносили крупные единовременные взносы. Так, для открытия Красноярской гимназии А. Ф. Кузнецова внесла 12 000 р., Т. И. Щеголева – 4000 р.²³²

Попечительские советы создавались с целью «ближайшего содействия успешному, со стороны общества, развитию гимназии или прогимназии»²³³. Совет избирался сословиями или обществами на три года. Избранные члены утверждались попечителем учебного округа или губернатором. Постоянны-

²³⁰ ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 6. – Д. 1. – Л. 69.

²³¹ Там же. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 41.

²³² Женская гимназия [Электронный ресурс]. – Режим доступа. <http://www.krasplace.ru/zhenskaya-gimnaziya> (дата обращения. 06.05.2016).

²³³ Уставы учёных учреждений и учебных заведений // СЗРН. – СПб., 1893. – Т. 11. – Ч. 1. – С. 16.

ми членами совета являлись начальница женской гимназии или прогимназии, директор или инспектор мужского учебного заведения. В случае отсутствия средних мужских учебных заведений в состав совета женской гимназии входил штатный смотритель уездных училищ или инспектор городских начальных училищ. В лице стороннего представителя учебным заведением обеспечивалось присутствие государства в общественном органе управления.

Сформированный совет избирал из своих членов председателя, начальницу гимназии, составлял сметы расходов, определял жалование преподавателям, размер платы за обучение, освобождал от оплаты и определял пособие нуждающихся учениц. Любопытным представляется положение, изложенное в 21-й статье Устава женских гимназий и прогимназий. Согласно положению, попечительский совет наделялся правом обращения к педагогическому совету по вопросам, касающимся учебной и воспитательной части. Данное обстоятельство существенно расширяет полномочия попечителей, допуская их в учебную сферу, которая до этого момента оставалась прерогативой государства. Заметим, что попечители мужских гимназий подобного права не имели, как и не имели возможности влиять на кадровые назначения.

Сохранившиеся штатные расписания женских гимназий позволяют отчасти охарактеризовать попечительские советы. По данным на 1881 г. в состав совета входило не более десяти человек, включая обязательных членов. По социальному происхождению члены совета представляли чиновничество, мещанское и купеческое сословие с небольшим преимуществом в пользу последних. При сопоставлении личных данных было выявлено, что большинство купцов представляли вторую гильдию и не имели образования. В частности, в Красноярской гимназии все купцы, члены совета, были без образования. Чиновники и мещане имели аттестаты учебных заведений Европейской России²⁴. К 1915 г. при сохранении социального состава ситуация с образовательным цензом меняется в сторону

²⁴ Памятная книжка (вторая) Восточно-Сибирского учебного округа под ред. Ю. А. Делеско – Иркутск, 1881 – 347 с.

повышения уровня грамотности. Так, в Троицкосавской женской гимназии из восьми членов попечительского совета все имели оконченное начальное образование, полученное в местных учебных заведениях. Подобная ситуация была характерна для всех женских гимназий. Среди членов попечительского совета достаточно часто встречаются кавалеры орденов. Все в той же Троицкосавской гимназии семеро попечителей имели ордена св. Станислава, Анны и Владимира, медали «За усердие», свидетельствующие о добросовестном и продолжительном выполнении обязанностей попечителей²³⁵.

Награждение со стороны государства можно оценить по-разному. С одной стороны, награда полагалась за долгую и беспорочную службу, что в нашем случае говорит о стабильности состава попечительского совета, о приобретённом опыте и об ответственности. С другой стороны, получение наград от государства означает признание заслуг награждаемого и, как следствие, повышение социального статуса и общественное признание. Якутский историк В. Ф. Афанасьев отмечал, что попечители и благотворители вносили деньги, в том числе и в ожидании наград или хорошего отношения местной власти. «Красный жалаванный кафтан является затаённой или даже затаённой мечтой каждого богатого якута. Получив его, он сразу вырастает на целый аршин в собственных глазах. Ради этого кафтана он готов на всевозможные жертвы»²³⁶. Следует согласиться с мнением автора, получение наград могло быть мотивом в деятельности попечителей. В таком случае необходимо отметить позицию государства в этом вопросе. Вводя комплекс наград и поощрений, государство содействовало расширению общественного участия, то есть вопреки устоявшемуся мнению было заинтересовано в развитии данного института. Однако отметим, что награждённые попечители представляли советы женских гимназий, где государственные интересы были слабо выражены.

²³⁵ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 641. – Л. 32.

²³⁶ Афанасьев В. Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. – Якутск, 1966. – С. 132.

После революционных событий 1905 г. общественное участие в области образования выходит за рамки благотворительности и начинает принимать более четкие организационно-правовые формы. Наряду с попечительскими советами формируются родительские комитеты. 16 ноября 1905 г. Совет министров принимает постановление о разрешении деятельности родительских комитетов в средней школе. Правила организации и деятельности комитетов были разработаны МНП и введены в действие циркуляром от 5 августа 1906 г.²³⁷ Родительские комитеты открылись в женских гимназиях Красноярска, Иркутска, Читы. В первые годы деятельности родительских комитетов их деятельность не имела четкой регламентации. Председатель родительского комитета Читинской гимназии Е. Войта отмечала: «Родительский комитет в своей деятельности не раз становился в затруднительное положение, не зная точных границ своих функций, за отсутствием устава или циркуляров, которые могли бы служить руководящим началом»²³⁸. Комитеты занимались организацией бесплатных горячих завтраков для учеников, покупкой учебных принадлежностей и т. п.²³⁹ Тем не менее, задел был положен, и в 1916 г. министр народного просвещения И. П. Игнатьев подписал Положение о родительских организациях в средней школе. Основной целью родительских комитетов определялось «сближение семьи и школы для совместной работы в деле воспитания и обучения детей и попечении о материальных нуждах учащихся»²⁴⁰. Председатель, его заместители и члены родительского комитета избирались на общем собрании из числа «русских подданных христианского вероисповедания, получивших образование не ниже среднего»²⁴¹. Главный инспектор училищ утверждал избранных в должности. Полномочия комитета определялись общими вопросами

²³⁷ Циркуляр по восточносибирским учебным заведениям Министерства народного просвещения за 1906 г. – Иркутск. 1906 – № 9–10

²³⁸ ГАЗК. – Ф. 74. – Оп. 1. – Д. 45. – Л. 21.

²³⁹ Там же. – Л. 115–117.

²⁴⁰ Там же.

²⁴¹ Там же.

учебно-воспитательного плана, хозяйственной и санитарной части, контролем за сбором и расходом средств, помощи нуждающимся ученикам. Представители комитета получили право присутствовать на занятиях и экзаменах. Допуск родительского комитета в учебную сферу оказал влияние на формирование штатного состава учебных заведений. В частности, уже в ноябре 1916 г. родители II Читинской женской гимназии добились отставки непопулярного преподавателя математики С. Г. Соболева²⁴². Родительские комитеты сохранялись в гимназиях до 1918 г.

Резюмируя сказанное, отметим, что в сфере среднего образования институтами общественного представительства становятся почётные попечители, попечительские советы и родительские комитеты. Общественные институты в мужском образовании контролировались государством и не получили должного развития. Для женского образования характерен общественный приоритет. Именно в женских гимназиях происходит становление общественной модели управления. В 1917 г. в Восточной Сибири при общественном участии действовало тринадцать государственных женских гимназий, что в четыре раза превышало количество мужских²⁴³.

Общественное участие в области начальной школы осуществлялось посредством должностей почётных смотрителей и блюстителей. Реформы 1860-х гг. вводят дополнительный механизм в виде училищных советов. Училищные советы формировались из представителей государственных и земских органов, возглавлялись предводителями дворянства. Все вопросы по организации и деятельности начальной школы решались на заседаниях совета. В Европейской России училищные советы открывались на уровне уездов и губерний. На Азиатскую часть положение реформ не распространялось.

Как ранее говорилось, в Восточной Сибири в 1871 г. должность почётного смотрителя заменили должностью блюстителя, что позволило расширить социальную базу потенциаль-

²⁴² ГАЗК. – Ф. 74. – Оп. 1. – Д. 45. – Л. 71.

²⁴³ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 5. – Д. 13. – Л. 15

ных благотворителей. В 1884 г. главный инспектор народных училищ установил размеры обязательного ежегодного взноса блюстителей. Купцы вносили по 50 р. мещане и крестьяне – по 25 р.²⁴⁴ Обязательство материального обеспечения училищ, несмотря на государственные преференции, ограничивало число блюстителей и нередко приводило к отказам от должности. Так, в 1890-х гг. из девяти уездных училищ Восточной Сибири только четыре сохранили эту должность. В Иркутске её занимал Гавриил Федорович Шимелов, в Ачинске – Александр Иванович Никифоров, в Троицкосавске – Михаил Онуфриевич Осокин, в Нерчинске – Александр Иванович Зимин²⁴⁵.

Однако, несмотря на то, что добровольное обязательство перешло в фиксированную обязанность, институт блюстителей сохранялся и в начале XX в. В 1914 г. в Якутской области из 41 полученного отчёта о начальных училищах в 25 указаны почётные блюстители. Учитель Чурапчинского двухклассного начального училища отмечал заботливое отношение блюстителя, установившего в школе за свой счёт голландские печи²⁴⁶.

В Забайкальской области в четвёртом инспекторском районе в 1915 г. в 45 училищах состояли в штате 23 блюстителя. На средства блюстителей закупались книги, подарки для выпускников, устраивались праздники, производился ремонт помещений. Так, блюститель Усть-Кяхтинского двухклассного приходского училища купец 2-й гильдии Николай Данилович Смолев потратил на ремонт школы 900 р., крестьянин Николай Борисович Соснин пожертвовал 1000 р. на постройку здания Выезжевского приходского училища. Однако из отчёта инспектора видно, что не все блюстители относились к своим обязанностям добросовестно, в ряде училищ помощь зачастую была единовременной, а в восьми существовали задолженности по обязательным взносам. Например, в Мензинском

²⁴⁴ ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 3.

²⁴⁵ Памятная книжка (вторая) Восточно-Сибирского учебного округа / под ред. Ю. А. Делеско. – Иркутск, 1881. – 347 с.

²⁴⁶ НАРС(Я). – Ф. 288-н. – Оп. 1. – Д. 547. – Л. 99.

двухклассном училище задолженность составила 300 р.²⁴⁷ То есть в течение 12 лет взносы не поступали. Инспектор третьего района отмечал, что блюстители к своим обязанностям относились равнодушно. В 1915 г. «блюстительского взноса поступило всего 430 руб. За блюстителями, состоявшими в этом звании, в настоящее время числится долгу 930 руб., а за бывшими блюстителями 422»²⁴⁸.

Данные примеры наглядно иллюстрируют неоднозначное отношение блюстителей к своим обязанностям. Тем не менее, следует отметить, что к 1915 г. социальный состав блюстителей становится более демократичным, блюстителями становились не только купцы, но и крестьяне, мещане, почётные граждане.

В 1875 г. Инструкция о начальных училищах ввела в систему образования одно- и двухклассные начальные училища. В училищах избирались попечители, которые могли участвовать в заседаниях училищного совета с правом голоса. Более того, «...заведывая делами вверенных им учебных заведений, входят в соглашения по оным с инспектором народных училищ и вполне ответственны за порядок в сих заведениях», что, по сути, передавало управление начальными училищами в руки общества²⁴⁹. Однако на деле выяснился декларативный характер нормы. Пределы и механизм «заведывания» не были определены, что вновь сводило полномочия попечителей лишь к финансовой стороне вопроса. В 1904 г. якутский инспектор народных училищ Огородников попытался восполнить данный пробел, взяв за основу проект Бежетского уездного училищного совета Тверской области. Попытка инспектора вызвала недовольство начальства, и проект остался на бумаге²⁵⁰.

В 1907 г. введено в действие Положение о попечительствах при начальных училищах и в 1912 г. — Положение о выс-

²⁴⁷ ГАЗК. — Ф. 4. — Оп. 3. — Д. 13. — Л. 230.

²⁴⁸ Там же. — Л. 86.

²⁴⁹ Положение о начальных училищах 1874 г. / сост. Н. А. Желваков, под ред. С. А. Каменева // Хрестоматия по истории педагогики. — М.: Народное образование, 1936. — 516 с.

²⁵⁰ НАРС(Я). — Ф. 288-и. — Оп. 1. — Д. 58. — Л. 13—14.

ших начальных училищах, детально прописывало принципы формирования и компетенция попечительских советов. За основу была взята модель советов при женских гимназиях. К сожалению, в Восточной Сибири положения не были реализованы в полной мере из-за затянувшегося на несколько лет процесса реорганизации городских училищ в начальные, а начавшаяся Первая мировая война привела к изменению общественного настроения.

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на противоречивое отношение бюстителей к должностным обязанностям, на протяжении XIX в. в области начального образования устойчиво сохранялся этот институт как единственная форма общественного участия в данной сфере. Пусть не у каждого начального училища был бюститель, тем не менее, их деятельность способствовала улучшению материальной базы. Внимание к образованию состоятельных и уважаемых граждан оказывало влияние на престижность образования и широкое распространение.

Всплеск общественного интереса к проблемам образования выразился в создании различных благотворительных обществ в конце XIX в. Первоначально общества носили «добровольно-принудительный» характер и возникали по рекомендации высших инстанций, где по роду службы чиновники обязывались быть почётными членами.

Общества имели чёткую организационную структуру, представленную распорядительным и ревизионным комитетами. Статус члена – почётный, действительный и благотворитель определялся суммой взноса. Благотворители вносили ежегодно до 20 р.; действительные члены, кроме взноса, участвовали в управлении делами общества; почётные попечители вносили крупные суммы и, как правило, являлись должностными лицами. Распорядительный комитет избирался на три года, курировал сбор средств и привлечение в работу общества новых представителей: составление сметы и контроль за расходами благотворительных сумм. Для пополнения кассы распорядительный комитет с разрешения полиции организо-

ывал концерты, литературные вечера, ярмарки, сборы с которых предназначались для оказания помощи нуждающимся ученикам. К проведению публичных сборов и лотерей с предварительного согласия властей допускались общества со сроком работы не менее трёх лет.

Общества состояли в ведении Министерства внутренних дел. Общие собрания членов проводились с разрешения полиции в присутствии помощника пристава. Распорядительный комитет ежегодно отчитывался перед Министерством, также отчёты отправлялись в Министерство народного просвещения и публиковались в центральном журнале «Вестник благотворительности» и региональных изданиях. Обязательная публикация позволяла контролировать расход средств, делая работу общества прозрачной и открытой. С другой стороны, отчёты позволяли правительству корректировать деятельность обществ, пресекая, по мнению властей, опасные виды деятельности. Поэтому большинство обществ конца XIX в. ограничивались лишь материальной помощью нуждающимся учащимся или учителям.

К концу XIX в. в Восточной Сибири действовали Общество для оказания пособий учащимся Восточной Сибири (1875 г.), Общество содействия учащимся в Санкт-Петербурге сибирякам (1881 г.), Общество содействия учащимся в Москве сибирякам (1884 г.). В их деятельности активно принимали участие купцы и мещане – А. М. Лушников, А. Д. Старцев, Е. И. Голдобин, А. Ф. Второв, В. П. Сукачев, Н. Д. Бутин, М. Д. Бутин, Н. П. Колобовников и др.²⁵¹

Взросший интерес к образованию, выразившийся в деятельном содействии общества, требовал правового оформления. 27 ноября 1897 г. министром внутренних дел был утверждён типовой устав общества вспомоществования нуждающимся учащимся. Определялся состав, сроки полномочий, компетенция попечительских советов. Власти, расширяя сферу общественного участия в народном просвещении, тем

²⁵¹ Нагайцева Н. Д. Благотворительность в Забайкалье в XIX в. ист. аспект автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Улан-Удэ, 2000. – С. 19

не менее, сохраняли механизм контроля. Так, в 20-м параграфе типового устава содержалось требование об утверждении состава правления общества в Министерстве народного просвещения. Очевидно, что данное требование забюрократичивало учредительную процедуру, увеличивало сроки утверждения уставов, особенно на отдалённых окраинах империи. Так, для утверждения устава и состава правления в 1899 г. члены общества вспомоществования нуждающимся учащимся Читинским мужской и женским гимназиям первоначально обратились к военному губернатору Забайкальской области, затем к Приамурскому генерал-губернатору, который как попечитель учебных заведений обратился с ходатайством в МНП²². Но, несмотря на длительную процедуру согласования, население откликнулось созданием многочисленных обществ, которые стали появляться в губерниях и областях. К началу XX в. действовали Общество распространения народного образования и развлечений в Иркутской губернии, Общество взаимной помощи учащимся и учившим в Иркутской губернии, Общество вспомоществования учащимся Енисейской губернии, Общество вспомоществования учащимся Забайкальской области, Общество попечения о начальном образовании в Нерчинске и т. д.

В 1900 г. МНП разрешило утверждать состав правления общества генерал-губернаторам, что упростило процедуру согласования и способствовало росту общественной активности. В 1902 г. открылось общество в г. Верхнеудинске, в состав правления которого входили учитель городского училища Громеко, учительница женской прогимназии Железникова. В 1903 г. по инициативе почётного блюстителя Удинского двухклассного начального училища Никифора Петровича Морозова при содействии директора училищ П. Н. Рябинина образовано общество вспомоществования учащимся в Унде. Почётными членами избрали инспектора училищ Василия Захаровича Харчевникова и крестьянина Ивана Ивановича Соболева, в общество входило 18 чел., к 01.01.1904 г. количество

²² ГАНО. – Ф. 63. – Оп. 6 – Д. 42 – Л. 4

членов увеличилось до 34 чел. В 1906 г. общество продолжало деятельность в составе 19 чел., из них два члена-соревнователя. Средства общества формировались из членских взносов по 2 р. в год и пожертвований. Первоначально собрано 218 р., из них 50 р. внесены в банк как неприкосновенный капитал. В первый год потратили 67 р. на публикацию устава, формирование библиотеки, канцелярские принадлежности, 8 р. выделено непосредственно на оказание помощи учащимся. Оставшиеся средства в размере 150 р. внесены в банк. В 1906 г. в кассу поступило 84 р., общий капитал общества составил 204 р.²⁵³ К сожалению, дальнейшую судьбу общества проследить не удалось. Однако пример Ундинского общества показателен. Только при осознании общественностью значимости и престижности образования становится возможен процесс сознательного вовлечения широкой общественности в сферу образования и как участника, и как организатора. Появление Ундинского общества является показателем начала модернизационных процессов на селе.

В целом, организация обществ становится распространённой формой общественного представительства в сфере образования в начале XX в. Процесс создания различных обществ для оказания помощи учащимся и учителям распространился повсеместно от губернских центров до удалённых сел, носил спонтанный характер.

На протяжении XIX столетия помимо публичных должностей и обществ сохранялась и продолжала развиваться благотворительность. В конце XIX в. доля частного капитала в области образования существенно возрастает. Возникает ряд начальных школ, содержащихся на частные средства. В Иркутске действовали начальные училища Н. В. Сукачевой, А. М. Кладишевой, Л. Н. Родионова, гимназия И. С. Хаминова, в Чите – женская гимназия Цимбал-Миклашевской, в Енисейске – частная школа им. А. С. Баландина с капиталом в 52 тыс. р. При участии Общества попечения о народном образовании в Нерчинске открыто приходское училище, вос-

²⁵³ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 6. – Д. 42. – Л. 11.

кресная школа²⁵⁴. Якутская гимназия открылась при активном участии местного купечества. В Национальном архиве Якутии сохранилось письмо купцов губернатору с детальным описанием обязательств: «...мы жертвуем именно на учреждение здесь реальной прогимназии, пока будем стоять в гильдиях, но не далее, как в продолжение 10 лет и наследников тех, которые умрут до этого срока без согласия самих тех наследников, с тем, однако ж, чтобы которые умрут до этого срока без согласия самих тех деньги вносимые нами на это не были обращаемые на др. употребление»²⁵⁵. На протяжении 10 лет купцы ежегодно вносили 330 р.

В рамках частной благотворительности нельзя не отметить завещание М. Д. Бутина, составленного в Иркутске в 1904 г. Обращает внимание тот факт, что М. Д. Бутин все вырученные деньги от продажи приисков, Нерчинский дворец с обстановкой, зеркалами и коллекцией картин завещал ещё не открытому реальному училищу. Вопрос об открытии находился в 1903 г. на стадии обсуждения в МНП, решение было принято лишь в 1906 г. Открытие завещания в 1907 г. разрешило все спорные вопросы и обеспечило стабильную материальную базу училищу²⁵⁶.

Частное меценатство промышленников и купцов отличалось продуманным, заинтересованным отношением к делу и уверенностью в полезности начатого предприятия. Для некоторых сибирских купеческих семей благотворительность становилась традиционной.

Помимо средств на организацию и содержание учебных заведений определённая часть капиталов расходовалась на содержание учащихся. В каждом учебном заведении существовали стипендиаты купцов, почётных граждан, инородческих степных дум, государственных учреждений. Чаще всего имен-

²⁵⁴ Куломзин А. Н. Потребности начального образования в Сибири. всеподданнейший доклад статс-секретаря Куломзина по поездкам в Сибирь 1896–1897 гг. – СПб.: Гос. тип., 1898 – С. 123–133.

²⁵⁵ Павлов А. А. Профессиональные и средние школы Якутии (XVIII – начало XX в.). – Якутск: Бичик, 2013. – С. 155.

²⁵⁶ ГАИО. – Ф. 63 – Оп. 1 – Д. 88 – Л. 161.

ные частные стипендиальные фонды создавались в гимназиях и реальных училищах. Стипендии были годовыми и единовременными. Сумма годовой стипендии составляла от 100 до 300 р. в год и выплачивалась ежемесячно; размер единовременной – 25–30 р. Стипендии выплачивались учащимся, имеющим высокие оценки и примерное поведение. Кроме этого, каждый учащийся имел право подать прошение на получение пособия, которое рассматривал распорядительный комитет благотворительного общества. Нуждающимся ученикам выплачивали денежные пособия, снабжали тёплой одеждой, учебными принадлежностями.

Так, в Красноярской гимназии были учреждены стипендии имени почётного гражданина И. С. Щеголева, Молотилина, в Иркутской – стипендии генерал-губернаторов П. А. Фредерикса, П. А. Сиверса; в Читинской – стипендии имени супругов Ильяшевич, генерал-губернатора А. Н. Корфа, военного губернатора И. К. Педашенко. Кроме того, в Иркутской гимназии существовала стипендия А. В. Пономарева для продолжения образования иркутских гимназистов в вузе²⁵⁷. В Троицкосавском реальном училище выплачивались стипендии имени генерал-губернатора П. А. Фредерикса, купца первой гильдии П. Г. Абрамова, коллежского советника А. К. Трапезникова²⁵⁸. В Якутском – имени генерал-губернаторов В. С. Синельникова, А. И. Пантелеева, П. С. Вановского, купца Маркова²⁵⁹. В 1884 г. станичными и сотенными обществами Забайкальского казачьего войска было собрано 26 000 р для учреждения четырёх стипендий имени Великого князя Алексея Александровича²⁶⁰.

Подводя итог, отметим, что в Восточной Сибири процесс становления институтов общественного представительства в сфере образования начинается намного позднее, чем в Европейской России, в связи с особенностями социального развития региона. Лишь ко второму десятилетию XX в. сформирова-

²⁵⁷ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 203. – Д. 3077. – Л. 8.

²⁵⁸ Там же. – Д. 3073. – Л. 12.

²⁵⁹ Там же. – Оп. 204. – Д. 274. – Л. 27.

²⁶⁰ Журнал Министерства народного просвещения – СПб., 1884. – Ч. 233. – 787 с.

ровались устойчивые связи школы, общества и государства. Институтами общественного представительства становятся публичные должности попечителей и блюстителей, попечительские советы, родительские комитеты, благотворительные общества. Сложная дифференцированная система образования повлияла на формирование целостной модели института общественного представительства. Модернизационные процессы коснулись начальной школы поздно, где так и не сформировался институт общественного представительства. Инициаторами развития среднего образования выступало купеческое сословие, раньше других попавшее под воздействие модернизационных процессов. Однако ведущая роль государства в области среднего мужского образования препятствовала общественному участию. Совершенно иная ситуация сложилась в средней женской школе. Минимальное государственное присутствие обусловило бурное развитие институтов общественного представительства. Именно в области женского образования модернизационные процессы наиболее заметны. В женских гимназиях общественное участие выходит за рамки хозяйственно-распорядительной деятельности, получая доступ к вопросам организации учебного процесса. В контексте развития женского образования происходит зарождение общественной модели управления, представленной попечительскими советами и родительскими комитетами. Развитие частной и общественной благотворительности свидетельствует о заинтересованности и потенциале общественного участия, требующего эффективного механизма реализации. В целом, становление институтов общественного представительства в системе образования в значительной степени зависело от глубины воздействия модернизационных импульсов на социально-экономическое развитие региона.

Глава 2. Модернизация системы общего образования

2.1. Развитие начальной школы в контексте геополитических особенностей региона

Становление организационной основы системы образования проходило в русле преобразований начала XIX в. До этого момента единых принципов организации и деятельности системы, как и собственно, её самой, не существовало. Реформы Александра I заложили основу системы в соответствии с принципами всеобщности и преемственности. Новая система представляла собой совокупность учреждений начального, среднего и высшего образования, осуществляемого посредством приходских и уездных училищ, губернских гимназий и университетов. К начальному образованию относились приходские и уездные училища.

Приходские училища являлись первой ступенью начального образования, формировали навыки элементарной грамотности и религиозного воспитания, имея при этом двоякую цель. С одной стороны, они осуществляли подготовку к поступлению в уездные училища, с другой – доставляли «сведения, ... о явлениях природы» и истребляли «суеверия и предрассудки»²⁶¹. Исходя из цели, очевидно, что образование как таковое не являлось приоритетным. В программу включались: чтение, письмо, первые действия арифметики, Закон Божий, а также «...объяснительное чтение книги «Краткое наставление о сельском домоводстве, произведениях природы, сложении человеческого тела и вообще о средствах к предохранению здоровья»²⁶². Училища открывались исключительно по инициативе и на средства местного населения в сёлах и горо-

²⁶¹ Устав учебных заведений, подведомственных университетам сост П А Лебедев // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в (до реформ 60-х гг.). – М.: Педагогика, 1987. – 560 с.

²⁶² Уставы учёных учреждений и учебных заведений // СЗРИ – СПб., 1893 – Т. 11. – Ч. 1. – 583 с.

дах без ограничения. К обучению допускались все дети без исключения. В случае большого числа учащихся разрешалось открытие второго отделения. В каждом отделении недельная продолжительность обучения составляла девять часов. В первом отделении изучали основы чтения, счёта и письма, во втором осваивали полученные знания.

Учителя приходских училищ утверждались в должности университетом после прохождения своеобразной аттестации в уездных училищах или гимназиях. В своей деятельности учитель опирался на правила, размещённые в «Руководстве учителям первого и второго классов народных училищ Российской империи», составленными И. Ф. Янкович де Мириево ещё в 1783 г.²⁶³ Жалование учителю устанавливалось и выплачивалось учредителем приходского училища, что полностью освобождало государство от финансовых вложений.

Государство не предъявляло высоких требований к приходским училищам. Организационная и содержательная сторона отличались простотой и примитивностью. Полученные навыки без продолжения обучения и практического применения быстро забывались. Широкого распространения приходские училища в первой четверти XIX в. не получили. В Восточной Сибири за 30 лет открылось всего 12 приходских училищ²⁶⁴.

Уездные училища представляли собой вторую ступень образовательной системы. Они возникали на базе малых народных училищ, созданных ещё по указу Екатерины II, либо учреждались вновь в каждом губернском и уездном городе. Учредителем училищ выступало государство, содержание обеспечивало казначейство. Уездные училища осуществляли подготовку для поступления в гимназию и обучали «необходимым познаниям». Двухгодичная учебная программа в соответствии с 95-й статьей Устава была рассчитана на 28 часов в неделю: «...каждый день от 9 до 12 часов до полудни, пополудни же по понедельникам и четвергам от 2 до 5, а по втор-

²⁶³ Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. (до реформ 60-х гг.) / сост. П. А. Лебедев – М. Педагогика, 1987 – 560 с.

²⁶⁴ Журнал Министерства народного просвещения – СПб., 1835 – ч. 6 – с. 114.

никам и пятницам от 2 до 4 часов; сверх того, по средам и субботам от 2 до 4 пополудни обучаются рисованию оба класса вместе»²⁶⁵. Учащиеся изучали: Закон Божий, священную историю, книгу «О должностях человека и гражданина», русский язык, чистописание, арифметику, начальные сведения по геометрии, физике и естественной истории, рисование, правописание, правила слога, всеобщую географию и географию Российского государства, отечественную и всеобщую историю и «Начальные правила технологии, имеющие отношение к местному положению и промышленности».²⁶⁶ Желающие продолжить обучение в гимназии дополнительно изучали латинский и немецкий языки. Программа уездного училища завершала начальное образование.

Два штатных учителя училища, утверждённые в должности университетом, считались состоящими на государственной службе в XII чине. Профессиональные требования к учителям в Правилах не закреплялись. К обучению допускались дети, окончившие приходское училище, либо с домашним образованием, равным по объёму последнему. Выпускники получали аттестат об окончании училища. Власти видели в училищах своеобразную «кузницу кадров» для мелких государственных должностей. Выпускники получили право на присвоение первого классного чина. В свете сказанного отметим, что организационная основа уездных училищ отличалась повышенными требованиями властей и придавала им определённый государственный статус.

В манифесте от 13 июля 1826 г. причиной восстания декабристов власти объявили «...недостаток твёрдых знаний...» и, как следствие, вся учебная система признавалась ложной²⁶⁷. Учебные программы подверглись пересмотру и сокращению, преемственность была упразднена. Каждое учебное заведение стало самостоятельным типом.

²⁶⁵ Устав учебных заведений, подведомственных университетам / сост. П. А. Лебедев // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. (до реформ 60-х гг.). – М.: Педагогика, 1987. – 560 с.

²⁶⁶ Там же.

²⁶⁷ Высочайший манифест 13 июля 1826 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.claw.ru> (дата обращения: 20.06.2016).

Приходские училища, направленные на обучение крестьянских детей, претерпели незначительные изменения. Целью их учебной программы обозначалось: «распространение первоначальных, более или менее всякому нужных сведений между людьми и самых нижних состояний»²⁶⁸. Продолжительность учебных занятий увеличилась с 9 до 12 часов в неделю при сохранении сроков обучения. Занятия начинались и оканчивались молитвой. Мальчиков принимали с восьми, девочек – не старше одиннадцати лет. В зависимости от интересов сельского общества разрешалось открытие второго класса для изучения некоторых предметов из программы первых классов уездного училища. Нововведением стало закрепление наказаний для учеников в форме выговоров, замечаний, оставления в классе, допускались и телесные наказания. Учителя обязывались наблюдать за поведением учащихся и за пределами школы. Проведённые преобразования превратили приходские училища в тупиковый тип учебного заведения с примитивной учебной программой, отягощённой религиозно-нравственным содержанием.

С 1828 г. открытие уездного училища стало возможным с разрешения министра народного просвещения. Срок обучения увеличивается до трёх лет, но при этом дисциплины изучались в сокращённом варианте. В учебную программу входили: Закон Божий, священная и церковная история, русский язык, арифметика, геометрия в сокращении без доказательств, география, сокращённый курс отечественной и всеобщей истории, чистописание, черчение и рисование. Изучение латинского и немецкого языков запретили, уничтожив преемственность училища и гимназии. С разрешения МНП в училищах открывались дополнительные курсы для обучения «тем наукам и искусствам, коих знание наиболее способствует успехам в оборотах торговли и в трудах промышленности»²⁶⁹. Курсы

²⁶⁸ Уставы учёных учреждений и учебных заведений. СЗРК. – СПб., 1893. – Т. 11. – Ч. 1. – С. 495

²⁶⁹ Устав учебных заведений, подведомственных университетам. сост. П. А. Лебедев // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. (до реформ 60-х гг.). – М. Педагогика, 1987. – 560 с.

вводились в рамках изучения правоведения и судопроизводства в области торговли; экономики и бухгалтерии; технологии строительства и архитектуры; сельского хозяйства и садоводства. Государство, таким образом, стремилось придать начальному образованию практическую направленность. На протяжении XIX столетия цель и учебная программа уездных училищ оставалась неизменной.

Произошли изменения и в штатном составе. Количество учителей увеличили до пяти преподавателей наук и дополнительных дисциплин. В училище принимались учителя с гимназическим образованием и со свидетельством о беспорочном поведении. Изменились и требования к учащимся. С 1828 г. к обучению допускали только мальчиков из городских сословий со знанием элементарных правил арифметики, умевших читать и писать. Выпускникам сохранили преимущество при поступлении на гражданскую службу. С введением обязательного образования для соискателей государственной гражданской службы в 1809 г. свидетельство об окончании уездного училища становится обязательным условием для прохождения таковой.

Первые приходские училища в Восточной Сибири открылись в 1804 г. в Балаганске и в 1806 г. – в Онинске, Верхнеудинске²⁷⁰. Заметим, что первые училища были открыты для изучения русского и монгольского языков. К сожалению, архивных материалов о деятельности училищ начала XIX в. фактически не сохранилось. Известны лишь некоторые сведения об Онинском приходском училище. Училище содержалось на средства хоринских бурят. В первые годы численность класса составляла 20 учащихся, позднее количество сократили до 14 чел., по одному от каждого хоринского рода. Количество выпускников училища составляло от двух до семи. С 1820 по 1836 гг. училище окончил 21 учащийся. По данным Д. Юндуновой, в годы советской власти Онинское училище было переимено-

²⁷⁰ Андреев В. И. Хоринская средняя школа. – Иркутск, 1958. – 54 с.

вано в Хоринское, позднее преобразовано в среднюю школу и существует до сих пор. В 2006 г. школа признана лучшей в рамках нацпроекта «Образование»²⁷¹.

В целом, увеличение числа приходских училищ проходило крайне медленно. Судьба Онинского училища уникальна, в большинстве случаев училища, едва открывшись, прекращали деятельность. Преобладание натурального хозяйства, слабый уровень капиталистического развития ставили под сомнение необходимость распространения начальных училищ. Не имея возможности практической реализации образования, крестьяне воспринимали школьные повинности как дополнительные поборы и голосовали против открытия школ. Несмотря на короткий учебный год, родители зачастую забирали детей из школы для подсобных работ. В Якутии количество учеников равнялось количеству наслогов, откуда по распоряжению исправников отправлялись дети из беднейших семей или сироты, лишённые возможности вернуться домой²⁷².

Уездные училища в первой половине XIX в. являлись основным элементом начальной школы и связующим звеном с гимназией. В период с 1804 по 1825 гг. по разным источникам в России действовало более 410 уездных училищ. В Восточной Сибири первое училище открылось в Иркутске в 1805 г., затем в Верхнеудинске (1806 г.), Якутске (1808 г.), Троицкосавске (1812 г.), Нижнеудинске (1817 г.), Енисейске (1818 г.), Красноярске (1819 г.), Киренске (1827 г.), Нерчинске (1828 г.), Ачинске (1832 г.)²⁷³. Устав предписывал открытие училищ во всех губернских, уездных городах и по мере надобности в иных местах, в Восточной Сибири из 22 уездных и четырёх губернских городов училища были открыты лишь в десяти. После 1832 г. процесс открытия прекратился совсем.

²⁷¹ Юндунова Д. Второе в Сибири сельское приходское училище [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.zabaykal.net> (дата обращения 27.05.2016).

²⁷² Афанасьев В. Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. – Якутск: Якуткнигоиздат, 1966. – С. 130.

²⁷³ Памятная книжка (вторая) Восточно-Сибирского учебного округа, составленная по сведениям к 1-му января 1881 г. под ред. Ю. А. Делеско. – Иркутск: Тип. Восточно-Сибирского военного округа, 1881. – 347 с.

Краткий обзор состояния начальной школы в Восточной Сибири в первой половине XIX в. позволяет говорить о зарождении системы образования. Представленная уездными и приходскими училищами, она не отличалась от системы европейской России, за исключением одного. Геополитическое положение Восточной Сибири предопределило прочные торговые связи с Монголией и Китаем. Потребность в грамотных специалистах обусловила заинтересованность купеческого сословия в развитии образования, а региональная специфика наложила отпечаток на учебные программы училищ. Однако количество учебных заведений было минимальным, их продуктивность сводилась к нулю. На развитие образования негативным образом влиял низкий уровень социально-экономического развития региона, бедность населения, ограниченная область практического применения полученного образования.

Кардинальные перемены произошли в середине XIX в. Проводимые в стране широкомасштабные социально-экономические реформы повлекли изменения во всех сферах жизни общества. Модернизация социально-экономической сферы привела к увеличению числа городского населения и формированию буржуазных элементов на селе. В обществе происходит осознание значимости образования. Втягиваясь в предпринимательскую деятельность, население, особенно в городе, остро ощутило недостаток образовательных заведений. Вызванная к жизни модернизационными импульсами потребность в образовании как государства, так и общества в скором времени нашла отражение на системе в целом. Изменения затронули систему управления, кадровую подготовку учителей, правовую базу.

Анализируя статистические данные, мы видим, что число приходских начальных училищ в Восточной Сибири увеличилось в три раза с 71 в 1867 г. до 196 в 1880 г., что свидетельствует о формировании благоприятных условий для развития начального образования²⁷⁴. Невысокие требования к учителю,

²⁷⁴ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 203. – Д. 3046. – Л. 24; Там же. – Д. 3191. – Л. 46; ГАНУ – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 354. – Л. 54–61.

короткие сроки обучения, отсутствие бюрократической волокиты при открытии делали приходские училища приемлемыми для села. В среднем содержание одноклассного училища обходилось в 590 р. в год, двухклассного – 1170 р. в год. В 1893 г. на содержание училищ в Забайкальской области сельскими обществами выделялось 48 537 р.²⁷⁵ В 1902 г. в Иркутской губернии школьные повинности составляли 79 605 р., в Енисейской – 26 570 р., в Якутской области – 14 390 р.²⁷⁶ Отдавая детей в школу, родители ждали результата независимо от способностей ребёнка и времени его обучения. В годовом отчёте главный инспектор училищ отмечал, что крестьяне, возложив на себя школьные повинности, считали учителя «себе подвластным». Высокая степень зависимости от сельских обществ пагубно сказывалась на положении сельских учителей.

Изменение общественного мнения не обеспечило материальной стабильности учебным заведениям. В 1882 г. в Забайкальской области закрылось восемь приходских училищ²⁷⁷. В Енисейской губернии по разным причинам отказались от содержания школ крестьяне Частоостровской, Рыбинской, Еловской, Казаченской волостей. В начале XX в. крестьяне Братской волости отказались от школьных повинностей в связи с банкротством Николаевского железодобывающего завода²⁷⁸. Главный инспектор училищ отмечал, что начальные училища зависели от «изменчивых настроений местных обществ» и слабо контролировались со стороны учебных властей из-за отсутствия «разъездных денег»²⁷⁹.

В 1974–1975 гг. в систему начального образования вводятся одно – и двухклассные начальные училища. Основной задачей признавалось утверждение в народе религиозных и нравственных понятий и распространение первоначальных полезных знаний. Училища открывались по инициативе населения с разрешения попечителя учебных заведений. Ограни-

²⁷⁵ ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 27 об.

²⁷⁶ НАРС(Я). – Ф. 288-и. – Оп. 1. – Д. 28. – Л. 12.

²⁷⁷ ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 10.

²⁷⁸ НАРС(Я). – Ф. 288-и. – Оп. 1. – Д. 28. – Л. 12.

²⁷⁹ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 203. – Д. 3191. – Л. 43.

чений относительно места открытия не предусматривалось. Школы могли открывать в сельской местности и в городе. Учредители обязывались обеспечить училище участком земли, помещением, выделить средства на приобретение учебно-методического обеспечения и содержание учителя.

В одноклассном училище обучение продолжалось три года. Учитель проводил занятия одновременно в младшем, среднем и старшем отделении. К обучению принимали детей обоего пола с 8–12 лет. Учебная программа включала Закон Божий, русский язык и чистописание, арифметику²⁸⁰. Недельная учебная нагрузка в первом и втором классах составляла 18 часов, в третьем – 26. С 1885 г. государство закрепило за выпускниками начальных училищ право на льготу по отбыванию воинской повинности. Срок действительной военной службы сокращался с шести до четырёх лет в сухопутных войсках, с семи до шести лет на флоте²⁸¹. По сравнению с приходскими училищами одноклассные имели более продолжительные сроки обучения и повышенную стоимость содержания. Однако, учитывая финансовую помощь со стороны государства и введение льгот для выпускников, население всё чаще стало выбирать одноклассные училища в качестве образовательного учреждения. К 1906 г. в Восточной Сибири таких училищ было открыто 254, что составляло 33 % от общего числа начальных училищ²⁸².

В двухклассных училищах учебная программа была рассчитана на пять лет. Первый класс состоял из трёх отделений, что соответствовало программе одноклассных училищ. Во втором классе обучались два года. Программа второго класса включала Закон Божий, русский язык и чистописание, арифметику, историю, географию и естествоведение, церковное пение, черчение. Недельная нагрузка составляла 26 часов. Во

²⁸⁰ Инструкция для двухклассных и одноклассных сельских училищ Министерства народного просвещения // Журн. МНП. – СПб., 1875. – Ч. 180. – С. 222–250

²⁸¹ Чарюлуский В. Настольная книга по народному образованию. – СПб., 1911. – Т. 4, доп. – С. 93.

²⁸² РГИА. – Ф. 733. – Оп. 203. – Д. 3046. – Л. 24; Там же. – Д. 3191. – Л. 46, ГАИО – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 354. – Л. 54–61.

второй класс не принимались мальчики старше 15 лет, девочки – 13. Выпускник двухклассного училища имел право продолжить обучение в учительской семинарии. Двухклассные начальные училища давали более полное, но неоконченное начальное образование. Содержание этих училищ было дорогостоящим, обучение продолжительным, и поэтому двухклассные начальные училища в Восточной Сибири широкого распространения не получили. В 1880-х гг. двухклассные начальные училища открылись в Канске, Минусинске, Селенгинске, Нерчинске. В 1906 г. их общее количество не превышало девяти (0,8 % от общего количества)²⁸³.

На содержание начальных училищ средства выделялись из казны, местных властей и обществ. В 1883 г. сумма составила 154 303 р. Из них на долю государственного казначейства приходилось 17 051 р., городских дум – 23 678 р., сельских обществ – 86 275 р., пожертвований – 1 147 р., иных источников – 26 152 р.²⁸⁴ Таким образом, государственное участие составило 11 %, городских дум – 15 %, сельских обществ – 56 %, пожертвований – 0,7 %, иных источников – 17 %. Очевидно, что основное бремя затрат оставалось на плечах сельского населения.

С появлением начальных училищ организационная основа начального образования приобрела системные черты. Произошло качественное улучшение учебной программы. Начальное образование поднялось на новый уровень. Новые типы учебных заведений, подкреплённые государственными преференциями, должны были сменить устаревшие приходские училища начала XIX в.

В городе основным типом начальной школы оставались уездные училища. В зависимости от штатного расписания уездные училища делились на три разряда. К первому относились училища с государственным содержанием в размере

²⁸³ Там же.

²⁸⁴ Обзор деятельности Министерства народного просвещения за время царствования императора Александра III (со 2 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г.) – СПб. Гос. тип., 1901 – 676 с.

1600 р. в год, ко второму – 1410 р., к третьему – 1250 р.²⁸⁵ Из казны выплачивалось жалование педагогическому коллективу, местные власти, как правило, выделяли средства на содержание помещения для занятий и учительских квартир (отопление, освещение).

В связи с отсутствием в Восточной Сибири учебного заведения для подготовки учителей большинство преподавателей были казённокоштными выпускниками гимназий, учительских семинарий и институтов из центральной России, которые приезжали в Сибирь по распределению. Многие исследователи истории народного образования отмечают низкий образовательный ценз и формальное отношение к работе преподавательского состава уездных училищ, это замечание справедливо отчасти. Среди кадрового состава уездных училищ встречались талантливые преподаватели прогрессивных педагогических взглядов. В Троицкосавском уездном училище началась педагогическая деятельность известного сибирского поэта, этнографа Дмитрия Павловича Давыдова, в конце XIX в. в училище работали краеведы, археологи Петр Саввич Михно, Александр Павлович Мостиц²⁸⁶. В 1835–1838 гг. в Нерчинском училище преподавал рисование, черчение, историю и географию будущий сибирский писатель Василий Петрович Паршин, а в 1880-х гг. – один из организаторов Нерчинского краеведческого музея Анатолий Николаевич Малевич²⁸⁷. В Киренском училище с 1819 г. по 1828 г. преподавал сибирский краевед, известный натуралист Василий Иванович Седаков²⁸⁸.

²⁸⁵ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802–1902 г. – СПб., 1902. – С. 79.

²⁸⁶ Максимов Л. А. Учебные заведения Кяхты – Троицкосавска в дореволюционный период [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.profbstar.ru> (дата обращения: 28.05.2016).

²⁸⁷ Литвинов А. Ю. Малевич Анатолий Николаевич / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Т. 3: И–Р – Новосибирск: Наука, 2006. – С. 224.

²⁸⁸ Кожулин К. Школы и грамотность в Киренском округе Иркутской губернии. Памятная книжка. – Иркутск, 1895. – С. 70.

Тем не менее, кадровое обеспечение уездных училищ было нестабильным. В статье редактора журнала «Сибирский архив» А. Линькова приводятся сведения о том, что в Киренском уездном училище в течение 80 лет существовала вакансия учителя рисования²⁸⁹. В 1880-х гг. в Восточной Сибири существовало восемь вакансий учителей уездных училищ, из них пять – чистописания и рисования, три – преподавателя наук, из 22 преподавателей только девять имели соответствующее образование²⁹⁰. Через десять лет ситуация не изменилась, несмотря на сокращение числа уездных училищ, в 1890 г. сохранялось семь вакансий учителей чистописания и рисования²⁹¹. Как правило, отработав установленный срок, учителя увольнялись и уезжали в центральную Россию, либо переходили в другое ведомство. Жалование уездного учителя составляло 343 р. в год с ежемесячными выплатами в размере 28 р.²⁹² Нишенское содержание являлось одной из причин острого дефицита педагогических кадров в училищах. В то же время ротация на короткий промежуток времени позволяла обеспечивать училища и талантливыми педагогами. В послужном списке уже упомянутых преподавателей отмечено не одно уездное училище Восточной Сибири как место работы.

К обучению в уездных училищах допускались дети городских сословий. Общая численность учеников варьировалась в разные годы от 20 до 150. В Троицкосавском училище в 1813–1814 учебном году числились 66 чел., в 1815–1816 – 61 чел., в 1831–1832 – 77 чел.; в Верхнеудинском в 1822 г. обучались 32 чел., с 1823 по 1897 гг. ежегодно около 100 учащихся; в Иркутском в 1805 г. на обучение были приняты 52 чел., к 1863 г. количество учеников увеличилось до 138 чел.; в Киренском – с 1845 по 1855 гг. обучались 25 чел., с 1855 по 1865 гг. – 28 чел., с 1865 по 1875 гг. – 38 чел., с 1875 по 1885 гг. – 42 чел., с 1885 по 1895 гг. – 64 чел.; в 1853 г. в Якутском уезд-

²⁸⁹ Линьков А. Рост учебного дела в Восточной Сибири. Сибирский архив. – 1912. – № 7. – С. 505–543.

²⁹⁰ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 203. – Д. 3173 – Л. 7.

²⁹¹ Там же. – Л. 9.

²⁹² Там же. – Л. 7.

ном училище обучались 56 учеников²⁹³. Заметим, что в более выгодном положении было Иркутское уездное училище, которое не испытывало недостатка в учениках и даже планировалось открытие параллельных классов²⁹⁴.

Статистические данные указывают на положительную динамику, количество учащихся ежегодно возрастало. Наполняемость класса в среднем составляла 15–20 чел. Количество учащихся сохранялось и в конце XIX в., что свидетельствует о востребованности уездных училищ на протяжении столетия.

Качественные показатели уездных училищ значительно уступают количественным. Средний процент успеваемости не превышал 60. Учащиеся уходили из училищ, не окончив курс, значительная часть оставалась на повторное обучение и только 12–15 % успешно его оканчивали. Выпускники имели право на получение первого гражданского чина и многие из них пополняли ряды мелкого чиновничества²⁹⁵.

Но, несмотря на незначительный процент выпускников училищ, многие добились значительных успехов. Известность получили выпускники Нерчинского уездного училища – просветитель, переводчик, педагог У.-Ц. Онгодов, этнограф, переводчик Б. Р. Рабданов, меценат, золотопромышленник М. Д. Бутин, художник П. Н. Рязанцев; выпускники Верхнеудинского уездного училища – полковник медицинской службы, участник Первой мировой войны Базар-Сада Ямпилон.

²⁹³ Максимов Л. А. Учебные заведения Кяхты – Троицкосавска в дореволюционный период [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.profitstar.ru> (дата обращения: 28.05.2016); Константинова Т. А. Верхнеудинское уездное училище / гл. ред. Р. Ф. Гениатуллин // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область в 4 т. Т. 2: А–З. – Новосибирск: Наука, 2004. – С. 184; Оглезнева Т. Н. «Жителям тамошнего края представить способ к обучению» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sakhaopenworld.org/ilin/2000-2/33.htm> (дата обращения 12.04.2016); Быконя Г. Ф., Комлева Е. В. Народное образование на красноярской земле: первые шаги (Енисейское и Красноярское уездные училища в первой четверти XIX в.) // История науки и образования в Сибири: сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Красноярск, 15–16 нояб. 2005 г.) отв. ред. Я. М. Кофман. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2006. – С. 91–97.

²⁹⁴ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 6. – Д. 17. – Л. 23 об.

²⁹⁵ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 203. – Д. 3182. – Л. 14

организатор и первый ректор Восточно-Сибирского университета М. М. Рубинштейн; выпускник Красноярского уездного училища – великий русский художник В. И. Суриков.

Распространение начального образования в крае происходило неравномерно. Статистические данные указывают на различный уровень образования не только в губерниях и областях, но и в ряде местностей одной области. Обратим внимание на города, которые, будучи торгово-экономическими и административными центрами, имели широкую сферу практического применения полученного образования. Образование в городах имело более благоприятные условия для развития. Административный статус законодательно давал возможность открывать не только приходские и начальные школы, но и уездные и реальные училища, прогимназии и гимназии.

Особое положение среди восточносибирских городов занимали Иркутск, Троицкосавск, Нерчинск. Будучи административным и торговыми центрами, они всегда испытывали потребность в образованных специалистах. В середине XIX в иркутяне получали начальное образование в уездном училище, четырёх приходских училищах²⁹⁶. Помимо этого, действовали женское училище второго разряда, сиропитательный дом Елизаветы Медведниковой, частная женская школа. В 1884 г. Троицкосавске дети получали образование в реальном училище (первом в Восточной Сибири), уездном училище, женской прогимназии и пяти приходских школах, в Нерчинске была открыта женская прогимназия, уездное училище, три приходских школы²⁹⁷. В Иркутске в 1862 г. при населении 23 504 чел. посещали школы 1879 учащихся, что составляло 8 % от общего количества населения²⁹⁸. В 1884 г. в Троицкосавске на 5000 чел. приходилось 615 учащихся, т. е. 12 %²⁹⁹. Относи-

²⁹⁶ Иркутская летопись 1857–1880 гг. // Тр. Восточно-Сибирского отдела императорского русского географического общества. – Иркутск: Паровая тип. И. П. Казанцева, 1914. – № 8. – С. 119.

²⁹⁷ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 162. – Д. 20. – Л. 75.

²⁹⁸ Иркутская летопись 1857–1880 гг. // Тр. Восточно-Сибирского отдела императорского русского географического общества. – Иркутск: Паровая тип. И. П. Казанцева, 1914. – № 8. – С. 119.

²⁹⁹ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 162. – Д. 20. – Л. 75.

тельно высокий уровень образования объясняется заинтересованностью общества и материальной поддержкой учебных заведений со стороны купечества. С развитием социально-экономических отношений в начале XX в. уровень развития образования в остальных городах нивелировался. С открытием городских училищ, увеличением числа средних учебных заведений городское образование достигло более высокого уровня. Но необходимо учитывать, что качество городского образования восполнялось за счёт средних учебных заведений. Низшая начальная школа для образования городского населения имела вспомогательный характер.

Рассматривая развитие начального образования в сельской местности, мы выявили, что среднее количество начальных школ в 1880 г. в каждом уезде Восточной Сибири не превышало десяти. Однако в губерниях и областях существовали отдельные районы с более высокой степенью распространения начального образования. Так, в Иркутской губернии Иркутский и Балаганский уезды имели по 18 начальных училищ в каждом. В Енисейской таким районом считался Минусинский уезд с 13 школами, в Забайкальской области в Нерчинском уезде действовали 32 приходских училища³⁰⁰.

В 1906 г. в Иркутской губернии действовали по Уставу 1828 г. приходских одноклассных училищ, открытых в городе – 35, сельских двухклассных – 14, одноклассных – 61. По Инструкции 1875 г. городских одноклассных – 1, двухклассных – 1; сельских одноклассных – 149, двухклассных – 29. По Положению 1874 г. одноклассных городских – 3. Итого 293 начальных училища с 12 775 учащимися, из них 3565 девочек. Полный курс учебного заведения окончили 1013 чел.³⁰¹ В отчёте генерал-губернатор Восточной Сибири отмечал, что количество учащихся в Иркутской губернии могло быть больше, но сдерживающим фактором выступает теснота учебных помещений.

В Енисейской губернии население чаще отдавало предпочтение более современным типам учебных заведений. В 1906 г.

³⁰⁰ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 203. – Д. 3191. – Л. 46.

³⁰¹ Там же. – Оп. 204. – Д. 515. – Л. 58.

в Енисейской губернии действовали по Уставу 1828 г. приходских одноклассных училищ, открытых в городе – 27, сельских двухклассных – 6, одноклассных – 34. По Инструкции 1875 г. городских одноклассных – 1, сельских одноклассных – 105, двухклассных – 7. По Положению 1874 г. одноклассных городских – 2, двухклассных – 2, сельских одноклассных – 2, двухклассных – 1. Итого 187 начальных училищ с 10 405 учащимися, из них 3101 девочек³⁰². В 1905 г. лидирующее положение сохранял Минусинский уезд с 47 начальными училищами разного типа.

Учитывая статистические данные по Иркутской и Енисейской губерниям, мы видим, что в начале XX в. соотношение приходских училищ к начальным школам в среднем составляет 36 и 64 % соответственно. Цифры свидетельствуют о преобладании начальных училищ, а, соответственно, о более качественном образовании в этих губерниях.

Количество приходских училищ в Забайкальской области в начале XIX в. было незначительно. В 1850-е гг. действовало лишь восемь учебных заведений этого типа. К началу XX в. количество приходских училищ увеличилось в десятки раз. В 1914 г. из 445 начальных училищ приходских было 278, открытых по Инструкции 1875 г. сельских двухклассных – 78, одноклассных – 155, городских одноклассных – 45. Из статистических сведений очевидно, что приходские училища в Забайкальской области стали преобладающим типом учебных заведений. Соотношение приходских и начальных училищ составляет 64 и 36 % соответственно.

Политические события начала XX в. приводят к изменению государственной политики в Сибири и на Дальнем Востоке. Развитие экономики края, строительство железных дорог, деятельность переселенческого комитета привлекли в Восточную Сибирь значительное количество переселенцев. Прибывшее население нуждалось не только в рабочих местах, но и в образовании. Увеличение финансирования со стороны государства приводит к бурному развитию образования.

³⁰² Там же

С 1908 г. в Восточной Сибири ежегодно открывались более 150 начальных училищ различного типа. По сравнению с 1900 г. количество начальных училищ возросло с 290 до 1540. За 1909–11 гг. число их увеличилось на 60 %. В училищах обучались 69 054 чел., из них 47 649 мальчиков и 21 405 девочек. Одна школа приходится на 1700 чел. населения. Содержание начальной школы в 1911 г. составило 1 780 490 р. От государственного казначейства поступало 49,6 % от общей суммы; губернские и земские сборы – 15,3 %; общественные сборы и пожертвования – 10,8 %; иные источники (плата за обучение, благотворительные сборы, концерты) – 12,3 %. На содержание одной школы приходилось в среднем 1260 р., на одного учащегося – 26 р. в год³⁰³.

Общественное участие в содержании школ сохранилось в школьных повинностях, единовременных пожертвованиях и банковских вкладах частных лиц или обществ, внесённых для нужд учебного заведения. В начале XX в. увеличивается доля частного капитала в начальной школе. Например, проценты с вкладов распределялись в виде стипендий между нуждающихся учеников в Олёкминском, Сунтарском, Мархинском училищах Якутской области; Баргузинском, Нерчинском, Верхнеудинском, Нерчинско-Заводском, Троицко-савском начальных училищах Забайкальской области, в ряде училищ города Иркутска и Красноярска³⁰⁴. В 1903 г. якуты Олёкминского округа пожертвовали 7500 р. на нужды двухклассного училища³⁰⁵. В Олёкминском городском училище выдавалась стипендия имени бывшего окружного исправника Болеслава Францевича Кочаровского, открывшего счёт на сумму 1448 р. В Сунтарском приходском училище существовало две стипендии имени бывшего учителя этого училища Дмитрия Дмитриевича Сивцева и имени почётного инородца Егора Петровича Терешкина³⁰⁶. В 1910 г. в Красноярске на завещание Е. Н. Эпова построено каменное здание однокласс-

³⁰³ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 204. – Л. 34.

³⁰⁴ ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 150. – Л. 10.

³⁰⁵ НАРС(Я). – Ф. 288-н. – Оп. 1. – Д. 24. – Л. 98

³⁰⁶ Там же. – Д. 33. – Л. 44 об.

ного приходского училища стоимостью 16 000 р. и открыт вклад на сумму 40 000 р.³⁰⁷ Очевидно, что участие купечества в развитии образования носило прогрессивный характер и являлось характерной чертой развития образования в Восточной Сибири.

Говоря о развитии низших начальных училищ, нельзя не отметить интересный факт. В исторической и педагогической литературе можно часто встретить негативные отзывы о начальной школе, её косности, примитивности. Однако, несмотря на все её недостатки, нельзя не признать, что начальные училища стали отправной точкой в социокультурном развитии населения. Наиболее успешные в этом плане училища поощрялись как со стороны общественности, так и государства. Одной из форм поощрения училищ являлось награждение портретами государственных или общественных деятелей за особые заслуги в области народного образования. Портреты размещались по ходатайству должностных лиц, городских управ с разрешения директора народных училищ, или по высочайшему повелению императора. Так, в Усть-Кяхтинском двухклассном приходском училище висели портреты первого учителя Николая Петровича Тагорского, троицкосавского градоначальника Александра Ивановича Деспот-Зиновича. Сибирского генерал-губернатора Михаила Михайловича Сперанского, посещавшего училище в 1820 г., почётных блюстителей училища Матвея Васильевича и Василия Матвеевича Шишмаковых, подаренных к 50-летию училища. В Байхоровском двухклассном училище размещён портрет блюстителя и строителя школы Дмитрия Михайловича Буйвида. В Кабанском начальном училище по высочайшему соизволению вывешены портреты супругов И. Ф. и Е. И. Голдобиныных³⁰⁸. Помимо вручения портретов училищам присваивались имена государственных деятелей, писателей, поэтов. В 1910 г. первое приходское училище г. Красноярска получило имя императора Петра I. В 1915 г. распоряжением директора народных училищ

³⁰⁷ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 148. – Л. 23, 30⁷

³⁰⁸ ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 3. – Д. 15. – Л. 3⁷

Забайкальской области с разрешения Министерства народного просвещения Верхнеудинскому 9-му приходскому училищу присвоено наименование в Память героев Отечественной войны 1812 г.³⁰⁹ Селенгинское женское приходское училище получило право называться Мариинским в память бракосочетания великой княжны Марии Александровны с принцем Эдинбургским. Разрешение было закреплено в высочайшем повелении от 28 января 1875 г.³¹⁰

Подводя итоги, необходимо отметить, что на протяжении XIX в. происходит становление и развитие начального образования в Восточной Сибири. В условиях социальной модернизации приходские и начальные училища становятся показателями степени общественной заинтересованности в образовании. Геополитические особенности региона оказали влияние на развитие низших начальных училищ в губерниях и областях Восточной Сибири. В условиях многонационального и поликонфессионального населения училища выполняли не только образовательную, но и своего рода идеологическую функцию, которая возлагалась на учителя начальных училищ.

С изменением политической ситуации на рубеже веков меняется и отношение государства к начальной школе. Боксёрское восстание в Китае, русско-японская война 1904–1905 гг., экономическое развитие Сибири изменили отношение властей к восточной окраине. В контексте усиления политического единства империи и интеграции её окраин в единое экономическое и социокультурное пространство развитие доступного образования получило стратегическое значение для государства и требовало определённых материальных затрат. Финансируя образование, государство сохраняло общественное начало в области низших училищ. Система начальных и приходских училищ становится моделью государственно-общественного взаимодействия.

Заметим, что организационная основа начальной школы была лишена целостности. Трансформация системы происхо-

³⁰⁹ ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 3. – Д. 13. – Л. 37

³¹⁰ Там же. – Л. 230.

дила постепенно, а в Восточной Сибири с хронологическим отставанием. Организационная основа сохраняла черты конгломератности. Устаревшие учреждения начала XIX в. действовали наряду с учебными заведениями начала XX в. В процессе реформирования начальное образование дополнялось новыми элементами, превращаясь в разветвлённую, многоуровневую систему.

2.2. Совершенствование начальной школы: проблемы модернизации

Проблема качества образования в начальной школе в 1870-гг. становится одной из обсуждаемых в педагогическом сообществе. В то время как в Азиатской России продолжался процесс увеличения числа школ, в Европейской России переломная общественность бурно обсуждала качество образования. В критических выступлениях Н. В. Чехова, К. Д. Ушинского, И. П. Корнилова и других государственная система начального образования объявлялась примитивной, отсталой, не соответствующей требованию времени³¹¹. Быстрый рост земских школ в центральных губерниях России, негативное отношение общественности к государственной школе привели к модернизации начального образования.

Новым типом начальной школы становятся городские училища с шестилетним сроком обучения. Училища открывались с разрешения попечителя учебного округа по ходатайству горожан. При организации одноклассного городского училища предполагалось обучение одновременно в трёх отделениях по два года в каждом. В двухклассных училищах в первом классе обучались два отделения в течение четырёх лет.

³¹¹ Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания: пед. соч. – М., Л., 1950. – Т. 8. – С. 217; Корнилов И. П. Задачи русского просвещения в его прошлом и настоящем. – СПб., 1902. – С. 342; Максимов Е. Д. Очерки земской деятельности по подготовке и обеспечению учителей народных школ. Народная шк. – 1888. – С. 27–35; Веселовский Б. Б. История земства за 40 лет. – СПб. Изд-во О. Н. Поповой, 1909. – Т. 1. – 729 с.; Чехов Н. В. Типы русской школы в их историческом развитии. – М. Мир, 1923. – 148 с.

во втором – два года. В трёхклассных училищах отделений не формировали, обучение осуществлялась в трёх классах по два года в каждом. Четырёхклассное училище предполагало обучение в первом и во втором классе по два года в каждом, в третьем и четвёртом – по году³¹². Наибольшее распространение получили трёх- и четырёхклассные училища.

Преподавательский состав городских училищ формировался из выпускников учительских институтов, что обеспечивало более высокий уровень профессиональной подготовки учителей. В первый класс принимались дети с семи лет без ограничения в вероисповедании и сословной принадлежности, от поступающих в старшие классы требовали знания молитв, священной истории, умения читать и писать. Для детей инославного вероисповедания не проводился экзамен по Закону Божьему, а с 14 лет они принимались в училище без экзаменов.

Учебная программа городских училищ отличалась от уездных полнотой преподаваемых дисциплин. Недельная учебная нагрузка составляла 24 часа, сверх того разрешалось преподавание дополнительных предметов и ремёсел³¹³. В учебную программу входили: «... а) Закон Божий, б) чтение и письмо, в) русский язык и церковно-славянское чтение с переводом на русский язык, г) арифметика, д) практическая геометрия, е) география и история отечества, с необходимыми сведениями из всеобщей истории и географии, ж) сведения из естественной истории и физики, з) черчение и рисование, и) пение, к) гимнастика»³¹⁴. Содержание учебной программы городских училищ представлялось более углублённым по сравнению с уездными училищами. Директор училищ Забайкальской области А. И. Сниткин по этому поводу писал: «Городские училища благодаря своим учебным планам наиболее других удовлетворяют потребности городского населения, за

³¹² Уставы учёных учреждений и учебных заведений // СЗРИ. – СПб. 1893 – Т. 11. – Ч. 1. – С. 454.

³¹³ Положение о городских училищах 1872 г. / сост. Н. А. Желваков, под ред. С. А. Каменева // Хрестоматия по истории педагогики. – М.: Просвещение, 1936 – С. 76.

³¹⁴ Там же.

исключением интеллигенции. ... Особенно четырёхклассные ... дают совершенно достаточное умственное развитие окончившим в них курс ученикам и выпускникам... чтобы занимать обязанности как частной службы в торговых фирмах, так и быть весьма полезным чиновником на невысоких должностях»³¹⁵.

Восстановилась и преемственность со средними учебными заведениями. Дети, успешно освоившие программу первых четырёх лет, без экзаменов принимались в гимназии и реальные училища, а выпускники четырёхклассного училища поступали на службу без экзамена на первый классный чин, тем самым городские училища становились преемниками уездных в подготовке государственных служащих низших чинов. В целом, городские училища представляли собой модернизированный тип учебного заведения, отчасти удовлетворявший потребности общества и не противоречащий интересам государства.

В Восточной Сибири с намерением преобразовать уездное училище в городское первой выступила Иркутская городская дума. Горожане начали сбор средств, но пожар 1879 г. заставил отложить решение вопроса на более позднее время. Остальные города инициативы не проявили. Для учебных властей Восточной Сибири преобразование уездных училищ в городские вызвало ряд проблем. Директор народных училищ Забайкальской области Г. Л. Мейгден обращал внимание, что «отпускаемые из казны средства на содержание уездных училищ достаточны только на содержание городского двухклассного начального училища»³¹⁶. Увеличение сроков обучения, количества классов повлекло увеличение затрат на содержание училищ. Если на содержание уездного училища требовалось в среднем 3000 р., то трёх-, четырёхклассное городское обходилось в два раза дороже. Так, в 1879 г. на Троицкосавское уездное училище выделяли 3151 р., позднее на его содержание уже в качестве четырёхклассного городского училища требовалось 6901 р.³¹⁷

³¹⁵ ГАЗК. - Ф. 4. - Оп. 2. - Д. 3. - Л. 36 об.

³¹⁶ Там же. - Оп. 1. - Д. 17. - Л. 51 об.

³¹⁷ Там же. - Ф. 4. - Оп. 2. - Д. 3. - Л. 40.

Отсутствие в Восточной Сибири учительского института обозначило кадровую проблему в организации городских училищ. Государство, проводя преобразования, не выделяло дополнительных средств. Одним словом, появление городских училищ целиком зависело от общества и местных властей. Директор училищ Забайкальской области предлагал проводить преобразование уездных училищ только в тех городах, где найдутся дополнительные средства. Увольнение учителей, не соответствующих образовательному цензу, считал несправедливым, особенно в отношении недавно прибывших из Европейской России. Преобразование многих учителей уездных училищ лишало заработанной пенсии.

Против преобразования уездных училищ выступили и сами учителя. Большинство из них не соответствовало предъявляемому образовательному цензу и теряло право на преподавание в городских училищах. Увеличение учебной нагрузки влияло на продолжительность рабочего дня и лишало многих учителей подработки. Жалование учителя городского училища ненамного превышало прежнес жалование.

В связи с вышесказанным процесс организации городских училищ в Восточной Сибири затянулся. В 1884 г. МНП разослало в учебные округа и дирекции циркуляр об ускорении преобразования уездных училищ в городские. Но и данная мера мало способствовала распространению городских училищ. К 1890 г. в Восточной Сибири из девяти уездных училищ пять преобразовали в городские³¹⁸. Оставшиеся Киренское, Енисейское, Нерчинское и Верхнеудинское уездные училища продолжали действовать до начала XX в. Открытие новых городских училищ без финансовой поддержки государства было обременительно для местного населения. В 1903 г. в Восточной Сибири действовали 16 городских начальных училищ – десять трёхклассных, четыре четырёхклассных, два пятиклассных³¹⁹. В совокупности обучались 1491 чел. На содержание выделяли 88 169 р. в год, из них на долю государственного казначейства приходилось 31 942 р., от городских

³¹⁸ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 203. – Д. 3049. – Л. 67.

³¹⁹ ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 119. – Л. 278

обществ – 22 290 р., плата за обучение – 8816 р., проценты с банковских вкладов – 4296 р., пожертвования и взносы почетных попечителей – 1354 р., из других источников – 6177 р., остатки средств с прежних лет – 13 294 р.³²⁰ Соотношение государственных и местных средств составляло 36 и 64 % соответственно. Очевидно, что основные финансовые расходы формировались из местных источников, но дорогостоящее содержание тормозило развитие сети городских училищ.

В 1906 г. в Устав о воинской повинности были внесены изменения относительно сроков службы. Выпускники городских начальных училищ получили право на сокращение срока действительной службы до трёх лет³²¹. Данная мера привела к увеличению числа городских училищ. В 1906 г. за счёт казначейства открылось Якутское четырёхклассное городское. Преобразованы из одноклассных городских в 1907 г. Вилюйское и в 1910 г. Олёкминское училища. На пожертвования купца второй гильдии Н. А. Расторгуева для Вилюйского городского училища построено деревянное здание.

С 1906 г. число городских училищ неуклонно возрастает. Рост числа городских училищ совпал с начавшимся экономическим подъёмом в Восточной Сибири. В 1907 г. в Забайкальской области действовало уже восемь городских начальных училищ. В Нерчинске, Троицкосавске, Верхнеудинске они были основаны на базе ранее существовавших уездных, а в Чите, Нерчинском Заводе, Сретенске, Баргузине открыты вновь. Сретенское городское училище перевели из Порт-Артура в связи с началом русско-японской войны. В совокупности в училищах обучались 1014 чел. На содержание училищ выделялось 77 580 р. в год, из них 51 % составляли средства государственного казначейства, 21 % – городские сборы, 3 % – поступления от обществ, 9 % – плата за образование, 2 % – вклады частных лиц и 2 % – другие источники³²².

³²⁰ Всеподданнейший отчёт министра народного просвещения за 1903 г. – СПб., 1905. – С. 476–484.

³²¹ Чарнолуцкий В. Настольная книга по народному образованию – СПб., 1911. – Т. 4, доп. – С. 93.

³²² ГАЗК – Ф. 4 – Оп. 1 – Д. 119 – Л. 242

В первое десятилетие XX в. число городских училищ увеличилось в два раза. В 1911 г. действовало 33 городских училища – одно в Якутской области, восемь в Забайкальской, одиннадцать в Иркутской губернии и десять в Енисейской¹²³.

Общество, заинтересованное в распространении городских училищ, увеличивает средства на их содержание. Также увеличивается доля государственных средств до 50 % от совокупного расхода на содержание. Количество учащихся составляет 3500 чел. Однако процент выбывших учеников до окончания обучения в два раза превышал процент выпускников. Главный инспектор училищ объяснял это тем, что часть учащихся, отучившись четыре года, переводилась в гимназии для получения более качественного образования, часть не могла продолжить образования по семейным обстоятельствам, в связи с поступлением на службу и менее 10 % оставляли училище в связи с неуспеваемостью¹²⁴.

Социальный состав учащихся претерпел изменения. Как и в уездных училищах, в городских преимущественно обучались дети мещан – 36 %, увеличился процент крестьян и инородцев, соответственно 35 и 4 %. Увеличение числа крестьянских детей говорит об изменении отношения сельских обывателей к качественному образованию. 19 % от общего числа учащихся составляли дети казаков, чему способствовали изменения в Уставе о воинской службе от 1906 г. В целом, социальный состав училищ стал более демократичным. Таким образом, городские училища дали возможность городскому населению повысить образовательный ценз за счёт перехода в гимназии, сельскому населению – выйти из податного сословия, казакам – сократить срок действительной службы. Но, несмотря на достоинства училищ, учебная программа не давала полного оконченного начального образования.

Развитие социально-экономических отношений привело к переоценке качества образования. Во втором десятилетии XX в. элементарной грамотности было недостаточно для

¹²³ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 204. – Л. 39.

¹²⁴ ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 150. – Л. 10.

профессионального роста. Образование давало возможность занять более выгодную стартовую позицию как в гражданской, так и в военной службе. Существующие типы начальных школ не соответствовали запросам населения. В свете экономического развития государства требовалось всё больше квалифицированных кадров. В связи с этим Министерство образования в 1912 г. приняло «Положение о высших начальных училищах», которое предусматривало образование ещё одного типа начальных училищ с целью «...дать учащимся в них законченное низшее образование»³²⁵. Училища открывались по распоряжению министра народного просвещения и их содержание частично финансировалось государством.

Материальной базой для создания высших начальных училищ стали городские училища. Срок обучения сократился до 4 лет, по году в каждом классе, расширилась учебная программа. В училище принимались дети с 10–13 лет, окончившие одноклассное начальное училище или сдавшие вступительные экзамены. Учебная программа включала: Закон Божий, русский, церковнославянский языки и русскую словесность, арифметику и начала алгебры, геометрию, географию, историю России с некоторыми сведениями из общей истории, естествоведение и физику, рисование и черчение, пение, физические упражнения. Для девочек дополнительно преподавалось рукоделие³²⁶. По мере необходимости в учебную программу могли вводиться иностранные языки и изучение ремёсел.

Выпускники освобождались от экзамена на первый классный чин. Лица, успешно окончившие первые три класса и сдавшие экзамен по иностранным языкам, принимались в гимназии. Выпускницы высшего начального училища наделялись равными правами с выпускницами прогимназий, т. е. имели право на звание домашней учительницы.

³²⁵ Хрестоматия по истории педагогики в 4 т. Т. 4. История русской педагогики с древнейших времен до Великой пролетарской революции для высш. пед. учеб. заведений / сост. Н. А. Желваков; под ред. С. А. Каменева. – М.: Учпедгиз, 1938. – Ч. 2. – 516 с.

³²⁶ Там же

Новшеством стало разрешение преподавания инославного вероисповедания в случае принадлежности к нему большинства учащихся. Допускалось преподавание национальных языков²⁷. Достоинства нового типа начальной школы нашли отклик среди населения. В 1912 г. одним из первых преобразовано в высшее начальное училище Иркутское пятиклассное городское Александро-Мариинское начальное училище, получившее имя в честь 25-летия супружеской жизни императора Александра III и императрицы Марии. Позднее были открыты училища в Балаганске, Киренске, Ачинске, Минусинске, Енисейске, ст. Мысовской. По сравнению с динамикой распространения городских училищ высшие начальные стремительно входили в общественную жизнь. Несомненным достоинством училища становится государственная поддержка

Финансирование училищ осуществлялось из нескольких источников. Из государственной казны поступало 91 201 р., в среднем по 6000 р. на училище. Государственные средства расходовались на содержание педагогического коллектива, покупку учебно-методической литературы. Местные средства формировались из сборов с городской казны, обществ и сословий, платы за обучение, процентов с капиталов, взносов почётных зрителей, иных источников (пожертвований, сборов с благотворительных вечеров, спектаклей и пр.). Наиболее стабильным поступлением из местных средств можно считать плату за обучение, которая составляла от 3 до 25 р. в год, все остальные статьи доходов были непостоянными. В совокупности местные средства составляли 48 537 р., соотношение государственных и местных средств составляло 64 и 36 % соответственно. Содержание одного училища обходилось в 9537 р. в год, стоимость обучения одного ученика составляла 843 р. в год. Как видим, затраты государства на начальную школу существенно возросли.

²⁷ Хрестоматия по истории педагогики: в 4 т. Т. 4. История русской педагогики с древнейших времен до Великой пролетарской революции для высш. пед. учеб. заведений / сост. Н. А. Желваков; под ред. С. А. Каменева – М. Учпедгиз. 1938 – Ч. 2. – 516 с.

Педагогический коллектив формировался из выпускников университетов и учительских институтов. Отсутствие университета в регионе определило преобладание среди педагогического сообщества начальных училищ учителей с дипломом учительского института. Количество выпускников института составило 38 % (22 чел.), учительских семинарий – 21 %, гимназий – 28 %, на остальные 13 % приходилось количество преподавателей, не имевших специального образования. Поддерживать относительно высокий процент преподавателей с институтским образованием помогала система распределений. Выпускники, получившие образование за счёт казны, были обязаны отработать в школе после окончания института шесть лет, в противном случае вся сумма, потраченная государством на обучение, удерживалась из жалования бывшего студента.

Постепенно высшие начальные училища становятся востребованным типом учебных заведений. Уже по окончанию первого года деятельности училищ количество желающих поступить в них превышало количество выделенных мест. В общей сложности на 100 заявлений приходилось 30 отказов из-за отсутствия мест. Возникла необходимость в увеличении числа классов, что влекло увеличение расходов. Все параллельные классы содержались за счёт местных средств.

Учебная программа училищ была представлена широким спектром общеобразовательных дисциплин. Более того, при формировании учебных программ педагогические коллективы вводили новые курсы с учётом интересов общества. Так, в Акшинском училище преподавали буддизм и монгольский язык, в Верхнеудинском – бухгалтерию, в Читинском и Сретенском – французский и немецкий языки. При мужских училищах открывались классы ручного труда. Для оснащения классов были закуплены верстаки, токарные станки, различные инструменты. Учащиеся осваивали столярное, переплётное, кузнечное ремесло. Обучение велось по программе основоположников русского мануализма К. Ю. Цируля и Н. В. Касаткина. В 1913 г. Восточной Сибири действовало 34 высших начальных училища³²⁸.

³²⁸ Россия 1913 год: статистико-документальный справ. – СПб.: Б.И.Ц. 1995.

В 1914 г. в Забайкальской области преобразовали восемь городских училищ. Кроме них этот статус получили начальные училища в Акше, Агинском, Зюльзе, Кабанском, Петровском Заводе, Маньчжурии. Из 14 училищ 13 были четырёхклассные и одно двухклассное; 11 смешанных и четыре мужских в Верхнеудинске, Троицкосавске, Чите, Нерчинске. В 1915 г. в с. Горбичевском Нерчинского уезда открылось ещё одно училище в составе двух классов³²⁹. Из 15 училищ шесть располагали собственными зданиями, девяти училищам помещения были предоставлены местными обществами. Директор народных училищ отмечал, что самое удобное здание было у Нерчинско-Заводского училища, оно соответствовало техническим требованиям и санитарным нормам. В 1914 г. помещения всех училищ были отремонтированы при поддержке государственных и местных средств. По поводу необходимости продолжения ремонтных работ в других учебных заведениях директор отмечал: «...к сожалению, вторая половина года благодаря разразившейся великой европейской войне ... может на долгие годы отложить решение этого вопроса»³³⁰.

Верхнеудинское, Маньчжурское и Нерчинско-Заводское училища располагали банковскими вкладами, почётные блюстители были в Агинском, Нерчинском и Сретенском училищах. В ряде училищ по инициативе местных властей или меценатов были учреждены стипендии для учащихся. Стипендии выплачивались по решению педагогического коллектива лучшим ученикам. Так, Троицкосавское высшее начальное училище располагало 38 стипендиями, учреждёнными городскими властями, 5 – мещанскими обществами и 2 – от общества приказчиков. Баргузинское, Нерчинское, Верхнеудинское, Нерчинско-Заводское училища для стипендий использовали проценты с частных вкладов³³¹.

К 1915 г. на службе в высших начальных училищах Забайкальской области состояло 118 чел. (52 преподавателя, 15 учителей Закона Божьего, 14 инспекторов, 8 почётных смотрителей).

³²⁹ ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 168. – Л. 16.

³³⁰ Там же. – Л. 78.

³³¹ Там же. – Л. 84.

телей, 28 прочих служащих, к которым относились учителя необязательных предметов, служащих по найму). Обучались 1698 чел., из них 1439 мальчиков и 260 девочек. Подавляющее большинство учащихся (84 %) были православного вероисповедания, среди инославных конфессий самый высокий процент приходился на учащихся детей евреев – 9 %, менее процента составили мусульмане³². Социальный состав учащихся был довольно пёстрый, но большинство сохранялось за мещанами – 36 %, крестьянами – 35 % и казаками – 13 %. Основной проблемой образования являлся низкий процент выпускников, окончивших полный курс обучения. Число выбывших до окончания неизменно превышало число выпускников. Так, в 1914 г. получили аттестаты 195 чел., выбыли до окончания – 316 чел. Причины отсева учащихся оставались прежние: раннее привлечение детей к хозяйственным работам, 23 % от числа выбывших прекращали обучение по семейным обстоятельствам и только 13 % – за малоуспешностью³³. Выпускники училищ продолжали обучение в учительской семинарии, ремесленном и землемерном училищах либо получали незначительную чиновничью должность.

В Якутской области в высшие начальные училища в соответствии с распоряжением МНП преобразовали три действующих городских училища в Якутске, Вилюйске и Олёкминске. Открытия новых училищ не последовало из-за высокой стоимости содержания училищ и пансионов при них³⁴.

Модернизационные процессы начальной школы привели к появлению качественного нового типа учебного заведения. Учебная программа имела высокий общеобразовательный уровень и практическую направленность, существовала преемственность с гимназией. Предусмотренные льготы привлекали большее количество учащихся. Увеличение числа желающих получить образование в высшем начальном училище свидетельствует о заинтересованности населения.

³² Там же. – Л. 117

³³ Там же – Л. 10

³⁴ НАРС(Я) – Ф 288-и – Оп 1 – Д 549 – Л 25-26

Совершенствование организационных основ начального образования подготовило почву для модернизации начальной школы в целом, которая совпала с изменением политики государства в области образования и многократным увеличением финансирования.

В начале XX в. в России активно обсуждался вопрос о введении всеобщего образования. Инициаторами выступали представители педагогического сообщества, государственные служащие, общественные деятели. В 1905 г. министр народного просвещения И. И. Толстой приступил к подготовке законопроекта о введении начального образования. Законопроект подготовили в течение нескольких месяцев и в 1906 г. представили на обсуждение в Государственную Думу. Роспуск первой и второй Государственной Думы, затормозили его принятие. В ноябре 1907 г. третий состав Думы приступил к рассмотрению проекта МНП «О введении всеобщего начального образования в России», в ходе обсуждения закон изменил формулировку, фраза, отражавшая суть проекта «О введении всеобщего образования», была исключена. 3 мая 1908 г. законопроект под названием «Об отпуске 6.900.000 рублей на нужды начального образования» утвердил император. Таким образом, юридически закреплялось увеличение финансирования, фактически началась модернизация начального образования.

Финансирование начальной школы увеличилось в десятки раз. С 1908 по 1914 г. Министерством народного просвещения на нужды по введению всеобщего начального образования было ассигновано 51 900 000 р. и дополнительно для школьного строительства выделено 51 416 000 р.³³⁵ Школьная сеть формировалась по принципу трёхвёрстного радиуса. Открываемые одноклассные училища принимали детей из селений, расположенных в радиусе трёх вёрст от него. Класс формировался из 50 учеников с одним учителем.

³³⁵ Всеобщее обучение: сб. законов и правительственных распоряжений / сост. К. И. Денисов. – СПб., 1914. – Вып. 21 – 44 с.

Государство выделяло средства из расчёта 360 р. в год на жалование учителю и 60 р. законоучителю³³⁶.

Общественный деятель Б. Л. Бразоль считал, что с 1908 г. в России ежегодно открывалось 10 000 школ, к 1913 г. их количество достигло 130 000³³⁷. Новые школы испытывали острый недостаток в учителях. В рамках решения данной проблемы в 1913 г. в честь празднования 300-летия дома Романовых в стране было открыто 93 учительские семинарии. К 1917 г. количество учительских семинарий увеличилось до 171 с 20 000 учащихся, число учительских институтов достигло 58 с 4000 будущих учителей.

Принятые меры привели к увеличению числа учащихся. В целом по России к 1 января 1914 г. обучались 8 902 621 чел., из них в начальных и низших школах около 82 %, в средних общеобразовательных и специальных учебных заведениях – около 6 %, в специальных средних и низших школах – 3,2 %, в различных частных, национально-религиозных и т. п. учебных заведениях – около 7 %, в высших учебных заведениях – 0,8 %, остальные, около 1 %, не распределены по категориям заведений³³⁸.

Необходимо обратить внимание, что введение всеобщего начального образования в стране осуществлялось не только официальными властями. В центральных губерниях России, где была проведена земская реформа, вопросами всеобщего обучения занимались земства и училищные советы. К 1913 г. в Российской империи из 426 уездных земств 398 оформило соглашение с Министерством народного просвещения о введении всеобщего образования. Исключая жалование учителя, содержание школы возлагалось на земства. Училищные советы планировали школьную сеть и контролировали методическое обеспечение учебного заведения.

³³⁶ Высочайше утверждённый, одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон «Об отпуске 6.900.000 рублей на нужды начального образования» // Собр. узаконений. – 1908. – Отдел 1. – № 73. – Ст. 447.

³³⁷ Бразоль Л. Б. Царствование Николая II в цифрах и фактах (1894–1917 гг.). – Минск: Полымя, 1991. – 14 с.

³³⁸ Статистический ежегодник России на 1915 г. 1912–1916 гг. – Петроград, 1913–1918. – 2818 с.

В Восточной Сибири организационная работа по введению всеобщего начального образования началась в 1909 г. К этому моменту в состав Иркутского генерал-губернаторств возвращена Забайкальская область. Площадь генерал-губернаторства занимала 6 877 000 кв. вёрст с населением в 2 686 400 чел. Система образования включала четыре мужских гимназии, шесть реальных училищ, 13 женских гимназий, три женских прогимназии, учительский институт, три учительских семинарии, 33 городских начальных училищ по Положению 1872 г., 1540 начальных училищ разного типа³³⁹. Общее управление учебными делами возлагалось на главного инспектора народных училищ, в губерниях и областях были созданы дирекции и инспекции. В связи с отсутствием земских органов и училищных советов составление проекта школьной сети было возложено на главного инспектора Г. П. Василенко.

Проектируя школьную сеть, учебным властям предстояло установить точное количество населения и определить число детей школьного возраста. Точному подсчёту населения препятствовал кочевой образ жизни коренного населения и увеличивающееся число переселенцев. Особенно процесс переселения усилился в 1906–1914 гг. За этот период в Сибирь переселились 2 745 537 чел., из них на долю Восточной Сибири приходилось 881 771 чел.³⁴⁰ В докладной записке Г. П. Василенко отмечал лишь приблизительное количество населения. По подсчётам главного инспектора, для введения всеобщего образования необходимо в течение 15 лет ежегодно открывать по 170 школ, обеспеченных подготовленными учителями. На содержание выделить 1 523 230 р. от казны и 1 961 530 р. от губернских и земских сборов. Кроме этого, на строительство учебных зданий требовалось 5 181 665 р. от казны и 4 055 975 р. от губернских и земских сборов³⁴¹. Необходимые суммы в несколько раз превышали совместные расходы государства, губернских и областных властей и общества на содержание всех учебных заведений края. В центральных

³³⁹ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 204. – Л. 85.

³⁴⁰ Дамешек И. Л., Дамешек Л. М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Сер. Азиатская Россия. – Иркутск, 2009. – С. 84

³⁴¹ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 204. – Л. 85.

губерниях России при существующей системе финансирования недостающие средства изыскивались земствами, в Восточной Сибири восполнить финансовую брешь должны были органы местного самоуправления.

Сельские общества неохотно несли школьные повинности, часто искали предлог для отказа. Старообрядцы вовсе отказывались от организации школы. В итоге, они являлись ненадёжным источником и не могли в полной мере способствовать введению всеобщего образования.

Городские думы по мере финансовых возможностей способствовали развитию образования. В 1909–1911 гг. в Енисейской губернии на начальную школу потратили 72 690 р., в Иркутской – 117 905 р., в Забайкальской – 59 509 р., в Якутской – 37 200 р.³⁴² Однако предполагаемые расходы по модернизации образования превышали возможность местных бюджетов в несколько раз. При всём желании властей потребности начального образования не могли быть удовлетворены в полной мере. Таким образом, единственным стабильным источником финансирования оставалось государственное казначейство. План по всеобщему образованию в Восточной Сибири мог быть реализован только при поддержке государства.

В Енисейской губернии в начале XX в. доля грамотных мужчин составила 22,1 %, женщин – 7,5 %. При этом наблюдался большой разрыв в грамотности городского населения (52 % у мужчин и 30,6 % у женщин) и сельского (18,2 % и 4,7 % соответственно)³⁴³. Красноярск одним из первых начал реализацию проекта всеобщего обучения. С 1909 г. по 1916 г. городские власти открыли 23 дополнительных класса при существовавших школах, число учащихся увеличилось более чем вдвое³⁴⁴. В 1916 г. расходы города на образование возросли до 125 341 р. Благодаря этому к 1916 г. количество учебных

³⁴² Соколовский П. Е. Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае – Харьков, 1914.

³⁴³ Федорова В. И. 105 лет с начала введения всеобщего начального образования в Красноярске. Календарь знаменательных и памятных дат на 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ibis.kraslib.ru (дата обращения: 31.07.2016).

³⁴⁴ Наумова Н. Н. Школьная реформа П. А. Столыпина: опыт введения всеобщего обучения в Восточной Сибири (1906–1917). Иркутск ист.-экон. ежегодник – 2015. – С. 432–439.

заведений увеличилось до 22, а число учащихся составило 3050 чел. Из 22 училищ 14 помещались в собственных зданиях, построенных по специальным проектам с учётом всех требований санитарии и гигиены.

В целом по Енисейской губернии в 1910 г. количество начальных училищ возросло до 473 с 25 362 учащимися, более чем в два раза по сравнению с 1906 г. На содержание училищ выделялось 505 575 р., в том числе из государственной казны – 272 212 р., из местных источников – 233 263 р. Число школ стремительно росло, ежегодно открывалось 56 новых школ. И всё же их общее количество (781 школа к 1916 г.) не могло удовлетворить потребности населения в образовании. В 1915 г. в губернии проживало детей в возрасте с 8 до 11 лет 87 521 чел. Получали образование 39 273 чел., из них 28 934 чел. в школах МНП, остальные обучались в церковно-приходских и частных школах. За рамками образования оставались 48 248 чел., что составляло 55,1 % от общего числа детей школьного возраста.

В Иркутской губернии в 1913 г. насчитывалось 584 начальных школы с 25 687 учащимися, на содержание училищ расходовалось 731 469 р., в том числе 367 110 р. – из государственного казначейства, 364 359 р. – из местных источников. В среднем в губернии в год открывалось по 57–60 начальных училищ. Однако не все дети смогли пойти в школу. Так, в городское четырёхклассное императора Александра III училище не были приняты: в 1909 г. – 91 чел., в 1910 г. – 114 чел., в 1911 г. – 97; в зачислении в городское пятиклассное училище было отказано: в 1909 г. – 70 ученикам, в 1910 г. – 78, в 1911 г. – 79⁴⁵. Одной из причин становится недостаток мест. В 1915 г. в Иркутской губернии из 66 186 детей школьного возраста не обучались 28 244 чел. (43 % от общего числа детей школьного возраста).

В Забайкальской и Якутской областях распространение всеобщего начального образования проходило ещё более замедленными темпами, чем в Иркутской и Енисейской губерниях. По данным Забайкальского областного статисти-

⁴⁵ Иркутское городское начальное училище им. М. В. Ломоносова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://irkipedia.ru> (дата обращения: 31.07.2016).

ческого комитета, к 01.01.1911 г. количество населения в области достигало 896 380 чел., из них (округлённо) крестьян – 254 000 чел. (34 %), казаков – 243 000 чел. (28 %), инородцев – 229 000 чел. (23 %), городского населения – 146 000 чел., пришлого населения – 38 000 чел. Каждая социальная группа имела свои особенности бытовой жизни и разный уровень потребности в образовании.

Казаки проживали на всей территории области, кроме Верхнеудинского и Баргузинского уездов. Имели 62 станицы и 505 посёлков, в которых действовало 53 сельских двухклассных и 116 сельских одноклассных училищ, четырёхклассное городское училище в Сретенске. Обучались 7960 учащихся – 6133 мальчика и 1827 девочек. В среднем на каждое училище приходилось 39 учащихся. Школы отсутствовали в 230 казачьих населённых пунктах, не получали образование 12 340 детей (56 %) в возрасте с 8 до 11 лет³⁴.

Крестьяне проживали преимущественно в Верхнеудинском и Читинском уездах. В крестьянских волостях насчитывалось 132 школы с 4187 учащимися (3272 мальчика, 915 девочек). - В Зюльзинском, Кабанском, Нерчинско-Заводском, Петровско-Заводском действовали городские начальные училища по Положению 1872 г. Школы отсутствовали в 75 населённых пунктах, где 25 селений достаточно многолюдны с преобладанием «семейских»³⁵. Основным препятствием к расширению школьной сети являлось нежелание «семейских» открывать у себя в селениях школы. Положение усугублялось и увеличением количества переселенцев из Европейской России, устремившихся вместе с семьями на строительство железной дороги.

Крайне остро обозначилась проблема открытия школ для коренного населения. По данным гласного инспектора училищ, в инородческих школах получало образование всего 2082 чел. (1700 мальчиков и 382 девочки), 17 640 детей в школу не посещали (89 %). Всего насчитывается 36 инородческих

³⁴ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 1 – Д. 145 – Л. 22

³⁵ Там же

училищ. Для удовлетворения потребности в образовании требовалось открыть 353 школы. Необходимо отметить, что кочевой образ жизни и значительное расстояние поселений друг от друга требовали открытия при школах общежитий.

Проблемы образования в Забайкальской области стали причиной совещания, состоявшегося в июне 1912 г. в Иркутске. На совещании присутствовали главный инспектор народных училищ Г. П. Василенко, директор народных училищ Забайкальской области В. В. Попов, директор Читинской учительской семинарии Н. К. Сергиевский, председатель войскового хозяйственного правления Забайкальского казачьего войска полковник И. Н. Толстихин, председатель Забайкальского епархиального училищного совета протоиерей А. И. Соболев, Забайкальский епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ и школ грамоты протоиерей А. А. Попов, агроном войскового хозяйственного правления ЗКВ В. К. Генерозов, советник войскового хозяйственного правления ЗКВ Е. Е. Бакшеев, инспектор народных училищ первого района Забайкальской области Н. А. Соколов³⁴⁸.

Ключевой темой совещания стало обсуждение проблемы образования казаков. Г. П. Василенко отмечал: «Задачей настоящего совещания является вопрос о поднятии на должную высоту школ Забайкальского казачьего войска, которое здесь на Востоке является передовым оплотом России, в случае возникновения войны первое выносит на себе невзгоды последней»³⁴⁹. По решению участников совещания, 60 % открываемых ежегодно в Забайкальской области школ должны находиться в казачьих селениях. Всего предполагалась ввести в действие 150 школ. Учителя школ в казачьих селениях дополнительно получали средства от Войскового правления. Каждой казачьей школе отводилось дополнительно до 15 десятин земли для обеспечения учителя. Для поддержки детей малоимущих казаков были организованы школьные попечительства. В казачьих школах увеличили количество ремесленных

³⁴⁸ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 145. – Л. 22.

³⁴⁹ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 145. – Л. 22.

отделений, ввели изучение сельского хозяйства, географии и истории Забайкалья, гигиены. Для обеспечения национальной школы учителями в программу Читинской учительской семинарии ввели обязательное изучение бурятского языка.

Принятые меры привели к незначительному увеличению числа начальных училищ в 1911 г. – 400, в 1912 г. – 414, в 1913 г. – 428, в 1914 г. – 445³⁵⁰. В среднем ежегодно открывалось по 15 училищ, что было в три раза меньше, чем в Енисейской и Иркутской губерниях. Из 83 412 детей не получали образование 53 845 чел. (65 %).

Якутская область по площади занимала 3 482 533 кв. км с населением 269 880 чел. В 1908 г. в Якутии насчитывалось 46 начальных школ ведомства МНП. Все учебные заведения содержались преимущественно за счёт казны, в год государство ассигновало в среднем 80 000 р. Так же, как и в Забайкальской области, образование в городе находилось на более высоком уровне развития за счёт деятельности реального училища, городского четырёхклассного училища, женской гимназии. В 1911 г. учителям начальной школы разрешили организовывать и контролировать содержание общежитий. На каждого ученика выделили 85 р. в год из местных средств³⁵¹. При наличии средств у родителей в пансион принимались ученики при условии годовой оплаты. Оплата могла взиматься натуральными продуктами. Принятые меры привели к увеличению начальных училищ фактически в два раза, в 1915 г. их количество увеличилось до 93 с 3227 учащимися, что составило 10,8 % от общего количество детей школьного возраста.

Для обеспечения новых школ учителями в 1909 г. в Иркутске открылся учительский институт, в Якутске – двухгодичные педагогические курсы. К 1915 г. в начале работу две учительские семинарии в Минусинске и Александровском Заводе³⁵². В 1917 г. семинарии открылись в Верхнеудинске,

³⁵⁰ ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 150. – Л. 75.

³⁵¹ Студенцов Г. В. Народное образование в дореволюционной Якутии // Культурная революция в Якутии (1917–1934 гг.): сб. документов и материалов. – Якутск: Якуткнигиздат, 1968. – С. 14–18.

³⁵² ГАЗК. – Ф. 71. – Оп. 1. – Д. 421. – Л. 51.

Сретенске, Киренске, Балаганске и в с. Тулунском³⁵³. Однако, несмотря на увеличение педагогических учебных заведений, недостаток учителей сохранялся. С началом Первой мировой войны многие учителя были мобилизованы в действующую армию, что ещё более усугубило положение. В целом в Восточной Сибири к 1 января 1916 г. действовало 1690 начальных училищ. В учебном процессе задействованы 1725 учителей, образование получали 110 029 учащихся.

В результате модернизационных процессов начальной школы в Восточной Сибири происходит унификация её организационной основы. Устраняется конгломератность, формируются системные связи между структурными элементами. Система приобрела законченный вид, что позволило завершить интеграцию региональной системы с общероссийской. Увеличение финансирования привело к росту числа начальных школ и количеству обучающихся детей. Постепенно сокращался процент безграмотного населения в крае. В то же время обширная и малозаселённая территория лишала возможности внедрения европейской школьной сети по принципу трёхвёрстного радиуса, в Якутской области и ряде районов генерал-губернаторства данный проект не мог быть осуществлен в принципе. Развёрнутое в крае школьное строительство нуждалось в законодательной базе. Требовались типовые планы строительства, штат школьных архитекторов. Пёстрый социальный состав населения Забайкальской области и её приграничное положение определили ряд особенностей местного образования. Приоритетное развитие получили школы в казачьих посёлках. Крайне медленно развивалось школьное строительство в старообрядческих и инородческих волостях. Таким образом, начальное образование подверглось наибольшей степени модернизации, но особенности геополитического положения Восточной Сибири тормозили её развитие.

³⁵³ Меньшиков Л. П. Педагогические учебные заведения Иркутской губернии - Иркутск: Изд-во ИГКРО, 2000. - 24 с.

2.3. Модернизационные векторы развития средней школы Восточной Сибири

Средняя школа в Российской империи являлось объектом пристального внимания государства. Изначально представленная мужскими гимназиями, она являлась одним из ключевых элементов подготовки правящей элиты государства. Нередко гимназии становились ареной столкновения противоборствующих политических течений, что особенно ярко проявилось в контексте капиталистической модернизации. Стремясь к качественному образованию, общество столкнулось с противодействием со стороны консервативных властей в сфере среднего образования. Под воздействием столкновения общественных и государственных интересов на базе средней школы сформировалось классическое и реальное образование, получило развитие женское образование. Дифференциация системы определила модернизационные векторы её развития в целом.

Первые гимназии в Российской империи возникли в качестве подготовительных отделений при университетах в XVIII в. И. Алешинцев относительно первых гимназий писал: «Учебный строй их не был однообразным, возникновение их было случайно, и, если угодно, они были больше специальной пристройкой к университету, чем средней самостоятельной школой»³⁵⁴.

Развитие гимназического образования продолжилось в начале XIX в. в контексте образовательных реформ Александра I. Усовершенствованные гимназии становятся объектом государственного внимания и находятся на содержании государства. Учебные заведения, разделённые на три разряда в зависимости от местоположения, получали казённое обеспечение. Гимназиям первого разряда выделяли в год 6650 р., второго – 6150 р., третьего – 5650 р.³⁵⁵ В первой чет-

³⁵⁴ Алешинцев И. История гимназического образования в России (XVIII и XIX вв.). – СПб., 1912. – С. 8.

³⁵⁵ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802–1902 гг. – СПб., 1902. – С. 79.

верти XIX в. в стране приступили к работе 32 гимназии с 2838 учащимися³⁵⁶.

Открытие первой гимназии в Восточной Сибири в Иркутске хронологически соответствовало процессу, начавшемуся в Европейской России. Заметим, что преобразование Иркутской губернской гимназии состоялось по инициативе властей. По распоряжению попечителя Казанского учебного округа С. Я. Румовского в 1805 г. главное народное училище в Иркутске преобразовано в губернскую гимназию первого разряда с пансионом для учащихся, что можно считать началом формирования системы среднего образования. По поводу открытия гимназии в Иркутске состоялся крестный ход³⁵⁷. Гимназия разместилась в двухэтажном каменном здании бывшего народного училища, построенного по проекту архитектора А. И. Лосева. Здание находилось на Морской улице вблизи от пересечения её с Харлампиевской улицей. В 1840-х гг. учебные помещения дополнились новыми двух- и трёхэтажными строениями по проекту А. В. Васильева, в 1905 г. – новым корпусом в классическом стиле архитектора В. А. Рассушина³⁵⁸. Помещения гимназии представляли собой совокупность учебных зданий, квартир преподавательского состава, общежития для учащихся и хозяйственных построек. Комплекс занимал половину квартала между улицами Свердлова (бывшая Баснинская), Ленина (бывшая Амурская) и Горького (бывшая Харлампиевская). На протяжении столетия гимназия не меняла местоположение. Инспектируя в 1914 г. учебные заведения Иркутска, П. Э. Соколовский отмечал «...настоящее наслонение целого ряда старых и новых построек, составляющих обширный лабиринт множества бессистемно и без определённого плана нагромождённых комнат и коридоров, из кото-

³⁵⁶ Егоров А. Д. Гимназическое образование в России: ист. очерк. – Иваново, 1990. – С. 13.

³⁵⁷ Иркутская летопись (летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова), с предисловием, добавлениями и примечаниями И. И. Серебренникова. – Иркутск, 1911. – С. 191.

³⁵⁸ Колмаков Ю. П. Здания бывшей Иркутской мужской гимназии – историко-революционный памятник [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.paplit-baikal.ru> (дата обращения: 22.08.2016).

рых некоторые составляют даже тупики»³⁵⁹. Но, несмотря на указанные недостатки, инспектор отметил хорошее состояние помещений.

В гимназии преподавались: российская словесность, математика, физика, общая история, естественная история, география, логика, статистика, рисование, французский, немецкий, греческий и латинский языки, танцы. Гимназия располагала богатейшей библиотекой, доставшейся ей от главного училища. Она состояла из изданий на русском, латинском, греческом, немецком, французском, китайском и маньчжурском языках. Ценным приобретением для гимназии стала знаменитая французская энциклопедия Даламбера-Дидро в 17 томах с приложением в 11 томах. В 1863 г. библиотека гимназии насчитывала 2109 названий книг и журналов в 5280 томах. Физический и математические кабинеты были «обеспеченные многими редкостями»³⁶⁰. Первым директором был назначен Е. Ф. Кранц. По сведениям Иркутской летописи среди первых преподавателей гимназии были Бельшев, Флорианский³⁶¹.

Преобразования 1828 г. усложнили процедуру открытия гимназий. Необходимость первоначальных вложений на устройство учебного заведения из местных средств, получение разрешения на открытие от министра народного просвещения становятся, по сути, непреодолимым препятствием. Даже при наличии средств на неоднократные ходатайства горожан Восточной Сибири об открытии гимназий из Министерства неизменно отвечали отказом, считая ходатайства преждевременными. Так, в 1852 г. генерал-губернатор Н. Н. Муравьев-Амурский на предложения Второго Сибирского комитета об увеличении числа гимназий в Восточной Сибири ответил отказом. По этому поводу генерал-губернатор писал: «...совершенно убедился в необходимости чтобы управление та-

³⁵⁹ Соколовский П. Э. Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае. — Харьков: Тип. Зильберберг и С-ва, 1914. — С. 219.

³⁶⁰ Семивский Н. В. Новейшие, любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири. — СПб., 1817. — С. 16.

³⁶¹ Иркутская летопись (летопись П. И. Пежемского и В. А. Кротова), с предисловием, добавлениями и примечаниями И. И. Серебрянникова. — Иркутск, 1911. — С. 191.

мошнее состояло не из сибирских уроженцев. ... В этих же смыслах и убеждениях я нахожу пока излишним увеличивать число гимназий и уездных училищ»³⁶². Спустя 30 лет позиция местной власти не изменилась. Генерал-губернатор А. П. Игнатьев писал: «Число средних учебных заведений и состояние их следует признать соответствующим современным требованиям края... и ввиду стремления некоторых городов заводить у себя новые средние учебные заведения или преобразовывать существующие прогимназии в гимназии – приходится отклонять ходатайства как преждевременные»³⁶³. Отношение местных властей к классическому среднему образованию можно объяснить спецификой социального состава Восточной Сибири, слабо заселённой русскими, среди которых часть ссыльнокаторжных. Обеспечивая деятельность восточносибирской администрации за счёт прибывших из Европейской России чиновников, губернаторы не видели необходимости в развитии системы среднего образования.

Развитие гимназического образования приходится на вторую половину XIX в. С усилением модернизационных процессов потребность в грамотных специалистах в различных сферах экономики и управления возрастает. Под влиянием социально-экономического фактора происходит дифференциация среднего образования. Классические гимназии и прогимназии становятся одним из направлений развития среднего образования. Число классических гимназий неуклонно растёт. Так, в 1881 г. в стране действовали 133 гимназии и 82 прогимназии, в 1895 г. – 167 гимназий и 58 прогимназий, в 1903 г. – 208 гимназий и 35 прогимназий³⁶⁴. В Восточной Сибири процесс открытия новых гимназий проходил крайне медленно.

Вторая по счёту гимназия открылась в Красноярске по инициативе населения. В 1856 г. вдова золотопромышленника Никиты Федоровича Мясникова обратилась в Министерство

³⁶² РГИА. – Ф. 733. – Оп. 84. – Д. 95. – Л. 55.

³⁶³ Там же. – Ф. 1284. – Оп. 223. – Д. 218. – Л. 17–33

³⁶⁴ Обзор деятельности Министерства народного просвещения за время царствования императора Александра III (со 2 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г.) – СПб. Гос. тип., 1901. – 676 с.; Всеподданнейший отчёт министра народного просвещения за 1903 г. – СПб., 1905. – С. 778.

народного просвещения с ходатайством о передаче своего дома под помещение для гимназии. Однако наследники Анны Васильевны Мясниковой оспорили пожертвование и вопрос об открытии гимназии отложили на неопределённое время. В 1864 г. по инициативе губернатора Енисейской губернии Павла Николаевича Замятина создаётся временный комитет по устройству гимназии, который занялся сбором средств. Комитет возглавил председатель Енисейского губернского правления статский советник Василий Васильевич Гаупт. В состав комитета входили Ф. В. Ефимов – председатель губернского суда, М. И. Чебаков – смотритель Красноярского уездного училища, А. М. Неклюдов – губернский архитектор. К февралю 1865 г. члены комитета предложили открыть в Красноярске полуклассическую гимназию. Первоначально предполагалось открыть два первых класса, увеличивая их количество с каждым годом на класс. Общее количество учащихся определили в составе 80 чел., из них 12 казённокоштных и 68 своекоштных. Также предполагалось открытие пансиона на 26 воспитанников.

Относительно поступления пожертвований на открытие гимназий существует два противоположных свидетельства. Историк-архивист XIX в. Н. Н. Бакай отмечал, что средства собрали быстро, «без неприятной и хлопотной переписки»³⁶⁵. В Енисейской летописи говорится о применении со стороны П. Н. Замятина давления на купеческое сообщество. Тем не менее, к концу 1865 г. комитет располагал пожертвованиями на сумму 36 646 р., на которые был куплен двухэтажный каменный дом Стефана Федоровича Каратанова. В 1881 г. здание Красноярской гимназии сгорело. Временно занятия проводились в ремесленном училище Щеголева. В 1889 г. по проекту архитектора Климова началось строительство нового двухэтажного каменного здания по ул. Благовещенской (ныне ул.

³⁶⁵ Здание мужской гимназии. Архитектура Красноярска [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krasplace.ru/zdanie-muzhskoj-gimnazii> (дата обращения: 23.08.2016)

Ленина). На строительство нового помещения почётный попечитель гимназии Иван Герасимович Гадалов внёс 17 000 р. В 1891 г. строительство закончилось.

26 июня 1867 г. среднее образование Восточной Сибири пополнилось ещё одним учебным заведением. По инициативе губернатора Якутской области Аполлона Давидовича Лохвицкого Якутское уездное училище преобразовали в классическую прогимназию с шестилетним сроком обучения. В 1872 г. для Якутской прогимназии построено двухэтажное деревянное здание. Помещение было особенным, т. к. в середине XIX в. в Якутии запрещалось строить двухэтажные жилые здания из-за неизученности вечной мерзлоты. Здание построили с разрешения специальной технической комиссии на бутовом ленточном фундаменте. Оно располагалось на высоком месте у озера, до 1867 г. этот участок земли принадлежал Российско-американской компании, ныне это ул. Кулаковского. В начале 2000-х гг. здание законсервировано, в 2014 г. в результате пожара уничтожено³⁶⁶.

В 1869 г. в прогимназии обучался 51 ученик, из них 10 якутов. К 1887 г. количество учащихся увеличилось в два раза и составило 116 учеников, среди которых обучались 34 якута. За период своего существования Якутская прогимназия осуществила 15 выпусков из 52 выпускников³⁶⁷. Незначительное количество выпускников связано с большим процентом выбывших учащихся. Причинами отчисления из прогимназии зачастую становились неуспеваемость, недостаток средств на обучение, заболевание учащегося. Из отчётов педагогического совета прогимназии известно, что неуспевающие ученики не справлялись в основном с изучением древних языков. Латинский язык трудно давался якутским учащимся, большинство из них плохо говорили на русском, преподаватели не знали якутского языка. В 1891 г. прогимназию преобразовали в реальное училище.

³⁶⁶ Лебедев А. Якутск, который мы потеряли [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.nvpress.ru/society/10794> (дата обращения: 24.08.2016)

³⁶⁷ Афанасьев В. Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии – Якутск Якуткнигиздат, 1966. – С. 141.

В 1876 г. в Енисейске по инициативе городской думы открылась мужская шестиклассная прогимназия с содержанием от государства в 19 185 р. в год.³⁶⁸ Трёхэтажное каменное здание Енисейской прогимназии было самым высоким в городе к моменту окончания постройки в 1886 г. Затраты на строительство прогимназии составили 81 118 р., значительную часть суммы – 50 000 р. – внёс купец первой гильдии И. П. Кытманов. Ныне здание прогимназии располагается по ул. Ленина. В первое десятилетие XX в. Енисейская прогимназия преобразована в полную гимназию.

Последней гимназией, открытой в Восточной Сибири, стала Читинская мужская гимназия. Чита являлась единственным административным центром, где не было среднего мужского учебного заведения. Губернатор отмечал, что для гражданской службы Забайкальской области в 1874 г. требовалось 164 чиновника. Кроме того, в 1872 г. казачьи школы были переданы в ведение Министерства народного просвещения и приведены в соответствие с нормами Устава 1828 г., следовательно, произошло упразднение гарнизонных и батальонных школ, и казачество лишилось возможности подготовки офицерских кадров. В 1874 г. военный губернатор Забайкальской области обратился с ходатайством об открытии в Чите мужской гимназии. Он отмечал, что для обеспечения офицерскими кадрами ЗКВ в мирное время требовалось 168 офицеров, в то время как в 1874 г. в войске проходило службу 37 офицеров из войскового правления и 109 переведённых из центральной России. На перевод казна израсходовала 105 000 р., что, по мнению губернатора «не достигает требуемой цели ... по простужении обязательного срока выбывают в войско Европейской России и женатые преимущественно потому что не имеют возможности дать детям среднее образование»³⁶⁹. Решение кадровых проблем губернатор видел в открытии гимназии в Чите. Однако просьба была отклонена правительством.

В 1880 г. Читинская городская дума выделила для организации Читинской гимназии 9000 р. одновременно, 4087 р. –

³⁶⁸ Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1876. – Ч. 183. – С. 41.

³⁶⁹ ГАЗК. – Ф. 61. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 12.

на содержание пансиона и 2500 р. ежегодно на увеличение жалования преподавателям «для привлечения лучших»¹⁷⁰ В повторном ходатайстве губернатор области писал: «Принимая во внимание, что политические обстоятельства в настоящем времени совершенно изменились, ... открытие в Чите гимназии ... может подготовить для Забайкальской области как способных офицеров, так и гражданских чиновников»¹⁷¹. Однако и в 1880 г. последовал отказ, мотивированный отсутствием средств в казне. Разрешение на открытие гимназии в Чите с пансионом получено в 1884 г. Заметим, что только гимназии Иркутска и Читы имели пансионы. К открытию гимназии населением Забайкальской области было собрано 148 720 р., из них 128 661 р. внесли инородческие степные думы¹⁷². Собранные средства пошли на строительство учебного помещения.

В 1891 г. на открытии нового здания гимназии присутствовал будущий император Николай II. Двухэтажное каменное здание Читинской гимназии возводилось по проекту архитектора Рузовского. На втором этаже проводились занятия, на первом располагался пансион. Гимназия располагала комплексом построек различного назначения, где размещались квартиры персонала гимназии, баня, кухня для пансиона, церковь. К 1909 г. в связи с увеличением количества параллельных классов пансион перевели в отдельное здание. Сегодня в бывшей мужской гимназии располагается корпус медицинской академии.

Таким образом, во второй половине XIX в. в контексте городской инфраструктуры Восточной Сибири появляются гимназии. Активность городского населения, подкрепленная материальной поддержкой, становится важнейшим фактором в становлении и развитии гимназического образования. Население, а особенно купечество, заинтересованное в качественном образовании, не скупилось на средства. Все гимназии располагались в каменных архитектурных ансамблях, отвечающих градостроительным новациям того времени. Мне-

¹⁷⁰ ГАЗК. – Ф. 61. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 108.

¹⁷¹ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 162. – Д. 20. – Л. 21.

¹⁷² ГАЗК. – Ф. 61. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 108.

ние Т. К. Щегловой о материальной культуре как индикаторе модернизационных явлений является справедливым и для школьного строительства³⁷³. Школьная архитектура становится материальным выражением модернизационных процессов в городской среде и показателем степени значимости среднего образования для городского населения.

Деятельность гимназий обеспечивалась за счёт государства и частично местных средств. В 1868 г. на содержание Иркутской гимназии из казны выделено 29 906 р., плата за обучение составила 2233 р., за проживание в пансионе – 6093 р. и ежегодные благотворительные взносы от И. С. Хаминова – в размере 2000 р.³⁷⁴ Таким образом, соотношение государственных и общественных средств составило 65 % и 35 % соответственно.

В 1881 г. в совокупности на содержание Иркутской и Красноярской гимназии, Енисейской и Якутской прогимназий выделялось из государственной казны 47 432 р., от городских обществ поступлений не было, плата за обучение составила 2987 р., проценты с вкладов – 3880 р., единовременные пожертвования – 19 524 р., иные источники – 1747 р. Всё вместе составляло 75 570 р. в год, из них 57 723 р. приходилось на гимназии и 17 838 – на прогимназии. Соотношение средств государства и общества составило 63 и 37 % соответственно. В 1894 г. содержание Красноярской и Иркутской гимназии и Енисейской прогимназии составляло 86 104 р., из них 60 872 р. поступало из казначейства, 1285 р. – от городских обществ, 6361 р. – плата за содержание в пансионе, 10 628 р. – за обучение, 1770 р. – проценты с вкладов, 1451 р. – единовременные пожертвования, 1800 р. – иные источники³⁷⁵. Стоимость содержания Читинской гимназии в 1894 г. составила

³⁷³ Щеглова Т. К. Сельское предпринимательство и его влияние на материальную культуру алтайской деревни в условиях модернизации (начало XX века) // Современное историческое сибиряковедение XVII – начала XX в.: сб. науч. тр. / под ред. Ю. М. Гончарова. – Барнаул: Аз Бука, 2005. – С. 206–225.

³⁷⁴ ГАИО. – Ф. 67. – Оп. 6. – Д. 17. – Л. 21.

³⁷⁵ Обзор деятельности Министерства народного просвещения за время царствования императора Александра III (со 2 марта 1881 г. по 26 октября 1894 г.) – СПб.: Гос. тип., 1901. – 676 с.

12 750 р., из них 960 р. – плата за обучение. В совокупности на гимназии и прогимназии Восточной Сибири в 1894 г. было выделено 98 854 р., из них 73 622 р. поступало из казначейства, что в соотношении с общественными средствами составляло 74 и 26 % соответственно³⁷⁶. В 1903 г. на содержание гимназий и прогимназий выделялось 150 690 р., из них 103 027 р. составляли средства казны, оплата пансиона – 6744 р., плата за обучение – 29 076 р., проценты с вкладов – 3612 р., единовременные пожертвования – 6680 р., иные поступления – 1547 р. Доля государственных средств составляла 68 %³⁷⁷.

Обобщая статистические данные, необходимо отметить, что государственное участие в содержании мужских гимназий и прогимназий в Восточной Сибири в среднем составляло 63 %, в Европейской России – не более 53 %. Как видно, на содержание восточносибирских гимназий выделялось больше государственных средств. Существует мнение, что данное обстоятельство объясняется отсутствием в Восточной Сибири земских органов управления и низким уровнем благосостояния населения. С данным утверждением можно согласиться лишь отчасти. Политика государства в области мужского гимназического образования в Восточной Сибири отличалась консервативной позицией. С момента открытия последней гимназии в Чите в 1884 г., несмотря на многочисленные ходатайства сибирской администрации об открытии новых гимназий, центральные власти отвечали неизменно отказом. В процессе длительной интеграции региона в общероссийское пространство государство, не допуская общественность к управлению гимназиями, сохраняло приоритет в среднем образовании, что определило увеличение расходов на его содержание.

Местное финансирование формировалось из поступлений от городских обществ, платы за обучение и проживание в пансионе, благотворительных взносов. Стоимость обуче-

³⁷⁶ Обзор деятельности Министерства народного просвещения за время царствования императора Александра III (со 2 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г.) – СПб. Гос. тип., 1901. – 676 с.

³⁷⁷ Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1903 г. – СПб., 1905. – С. 778.

ния в первые годы деятельности Иркутской гимназии долгое время оставалась стабильной, не превышая 5 р. в год. Первое увеличение стоимости до 10 р. в год произошло в 1857 г. Со второй половины XIX в. размер оплаты неуклонно возрастал. В 1868 г. в Иркутской гимназии она составляла 25 р. в год¹⁷⁸. В 1880 г. Иркутске за обучение вносили 30 р., в Красноярской гимназии и Енисейской прогимназии – 20 р. в год, в 1890 г. в Иркутской гимназии и Енисейской прогимназии – 40 р., в Читинской и Красноярской – 20 р. в год¹⁷⁹. В 1911 г. оплата за обучение в Иркутской гимназии возросла до 65 р. и являлась самой высокой в регионе¹⁸⁰. В 1915 г. в Чите плата за обучение одного ученика составляла 60 р. в год, проживание в пансионе – 330 р. в год. Со второй половины XIX в. вновь поступившие платили 76 р. единовременно для покупки необходимых принадлежностей. Рост стоимости обучения вызван увеличением числа учащихся и необходимостью содержания параллельных классов.

Суммы пожертвований составляли от сотни рублей до нескольких сотен тысяч. Крупные пожертвования размещались в государственных ценных бумагах и на банковских счетах. Вложенный капитал оставался неприкосновенен, в то время как проценты расходовались на нужды гимназии. Чаще всего с процентов выплачивались стипендии для нуждающихся гимназистов либо для поощрения отличников. Стипендиям присваивались имена членов императорской фамилии, губернаторов, почётных граждан. Как правило, императорские стипендии собирались местным обществом или инородческими думами в честь памятных дат и событий. Информация об учреждённых стипендиях публиковалась в журнале министерства народного просвещения.

В Иркутской гимназии выплачивались следующие стипендии. Проценты с вклада В. П. Базановой (Кельх) в размере 26 100 р. распределялись на три стипендии. Стипендия им. Его Императорского высочества князя Алексея Александровича,

¹⁷⁸ ГАИО. – Ф. 63 – Оп. 6 – Д. 17 – Л. 28.

¹⁷⁹ РГИА. – Ф. 733 – Оп. 203 – Д. 3061 – Л. 43; Там же. – Д. 3077. – Л. 76

¹⁸⁰ ГАИО. – Ф. 63 – Оп. 5 – Д. 13 – Л. 15

размещённая в ценных бумагах на сумму 3100 р., выплачивалась нуждающимся ученикам. В 1880 г. на проценты с вклада в размере 1025 р., собранного местными жителями, учреждена стипендия им. генерал-адъютанта барона П. А. Фредерикса³⁸¹. Стипендия предназначалась на оплату обучения и покупку учебных принадлежностей нуждающегося гимназиста, имевшего отличия в учебе. В 1882 г. жителями Забайкальской области собранная сумма в размере 9 427 р. передана Иркутской гимназии для учреждения стипендии им. бывшего губернатора Забайкальской области генерал-лейтенанта И. К. Педашенко. Стипендия предназначалась гимназистам из Забайкальской области. Согласно положению, стипендиат ежегодно получал на содержание 300 р., 150 р. проездных и 200 р. при окончании гимназии в качестве подъёмных средств. Окончив обучение, он был обязан отработать в Забайкальской области три года на гражданской службе³⁸². После открытия Читинской гимназии стипендия была передана в Читу. Две стипендии предназначались для выпускников Иркутской гимназии, продолживших обучение в университете. Одна из них учреждена в 1865 г. в честь бывшего директора гимназии Константина Петровича Бобановского. Сумма вклада составляла 11 000 р.³⁸³ Вторая основана в 1890 г. купцом 1-й гильдии Павлом Андреевичем Пономаревым на сумму 11 000 р., с присвоением имени иркутского цехового А. В. Пономарева (отца дарителя). Размеры выплаты составлял 470 р. в год с дополнительной оплатой на обмундирование и дорожные расходы стипендиата³⁸⁴.

В 1871 г. в Красноярской гимназии учреждена стипендия им. генерал-майора Павла Николаевича Замятникова. Сумма вклада составляла 3275 р., процент с которого предназначался для учащихся в гимназии сирот³⁸⁵. В 1879 г. Красноярская гимназия получила пожертвования от семьи Щеголевых. Иннокентий Сидорович Щеголев внёс вклад в размере 5500 р.,

³⁸¹ Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1880. – Ч. 209. – С. 7.

³⁸² Там же. – Ч. 219. – С. 376.

³⁸³ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 203. – Д. 3173. – Л. 67.

³⁸⁴ Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1890. – Ч. 268. – С. 11.

³⁸⁵ Там же. – Ч. 159. – С. 13.

который обеспечивал ежегодную стипендию в 250 р. Две стипендии носили имя почётной гражданки Татьяны Ивановны Щеголевой. Проценты с 4300 р. составляли стипендию в размере 200 р. Также гимназия располагала вкладом в 2000 р. в честь Александра и Елены Молотилиных, пожертвованный их матерью Анфисой Александровной Сергеевой³⁸⁶. В 1902 г. Иулита Токарева завещала гимназии 2000 р. на учреждение стипендии им. Ивана и Иулиты Токаревых.

Читинская гимназия к 1915 г. располагала следующими вкладами. Стипендия им. Великого князя Алексея Александровича (35 400 р.), собранная станичными обществами ЗКВ, распределялась на четыре стипендии для детей служащих казаков. В 1915 г. стипендию получали Иннокентий Котельников, Василий Филиппов, Петр Пешков, Кирилл Зябликов. Стипендия им. губернатора Забайкальской области Л. И. Ильяшевича (22 000 р.), собранная инородцами и ламами Агинского и Цугольского дацанов для обучения двух инородцев в пансионе. Стипендии получали Буда-Дари Димчиков и Юндун Нимаев. Стипендия им. губернатора Забайкальской области И. К. Педашенко (17 700 р.), собранная жителями всех сословий для обучения в пансионе одного стипендиата. Стипендию получал Александр Пестерев. Стипендия им. приамурского генерал-губернатора барона А. Н. Корфа (8000 р.), собранная в 1889 г. родоначальниками и почётными бурятами всех родов Агинской степной думы на обучение одного стипендиата. Стипендию получал Сыпил Зодбоев. Стипендия Кяхтинского купечества (3700 р.), собранная кяхтинскими купцами в память посещения наследником цесаревичем Забайкалья в 1891 г. для обучения одного стипендиата. В 1915 г. стипендию получал Иннокентий Кемеров. Стипендия им. императора Александра III (7900 р.), собранная инородцами Урульгинской степной думы для одного обучающегося от степного ведомства. Стипендию получал Василий Богомятков. Стипендия имени бывшего начальника Забайкальского почтово-телеграфного округа, действительного статского советника Г. Ф. Даниле-

³⁸⁶ РГИА. – Ф. 733 – Оп. 203 – Д. 3173 – Л. 67

вича (1200 р.) для детей служащих в почтово-телеграфном ведомстве Забайкальской области. Стипендию получал Василий Гессенкович. Стипендия Верхнеудинского станичного правления для детей воннов, погибших на войне с Японией в 1904–1905 гг. Сумма не указана. Стипендия не выдавалась в 1915 г.³⁸⁷

Обобщая данные по единовременным пожертвованиям, заметим, что социальная среда благотворителей представлена достаточно пёстро. Средства собирали всем населением, дарили купцы, завещали почётные граждане, государственные деятели. Многие вклады превышали годовое содержание одной гимназии. По сути, учредители стипендий отражали заинтересованность определённых групп населения в классическом образовании, в частности, казаков, инородцев, купцов, чиновников, мещан. Отметим отсутствие среди благотворителей представителей крестьянского сословия. Гимназии являлись продуктом урбанизации. Они открывались в городах и обеспечивали нужды преимущественно городских сословий.

Гимназии, являясь своего рода центрами для подготовки будущей управленческой элиты государства, никогда не испытывали недостатка учащихся. Начиная с первых лет существования гимназий и прогимназий, наборы в подготовительный и первый класс были многочисленными. Количество учащихся неуклонно возрастало. В 1867 г. в Иркутской гимназии обучались 219 чел., в Красноярской – 94 чел., в Якутской прогимназии – 71 чел.³⁸⁸ В 1881 г. в гимназиях обучались 641 чел., в 1890 г. – 773 чел. В 1895 г. количество учащихся уменьшилось до 725 чел. за счёт преобразования Якутской прогимназии в реальное училище. В Иркутской гимназии обучались 363 чел., в Красноярской – 274 чел., в Енисейской прогимназии – 88 чел.³⁸⁹ В 1914 г. в Красноярской гимназии обучались 550 чел., в Читинской – 510 чел., в Иркутской гимназии – 823 чел.³⁹⁰ В условиях роста числа учащихся гимна-

³⁸⁷ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 54. – Л. 32–33.

³⁸⁸ Там же. – Л. 111.

³⁸⁹ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 203. – Д. 3077. – Л. 15

³⁹⁰ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 5. – Д. 13 – Л. 15.

зии вынуждены были ограничивать наборы учащихся. Так, в 1912 г. в Красноярской гимназии из 207 чел. 126 сдали вступительные экзамены, к обучению допущены только 81 чел. Остальным поступившим было отказано из-за недостатка места, в Иркутской гимназии отказано в обучении 104 сдавшим вступительные экзамены мальчикам³⁹¹.

Несмотря на конкурс при поступлении, для гимназий характерной чертой становится высокий процент выбывших учеников до окончания курса. Средняя наполняемость класса — 35–40 чел. — сохранялась до пятого класса. В остальных классах количество уменьшается, в выпускном оставалось менее двух десятков. В 1895 г. до окончания Иркутской гимназии выбыли 36 чел. (10 %), окончили 19 чел. (5,2 %), в Енисейской прогимназии выбыли 22 чел. (25 %), окончили 6 чел. (6,7 %), в Красноярской — выбыли 30 чел. (11 %), окончили 6 чел. (2,2 %)³⁹². В 1900 г. до окончания Иркутской гимназии выбыли 46 чел. (11 %), окончили 18 чел. (4,3 %), в Енисейской прогимназии выбыли 14 чел. (14 %) окончили 5 чел. (5 %), в Красноярской — выбыли 37 чел. (13,6 %), окончили 16 чел. (5,9 %)³⁹³. Основной причиной оттока учащихся можно назвать окончание начального образования в 4-м классе и получение права на сокращение воинской службы. Кроме того, многие учащиеся, получив начальное образование, начинали службу в различных ведомствах мелкими клерками. Процент отчисленных учащихся из-за неуспеваемости или высокой стоимости обучения был невелик. Что касается выпускников гимназий, то они в большинстве поступали в университеты — Томский, Казанский, Санкт-Петербургский, реже — в Московский. В 1911 г. из 77 выпускников продолжили образование 76 или 98 %³⁹⁴. Обобщая данные, отметим высокую степень практической реализации классического образования.

В ученической среде преобладало количество детей из дворянского и чиновничьего сословия. Так, в 1868 г. в Иркут-

³⁹¹ Там же. — Оп. 51. — Д. 564. — Л. 111.

³⁹² РГИА. — Ф. 733. — Оп. 203. — Д. 3077. — Л. 19.

³⁹³ Там же. — Д. 3081. — Л. 4.

³⁹⁴ ГАИО. — Ф. 63. — Оп. 5. — Д. 13. — Л. 15.

ской гимназии обучались 217 чел., из них дворян и чиновников – 143 чел. (64 %), духовенства – 6 чел. (2,3 %), городских сословий – 53 чел. (24,4 %), крестьян – 3 чел. (1,3 %), инородцев – 3 чел. (1,3 %), казаков – 4 чел. (1,8 %), разночинцев – 5 чел. (2,3 %)³⁹⁵. В 1880-х гг. социальный состав учащихся сохранялся. В Иркутске из сословия дворян и чиновников обучались 151 чел., в Красноярске – 95 чел., в Чите – 30 чел., в прогимназиях Якутска – 18 чел., Енисейска – 10 чел. Следующим по численности сословием являлись мещане, купцы и почётные граждане: в Иркутске – 152 чел., в Красноярске – 74 чел., в Чите – 69 чел., в прогимназиях Якутска – 21 чел., Енисейска – 45 чел.³⁹⁶ Численность остальных сословий принципиально не изменилась. В совокупности мы видим, что только в гимназиях Иркутска и Красноярска преобладали дети дворян и чиновников, остальные гимназии преимущественно обучали детей мещан и купцов. К 1895 г. разница в численности учащихся дворян и чиновников с городскими сословиями становится минимальной, менее одного процента. Количество детей из дворянского и чиновничьего сословия составило 227 чел. (44,5 %), духовенства – 27 чел. (4,1 %), городских сословий – 289 чел. (43,7 %), сельских жителей – 38 чел. (5,7 %), казаков – 10 (1,5 %), иностранцев – 3 чел. (0,3 %), прочие – 3 чел. (0,3 %)³⁹⁷. В 1903 г. социальный состав представлен следующими показателями – количество детей из дворянского и чиновничьего сословия составило 430 чел. (47 %), духовенства – 33 чел. (3,6 %), городских сословий – 380 чел. (41,6 %), сельских жителей – 44 чел. (4,8 %), казаков – 20 чел. (2,1 %), иностранцев – 4 чел. (0,4 %), прочие – 1 чел. (0,1 %)³⁹⁸.

На протяжении второй половины XIX в. в восточносибирских гимназиях постепенно сокращался приоритет дворянского и чиновничьего сословия среди учащихся. Социальная

³⁹⁵ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 6. – Д. 17. – Л. 28

³⁹⁶ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 203 – Д. 3073 – Л. 24

³⁹⁷ Обзор деятельности Министерства народного просвещения за время царствования императора Александра III (со 2 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г.). – СПб. Гос. тип., 1901. – 676 с.

³⁹⁸ Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1903 г. – СПб. 1905. – С. 778

состав учащихся заметно демократизировался. В два раза увеличилось количество учащихся из городских сословий. Особо следует отметить рост числа крестьянских детей в гимназиях с 3 чел. в 1868 г. до 44 чел. в 1903 г. Цифры являются показателем медленного проникновения модернизационных процессов в крестьянскую среду. В целом, демократические изменения в ученической среде гимназий во второй половине XIX – начале XX в. соответствовали общероссийской тенденции.

Учебная программа гимназии во второй половине XIX в. неоднократно подвергалась преобразованиям. Последний Устав гимназий и прогимназий 1871 г. закрепил восьмилетний курс обучения с двухгодичной программой в седьмом классе. В процессе обучения гимназисты изучали русский и церковнославянский языки, словесность, краткие основания логики, латинский и греческий языки, математику, математическую географию и физику, краткое естествоведение, историю, географию, французский и немецкие языки, чистописание. К необязательным предметам относились гимнастика, музыка, пение, черчение и рисование. Основными предметами считались древние языки и математика. На изучение латинского языка отводилось 41 % от общего объёма учебной программы. Значительно сократились программы по истории, русскому языку и словесности. Отменено преподавание естествознания в двух младших классах. Методика обучения сводилась к формальному заучиванию существенно сокращённого материала. Учебная программа классических гимназий, по сути, лишлась практической значимости.

В условиях стремительного развития капиталистических отношений, роста производства подготовка выпускников гимназий не соответствовала требованиям модернизирующегося общества. В системе среднего образования объективно сформировались предпосылки для появления нового вектора развития, направленного на формирование практических навыков.

Попытка внедрения в учебные программы профессионально-технических дисциплин впервые была предпринята в 1839 г. При учебных заведениях создавались реальные клас-

сы для «временного преподавания технических наук»³⁹⁹. Классы открывались при гимназиях и уездных училищах Тулы, Курска, Вильно, Риги и Керчи. С 1864 г. новым направлением в системе среднего образования становится реальное образование. Модернизированная учебная программа исключила древние языки и была направлена на углублённое изучение математики и иностранных языков (французский, немецкий). Выпускники сохраняли право поступления в университеты. В 1871 г. направление получает самостоятельное организационное оформление в виде реальных училищ.

Реальные училища создавались как учреждения, осуществляющие неполное среднее образование с профессионально-техническим уклоном. Учебный курс продолжался шесть лет, с разделением пятого и шестого класса на два отделения – основное и коммерческое. В случае необходимости открывался подготовительный класс, а при наличии учащихся, планирующих поступать в высшие технические учебные заведения, при основном отделении открывался ещё один, дополнительный седьмой класс, который делился на три отделения: общее, механико-техническое и химико-механическое⁴⁰⁰. Училища, открывшиеся по распоряжению министра, содержались за счёт государства. Училища, открытые по инициативе земства, общественности или частного лица с разрешения министра, содержались обществом и государством совместно. В таком случае для контроля за расходом общественных средств избирался почётный попечитель. Попечителю «вменялось в обязанности заботиться об улучшении материального состояния училища и о своевременном поступлении сумм, ...а равно предоставляется право контроля за расходованием означенных сумм»⁴⁰¹. Избранные попечители считались на государственной службе в должности пятого класса. Все во-

³⁹⁹ Положение о реальных классах при учебных заведениях Министерства народного просвещения / сост. П. А. Лебедев // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. (до реформ 60-х гг.). – М.: Педагогика, 1987. – 560 с.

⁴⁰⁰ Дерюжинский В. Ф. Полицейское право: пособие для студ. – СПб., 1908. – С. 9.

⁴⁰¹ Уставы учёных учреждений и учебных заведений // СЗРИ. – СПб., 1893. – Т. 11. – Ч. 1. – 583 с.

просы по учебной и воспитательной части реального училища обсуждались на педагогическом совете. Для решения хозяйственных проблем педсовет избирал хозяйственный комитет на три года из числа трёх избранных преподавателей, директора и инспектора училища.

Обучение в училище было платным, стоимость определялась педагогическим советом и утверждалась МНП. Собранные за обучение средства составляли особый фонд, который расходовался на вознаграждение преподавателей, работающих в параллельных классах, покупку учебных пособий, непредвиденные расходы. Любопытно, что в случае перехода учащегося в другое реальное училище до окончания учебного полугодия, оставшаяся плата за обучение сохранялась за училищем⁴⁰². По решению педагогического совета дети малообеспеченных родителей освобождались от платы, но количество освобождённых не должно было превышать 10 % от общего числа учащихся.

В училища принимались дети без сословного и религиозного ограничения, в первый класс поступали в возрасте с 10 до 13 лет, имея начальное образование. Исключение составляли евреи, власти ограничивали их количество до 10 % от общего числа учащихся. Класс формировался из 40 чел., в случае большего количества учащихся открывались параллельные классы за счёт учебного заведения⁴⁰³.

По окончании реального училища учащиеся, положительно сдавшие выпускные экзамены, получали аттестат, лица, не окончившие обучение – свидетельства. Примечательно, что четыре первых класса реального училища соответствовали оконченному курсу уездного или начального училища, что давало право выпускникам претендовать на право производства в первый классный чин гражданской службы без экзамена⁴⁰⁴.

⁴⁰² Там же.

⁴⁰³ Там же.

⁴⁰⁴ Еремина Т. И. Законодательное регулирование гражданского чиновничества учителей в XIX – начале XX в. // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. – № 87. – С. 139–148.

Добавим, что выпускники реальных училищ не имели обязательств по службе по окончании училища, что становится существенным преимуществом реального образования.

В училище изучали Закон Божий, русский язык, географию, историю, математику, физику, естествознание, рисование, черчение, чистописание, коммерческое письмоводство и книговодство и два иностранных языка. Одним из изучаемых языков был обязательно немецкий, другой – французский, английский, иногда итальянский или новогреческий на выбор. Изучение иностранных языков было направлено «исключительно на упражнения учеников в коммерческой корреспонденции на этих языках»⁴⁰⁵.

В 1888 г. в Устав реальных училищ внесены изменения, закрыты коммерческие отделения, увеличено количество часов на изучение математики, иностранных языков, географии, истории, физики. Срок обучения увеличился на год. После успешной сдачи ряда дополнительных дисциплин, включая древние языки, выпускники училищ получили возможность поступления в университеты, что значительно увеличило количество поступающих в вуз реалистов. Власти, стремясь сократить их наплыв, ввели ограничение числа учащихся в седьмых классах, допуская к обучению лиц, имеющих в аттестате средний балл, равный 3,5. В 1906 г. учебный план училищ вновь изменился в сторону увеличения объёма общеобразовательных дисциплин. Внесённые изменения сблизили учебную программу училищ и классических гимназий, что способствовало их численному росту.

Реальные училища как новый тип учебного заведения получили широкое распространение, к 1 января 1872 г. в Российской империи открылись 7 реальных училищ с 1752 учащимися; к 1 января 1877 г. уже 56 училищ с 10 888 учащимися; к 1 января 1882 г. – 79 училищ с 17 484 учащимися, к 1 января 1899 г. – 115 училищ; к 1 января 1914 г. – 284 училищ с 76 971 учащимся⁴⁰⁶.

⁴⁰⁵ Уставы учёных учреждений и учебных заведений // СЗРИ. – СПб., 1893. – Т. 11. – Ч. 1. – 583 с.

⁴⁰⁶ Хронологический список высших и средних учебных заведений ведомства

Процесс открытия реальных училищ в Восточной Сибири начался одновременно с общероссийским, но характеризовался неравномерностью, большими временными перерывами. Первое училище начало работу в 1876 г. в Троицкосавске, открытие следующего состоялось только в 1891 г. в Якутске, затем в 1906 г. – в Верхнеудинске и Нерчинске, в 1912 г. – в Иркутске и Чите, в 1914 г. – в Бодайбо.

Наибольший интерес представляет история Троицкосавского Алексеевского реального училища. Его открытие связано с именем Великого князя Алексея Александровича Романова, который в 1873 г. посетил Забайкальскую область. В память об этом событии кяхтинские купцы собрали средства на открытие мужского среднего учебного заведения. В феврале 1876 г. правительством подписан указ об учреждении реального училища в Троицкосавске, в сентябре оно уже приступило к работе в составе первых трёх классов. В 1977 г. училище было названо Алексеевским, в честь Великого князя, приславшего по этому поводу в дар свой портрет с дарственной надписью.

Училище временно разместились в двухэтажном здании, пожертвованном купцом Я. А. Немчиновым⁴⁰⁷. В 1881 г. для него построили новое просторное помещение. П. Соколовский, инспектирующий училище в 1914 г., отмечал: «Большое двухэтажное здание с обширным двором и садом находится в лучшей части города. В высоких классных комнатах много света и воздуха, коридоры широки, актовый зал красив, квартира директора обширна»⁴⁰⁸.

Ежегодно на содержание училища из казны поступало 35 077 р., местные средства были представлены различными банковскими вкладами, а именно: 180 000 р. – пожертвования купцов на содержание училища, 48 226 р. – частные вклады для именных стипендий. Также училище распоряжалось сред-

Министерства народного просвещения, основанных или преобразованных с 1855 по 1880 г. – СПб., 1880. – 36 с.

⁴⁰⁷ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 162. – Д. 20. – Л. 68.

⁴⁰⁸ Соколовский П. Е. Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае. – Харьков: Тип. Зильберберг и С-ва, 1914. – 305 с.

ствами, собранными за обучение, стоимость которого составляла 25 р. в год. Значительная часть средств расходовалась на развитие учебно-методической базы. Училище располагало библиотечной из 10 602 томов, оборудованными физическими и химическими лабораториями. В кабинете естественных наук было собрано более 6 тыс. экземпляров. Наиболее ценной являлась коллекция с редкими экземплярами чучел животных. Очевидно, что учебно-методическая база Троицкосавского реального училища могла считаться одной из лучших среди средних учебных заведений Восточной Сибири.

Численность учащихся варьировалась в пределах 250 чел., наполняемость классов не превышала нормы. В 1877 г. обучались 83 чел.; в 1878 г. – 100 чел.; в 1890 г. – 73 чел.; в 1914 г. – 239 чел. Снижение численности учащихся в 1890 г. было вызвано введением более высоких требований к поступающим, поскольку после зачисления многие не справлялись с учебной программой⁴⁰⁹. Наиболее успешным в обучении и примерным ученикам назначались именные стипендии – им. барона П. А. Фредерикса; им. верхоленского 1-й гильдии купца П. Г. Абрамова; им. коллежского советника А. К. Трапезникова⁴¹⁰.

В целом, Троицкосавское реальное училище к 1914 г. соответствовало требованиям Министерства народного просвещения за исключением некоторых особенностей. Положение приграничного торгового города способствовало формированию специфических черт в деятельности реального училища. Международная торговля требовала квалифицированных специалистов и знания иностранного языка. Многие учащиеся, ещё не окончив курс, были востребованы в торговом деле. В связи с этим в 1914 г. на базе реального училища при участии кяхтинского купечества и генерального консула в Монголии А. М. Миллера был принят проект об открытии в училище параллельных коммерческих классов и введения в учебную программу монгольского языка и монголоведения. Необходимо отметить, что заинтересованность в подготовке

⁴⁰⁹ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 203. – Д. 3085. – Л. 49

⁴¹⁰ Там же.

специалистов у России и Китая была обоюдной. По сведениям инспектора П. Соколовского, в учебных заведениях Кяхты периодически обучались группы учащихся из Монголии⁴¹¹.

Изменение Устава реальных училищ в 1888 г. способствовало сближению учебных программ училища и гимназии, что стало причиной роста числа реальных училищ в стране. В Восточной Сибири этими изменениями воспользовались якутские власти, которые ходатайствовали о преобразовании Якутской прогимназии в реальное училище. В 1891 г. Якутское реальное училище располагало собственным двухэтажным каменным зданием. Государство на его содержание ежегодно выделяло 22 990 р., часть средств составляла плата за обучение (10 р. в год) и стипендиальный капитал. Капитал делился на два фонда, а именно: вклады организаций и частных лиц для оказания единовременной помощи нуждающимся ученикам; годовые именные стипендии для лучших учеников.

За успехи в обучении учреждены стипендии им. А. И. Пантелеева (иркутский военный генерал-губернатор, 1900–1903 гг.), им. Н. П. Синельникова (генерал-губернатор Восточной Сибири, 1871–1874 гг.), им. П. С. Ванновского (министр народного просвещения, 1901–1902 гг.); нуждающимся ученикам как плата за обучение назначались стипендии им. купца Маркова и восемь стипендий Якутской городской думы. Для материальной помощи учащимся якутам училище использовало проценты с 600 р. банковского вклада⁴¹². Значительный вклад в развитие материальной базы училища внёс губернатор Якутской области И. И. Крафт. При его содействии было построено жильё для преподавателей и пансион для учащихся. И. И. Крафт заботился о материальном положении учащихся, выделяя пособия и назначая стипендии. В училище заботились не только о благосостоянии учеников, но и культурном воспитании, силами преподавательского коллектива был создан хор и оркестр народных инструментов.

⁴¹¹ Соколовский П. Е. Русская школа в Восточной Сибири в Приамурском крае – Харьков Тип. Зильберберг и С-ва, 1914 – 305 с.

⁴¹² РГИА. – Ф. 733 – Оп. 204 – Д. 274 – Л. 51

В училище обучались преимущественно дети состоятельных граждан: чиновников, купцов, казаков, зажиточных крестьян. В 1891 г. в нём обучались 82 чел., в 1892 г. – 80 чел.⁴³ Процент обучающихся якутов в первые годы работы Якутского училища составлял 7–8 %, ежегодно увеличиваясь, к 1917 г. он достиг 27,5 %⁴⁴. В 1903 г. в реальных училищах восточной Сибири обучались 193 чел. Социальный состав реальных училищ в совокупности представлял следующую картину учащиеся из детей дворян и чиновников составляли 29 % (52 чел.), духовного звания – 2 % (4 чел.), из городских сословий – 22,2 % (43 чел.), из крестьян – 10,3 % (20 чел.), инородцев – 38,3 % (74 чел.)⁴⁵.

В начале XX в. со строительством железной дороги Верхнеудинск становится одним из важнейших экономических и административных центров Забайкальской области. В городе увеличивается количество населения, и потребность в среднем учебном заведении увеличивается. Открытие Верхнеудинского реального училища связано с событиями русско-японской войны 1904–1905 гг. В годы войны реальное училище и женская гимназия Порт-Артура были переведены в Читу. Так как в Чите уже было среднее учебное заведение (мужская гимназия), то по инициативе Верхнеудинского городского головы И. Г. Федченко реальное училище перевели в Верхнеудинск. В сентябре 1906 г. училище начало работу. В 1913–14 гг. в училище обучались 323 ученика, начальные классы были переполнены.

Местные власти и общество принимали активное участие в жизни училища. Особый вклад в развитие его благосостояния внёс верхнеудинский купец первой гильдии, почётный гражданин П. А. Фролов, пожертвовавший училищу двухэтажное каменное здание. В его честь была учреждена имен-

⁴³ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 204. – Д. 274. – Л. 51.

⁴⁴ Павлов А. А. Профессиональные и средние школы Якутии (XVIII – начало XX в.). – Якутск: Бичик, 2013. – 176 с.

⁴⁵ Всеподданнейший отчёт министра народного просвещения за 1903 г. – СПб. 1905. – С. 37.

ная стипендия. Благодаря помощи населения училище имело достойную методическую базу, химическую лабораторию, духовой оркестр.

Ходатайства об открытии в Нерчинске реального училища стали поступать главному инспектору училищ Восточной Сибири в 1903 г. В 1906 г. просьба жителей города об открытии училища была написана на поздравительной телеграмме императору в честь 250-летия Нерчинска. В ответ император написал: «[Ю-моему, следовало исполнить это ходатайство»⁴⁶. В 1906 г. училище открыли. Для помещения городские власти выделили участок земли в 2400 кв. сажень на углу Большой улицы и базарной площади, каменный дом с мезонином и 60 000 р. на содержание училища в первые два года. Из этой суммы 1000 р. была завешана горожанином А. Ревенковым на учреждение библиотеки и 8800 р. поступили от Общества попечения о начальном образовании в г. Нерчинске на содержание воспитанников училища.

При приёме в училище желающих было такое количество, что первый директор училища П. Н. Рябинин дал разрешение на открытие параллельного второго класса. Всего в первый год поступило 145 учеников. Позднее Рябинин отмечал, что «открытие реального училища вызвало наплыв учащихся и в женскую 5-ю классную прогимназию (приезжие привозили и девочек на обучение, находя, что содержание 2–3 детей обходится в Нерчинске не дороже одного»⁴⁷. Количество учениц в прогимназии увеличилось до 280 чел., было открыто четыре параллельных класса, что увеличило затраты города на содержание прогимназии. Министерство, указывая на согласие города содержать училище в течение двух лет, в 1907 г. выделило 7000 р., начиная с 1908 г. – 20 000 р.

Реальные училища, учреждённые в 1912 г. в Иркутске и Чите, в 1914 г. – в Бодайбо, принципиально не отличались от открытых ранее, за исключением материальной базы. Училища в Иркутске и Чите с первого года деятельности нуждались в просторных помещениях, поскольку количество

⁴⁶ ГАИО. – Ф. 63 – Оп. 1 – Д. 88 – Л. 181

⁴⁷ Там же. – Л. 68 об.

желающих обучаться значительно превышало возможность училищ. Например, в Иркутске в 1912–13 учебном году было подано 452 прошения о поступлении в училище, приняты всего 136 чел., в Чите из 188 желающих приняты 87, причём успешно сдали вступительные экзамены 100 чел., 13 отказано в обучении, так как «не нашли места в школе»⁴¹⁸. Изначально в училище формировались параллельные классы. Учитывая, что содержание параллелей осуществлялось за счёт училища, то все средства, собранные за обучение, расходовались на их содержание, что негативно сказывалось на учебно-методическом обеспечении.

Реальное училище в Бодайбо открылись накануне Первой мировой войны в 1914 г. История открытия Бодайбинского училища началась в 1900 г. на 3-м съезде золотопромышленников Ленского горного округа. При участии окружных инженеров Р. Ф. Левицкого, К. Н. Тульчинского золотопромышленниками и городской общественностью было собрано около 78 000 р. и выделена городская земля для строительства помещения⁴¹⁹. После 13 лет прошений и ходатайств 14 сентября 1914 г. училище приступило к работе.

Таким образом, в Восточной Сибири накануне революции 1917 г. действовали семь реальных училищ. Училища пользовались популярностью, о чём свидетельствует рост числа учащихся. Так, в 1897 г. в двух реальных училищах обучались 257 учеников, в 1911 г. в четырёх – 918 чел.⁴²⁰ В 1913 г. в шести училищах обучались 1487 реалистов⁴²¹.

Власти, гася модернизационные импульсы в классических гимназиях, видели в реальных училищах механизм сохранения государственного приоритета в классическом образовании. Реальные училища, не имея полноценной общеобразовательной программы, становились буфером для реализации об-

⁴¹⁸ Соколовский П. Е. Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае. - Харьков: Тип. Зильберберг и С-вья, 1914. - 305 с

⁴¹⁹ Гаращенко Л. В. Бодайбинское реальное училище [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.irkipedia.ru> (дата обращения 05.06.2016)

⁴²⁰ Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. - СПб., 1914. - С. 284-285

⁴²¹ Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1913 г. - Петербург, 1916. - Прил. - С. 38, 39, 73-75, 94-97, 119-121

разовательных потребностей населения. За период с 1906 по 1914 г. в Восточной Сибири открылись пять реальных училищ и ни одной гимназии. Реальные училища с государственным обеспечением становятся компромиссным вариантом среднего образования для модернизирующегося общества.

На фоне организационных сложностей открытия мужских гимназий и реальных училищ, доминирования государства в данной области становление среднего женского образования происходило в других условиях. Общественное начало определило новый вектор развития средней школы.

Зарождение государственной системы женского образования в Восточной Сибири связано с принятием в 1860 г. Положения о женских училищах Министерства народного просвещения. Положение предусматривало всесословное обучение девочек в шестилетних и трёхлетних училищах первого и второго разрядов соответственно. Расходы по содержанию училищ возлагались на местные средства. Управление женскими училищами осуществлялось двумя советами – педагогическим и попечительским. Педагогический курировал учебную часть, попечительский – финансово-хозяйственную. Попечительский совет состоял из семи членов, из них один избирался из представителей дворянства или чиновничества, второй – от купечества. К постоянным членам относились начальница училища, попечитель, представитель учебной власти, городской голова и предводитель дворянства либо местной администрации.

Учебная программа трёхклассного училища включала Закон Божий, русский язык, географию, русскую историю, арифметику, чистописание и рукоделие. В шестиклассном изучали Закон Божий, русский язык и словесность, арифметику и начала геометрии, географию, историю (всеобщую и русскую), естествознание, физику, чистописание и рукоделие. Французский и немецкий языки, рисование, музыка, пение и танцы относились к необязательным предметам. По сравнению с мужскими гимназиями и прогимназиями объём учебных программ женских училищ был ограничен, а срок обуче-

ния сокращён. Учебная программа женских училищ уступала классическому образованию.

В Восточной Сибири первое женское училище появилось в Иркутске в 1860 г. В летописи Иркутска по этому поводу говорилось: «Открыть в Иркутске в октябре месяце сего года училище второго разряда для доставления средств к образованию девиц лицам всех свободных состояний. Оно будет состоять из трёх классов...»⁴²². Инициаторами и организаторами открытия стали губернатор П. А. Извольский, общественный деятель Б. А. Милютин. Средства на содержание училища были собраны по подписке и 2000 р. выделило городское общество. В 1861 г. в училище поступило пожертвований на сумму в 1869 р. В октябре 1862 г. городской голова И. С. Хаминов пожертвовал дом для женского училища на углу Амурской и Большой улицы. В первый год родители платили 15 р., в 1863 г. – 21 р. В 1868 г. на содержание училища из городского бюджета выделяли 2300 р., плата за обучение составила 2000 р.⁴²³ Расходы училища превышали его доходы, необходимость поиска дополнительных средств становится основной задачей попечительского совета. Попечительские обязанности приняла супруга губернатора А. Г. Извольская.

В первый класс приняли 20 девочек. Училище пользовалось популярностью, к началу 1862–63 учебного года в училище уже обучались 70 учениц⁴²⁴. В 1868 г. обучались 125 девочек. По сословному составу ученицы распределялись следующим образом: из дворянского и чиновничьего сословия обучались 54 ученицы, что составляло 43,2 % от общего состава. из городского сословия – 64 ученицы (51,2 %), духовного звания – 4 ученицы (3,2 %), сельских сословий – 5 учениц (4 %) соответственно⁴²⁵. Очевидно преобладание учениц из городского сословия.

⁴²² Иркутская летопись 1857–1880 гг. / сост. Н. С. Романов. – Иркутск: Паровая тип. И. П. Казанцева, 1914. – С. 64.

⁴²³ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 6. – Д. 17. – Л. 28.

⁴²⁴ Иркутская летопись 1857–1880 гг. / сост. Н. С. Романов. – Иркутск: Паровая тип. И. П. Казанцева, 1914. – С. 56

⁴²⁵ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 6. – Д. 17. – Л. 28.

В 1870 г. правительство утверждает Положение о женских гимназиях и прогимназиях. Основой для гимназий послужили шестиклассные женские училища, для прогимназий — трёхклассные. Срок обучения увеличился на год. Нормы Положения о женских училищах 1860 г. сохраняли юридическую силу, но население предпочло гимназии женским училищам. Первым в гимназию преобразовано шестиклассное Троицко-савское училище, 8 июня 1870 г. Иркутское женское училище переименовано в прогимназию, в 1871 г. — в гимназию⁴²⁶. Позже в гимназии преобразовали училища в Красноярске и Енисейске. В 1871 г. училища преобразованы в прогимназии в Чите, Нерчинске, в 1874 г. — в Киренске. Открыты вновь вторая прогимназия им. И. С. Хаминова в Иркутске (1879 г.), прогимназия в Якутске (1881 г.), Минусинске (1880 г.) Ачинске (1890-е г.). Содержание полноценной гимназии требовало солидных финансовых затрат, поэтому общественность, стеснённая в средствах, учреждала прогимназии. Позднее, при возможности прогимназии преобразовывались в полноценные гимназии.

В 1876 г. потомственная гражданка Т. И. Щеголева пожертвовала три тысячи рублей на содержание пятого и шестого классов в Красноярской прогимназии. В свою очередь, попечительский совет ходатайствовал перед учебными властями об увеличении государственных средств для преобразования прогимназии. В 1876 г. разрешение было получено, а в 1878 г. прогимназия становится полной 7-классной гимназией. С увеличением числа классов старое помещение гимназии становится тесным. Для строительства нового вновь привлекаются общественные средства. Меценатами выступили А. Ф. Кузнецова, внёсшая 1200 р., Т. И. Щеголева — 4000 р., канский купец И. Н. Некрасов — 48 000 р. Начавшееся строительство совпало с пожаром, уничтожившим всю материальную базу гимназии. Занятия проводились в здании уездного училища. По окончании строительства в 1885 г. почётная попечительница

⁴²⁶ Иркутская летопись 1857–1880 гг. / сост. Н. С. Романов. — Иркутск: Паровая тип. И. П. Казанцева, 1914. — С. 56.

А. Ф. Кузнецова внесла вклад на нужды гимназии в размере 30 000 р.⁴²⁷ В 1881 г. в гимназии открылся восьмой педагогический класс.

Енисейская прогимназия начала работу на базе бывшего женского училища в 1872 г. В 1881 г. прогимназию преобразовали в гимназию, в 1885 г. открыли педагогический класс. В конце XIX в. началось строительство собственного здания гимназии, но из-за отсутствия средств строительство затянулось до 1917 г. Строительство было окончено благодаря помощи купцов В. М. Харченко и М. М. Бородкина.

Ученический коллектив гимназии представлен различными сословиями. Так, в 1882 г. в гимназии обучались 107 учениц, из них дворянского и чиновничьего сословия – 12 чел. (11 %), духовного звания – 3 чел. (2,8 %), городских сословий – 77 чел. (71,9 %), сельских – 15 чел. (14 %). В 1915 г. из 228 гимназисток 44 чел. (19,2 %) относились к дворянскому и чиновничьему сословию, духовному званию – 7 чел. (3 %), городским сословиям – 116 чел. (50,8 %), сельским – 40 чел. (17,5 %)⁴²⁸.

Верхнеудинская гимназия располагалась на Троицкой улице в трёх деревянных зданиях, соединённых между собой каменными переходами. Первое здание было пожертвовано верхнеудинским купцом И. П. Фроловым, второе построено в 1882 г. на средства города и частные пожертвования, третье построено в 1906 г. на средства попечительского совета. В 1881 году прогимназия работала как 4-классная с 2 подготовительными классами. С 1 августа 1904 г. из-за ежегодного открытия старших классов начато преобразование прогимназии в гимназию. К 1 августа 1906 г. в гимназии существовало семь классов, в 1909 г. открылся восьмой дополнительный педагогический класс. Гимназия располагала отдельным физическим кабинетом, который был ещё и читальней для учениц, небольшим залом, библиотекой, кабинетом для врача.

⁴²⁷ Бакай Н. Н. К двадцатипятилетию Красноярской женской гимназии (1864–1894 гг.). – Красноярск: Тип. А. Д. Жилина, 1895.

⁴²⁸ Жолудев Д. Г. Краткая история школ Красноярского края (до Великой Октябрьской социалистической революции). – Енисейск, 1961. – С. 108

учительской, канцелярией и 10 классными комнатами. В связи с отсутствием пансиона и общежития ученицы обычно жили у родителей или родственников.

Гимназия располагала шестью стипендиями, основанными Верхнеудинским мещанским и городским обществом имени поэта А. С. Пушкина. Размер каждой стипендии составлял 10 р. Стипендия выдавалась беднейшим ученицам без налагания на них каких-либо обязательств. Однако размера стипендии было недостаточно, чтобы оплатить годовое обучение, которое составляло в среднем 55 р. в год. Педагогический совет ходатайствовал об увеличении стипендии.

В 1915 г. в гимназии обучались 399 учениц, в 1917 г. – 479 учениц. По сословному составу процентное соотношение выглядело следующим образом – 34 % учениц представляли городские сословия; 33 % – крестьяне; 23 % – дети личных дворян и чиновников; 5 % – дети почётных граждан; 3 % – духовного звания; 2 % – казаки⁴²⁹.

Троицкосавское женское училище в 1872 г. преобразовано в женскую трёхклассную прогимназию, а в 1886 г. прогимназия получила статус полной семилетней гимназии. В 1896 г. на пожертвования открыт восьмой педагогический класс. Гимназия имела собственное двухэтажное деревянное здание, купленное купеческим сообществом⁴³⁰. Пансиона для учениц гимназия не имела, девочки в основном проживали вместе с родителями. Гимназия располагала девятью стипендиями и капиталом бывшей начальницы Е. А. Ошурковой для выдачи пособий преподавателям.

В 1899 г. в гимназии обучались 250 учениц в основном православного вероисповедания (дети дворян и чиновников, духовенства, потомственных граждан и купцов 1-й и 2-й гильдии, мещан, ремесленников, казачьего сословия, крестьян), а также дети инородцев и иностранцев. В 1915 г. в гимназии обучались 308 учениц. По социальному составу учащиеся распределялись следующим образом: 43 % – из городских со-

⁴²⁹ ГАНО – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 628. – Л. 4.

⁴³⁰ Там же – Д. 320. – Л. 30.

словий; 19 % – дети личных дворян и чиновников; 12 % – из крестьян. Остальные сословия были представлены незначительным количеством учащихся⁴³¹.

Нерчинская Софийская женская гимназия была открыта 26 сентября 1868 г. как женское училище, состоявшее из подготовительного и трёх основных классов. В 1872 г. училище преобразовано в прогимназию и переименовано в память о Софии Андреевне Бутиной (покойной супруге Н. Д. Бутина) в Софийскую женскую прогимназию. В 1899 г. в честь 100-летнего юбилея со дня рождения А. С. Пушкина открыли четвёртый класс. Содержание гимназии формировалось из нескольких источников – часть средств выделялась из государственной казны, часть поступала от городских властей и часть представляла собой банковский вклад, проценты с которого ежегодно составляли часть средств гимназии, в 1905 г. сумма вклада составляла 28 000 р.⁴³²

Первоначально гимназия размещалась в доме, пожертвованном купцами Н. Д. Бутиным и М. Д. Бутиным. В 1903 г. у духовного ведомства гимназия приобрела собственное каменное двухэтажное здание на Соборной площади. В 1905 г. в связи с увеличением числа учениц открыты две параллели подготовительного и одна первого классов. К 1 января 1905 г. в гимназии обучались 219 учениц, в 1906 г. приняты ещё 84. В 1917 г. обучались 589 девочек всех сословий с преобладанием детей дворян и чиновников, 157 из них в связи с отсутствием пансиона и общежития жили на частных квартирах. К 1915 г. гимназия имела семь основных, педагогический и шесть параллельных классов. В учебный план гимназии был включён латинский язык, который преподавался желающим за дополнительную плату в размере 60 р.⁴³³

В 1882 г. начала работу Якутская женская прогимназия, которая в 1901 г. получила статус гимназии с восьмым дополнительным педагогическим классом. В 1889 г. в гимназии обучались 54 ученицы, из них: из сословия дворян и чиновников –

⁴³¹ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 628. – Л. 14.

⁴³² ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 29. – Л. 249–260.

⁴³³ Там же. – Ф. 74. – Оп. 1. – Д. 51. – Л. 154.

22 чел. (40,7 %), представителей духовенства – 4 чел. (7,4 %), мещан – 24 чел. (44,4 %), купцов – 5 чел. (9,2 %), казаков – 2 чел. (3,7 %), крестьян – 3 чел. (5,5 %), инородцев (якутов) – 2 чел. (3,7 %)⁴⁴. В 1894 г. в Якутской гимназии обучались 56 учениц, к 1917 г. их число увеличилось до 335 чел.⁴⁵ В 1889 г. на собранные пожертвования в размере 500 р. в гимназии учреждена стипендия им. приказчика И. С. Осипова⁴⁶. Стипендия выдавалась лучшей воспитаннице на оплату обучения. В 1901 г. Якутской городской думой учреждена стипендия им. генерал-лейтенанта А. И. Пантелеева в размере 2700 р. Проценты с вклада выдавались за отличную учебу беднейшей гимназистке⁴⁷.

Первая Читинская женская гимназия открыта в 1893 г. на базе четырёхклассной прогимназии. Гимназия включала семь классов и восьмой педагогический класс. Первой начальницей была назначена И. Н. Кушинская. Попечительский совет возглавил читинский купец 1-й гильдии И. А. Колеш, почётной попечительницей являлась М. П. Машневская. В первые годы деятельности гимназия располагалась в деревянном доме купца А. С. Юдина, купленным городским головой И. Н. Замошниковым. В 1909 г. по ходатайству попечительского совета для гимназии построено новое двухэтажное каменное здание, где ныне располагается исторический факультет. В 1897 г. в гимназии открыт пансион, рассчитанный на 45 воспитанниц, где полное содержание составляло 350 р. в год. Оплата за обучение составляла 35 р. в год за начальные классы, 50 р. в год – за остальные.

В 1901 г. в гимназии обучались 374 ученицы, из них из дворянского и чиновничьего сословия – 155 чел. (41,4 %), духовного звания – 6 чел. (1,6 %), городских сословий – 150 чел.

⁴⁴ Афанасьев В. Ф. Якутская женская гимназия // В помощь учителю. – Якутск, 1966. – Вып. 31. – С. 117.

⁴⁵ Афанасьев В. Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. – Якутск: Якуткнигоиздат, 1966. – С. 154.

⁴⁶ Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1889. – Ч. 262. – С. 403.

⁴⁷ Там же. – Ч. 340. – С. 25.

(40,1 %), крестьян – 61 чел. (16,3 %), казаков – 2 чел. (0,5 %) ⁴³⁸. В 1909 г. в гимназии обучались 460 девочек, в основном дети дворян и чиновников, а также городских слоёв населения преимущественно православного вероисповедания. Председателем попечительского совета был избран в 1902 г. С. А. Красиков. Почётными попечителями значились губернатор Забайкальской области Е. О. Мациевский и его супруга М. П. Мациевская. В 1881 г. в гимназии выдавались стипендии им. почётного гражданина И. Ф. Голдобина с вклада 1200 р. ⁴³⁹ В 1893 г. учреждена стипендия в память посещения Сибири Николаем II, в 1897 г. – стипендия статского советника фон Кубе.

В связи с русско-японской войной 1904–1905 гг. часть жителей Владивостока, Мукдена, Порт-Артура эвакуировались в Читу, что привело не только к увеличению численности жителей города, но возрастанию потребности в учебных заведениях. По ходатайству директора народных училищ Рябинина часть учебных заведений, эвакуированных из Порт-Артура, закрепили за Забайкальской областью, а именно, четырёхклассное городское училище в Сретенске, реальное училище в Нерчинске, женскую гимназию в Чите. Таким образом, в Чите была открыта вторая гимназия. Педагогический коллектив гимназии сформировался из местных педагогов. В 1916 г. обучались 353 ученицы. По сословиям учащиеся распределялись следующим образом: из дворянского и чиновничьего сословия обучались 99 учениц (28 %), духовного звания – 8 учениц (2,2 %), городских сословий – 129 учениц (36,5 %), крестьян – 100 учениц (28,3 %), казаков – 15 учениц (4,2 %), иностранцев – 2 ученицы (0,5 %) ⁴⁴⁰.

Анализируя данные о женских гимназиях, обращаем внимание на единообразие основных критериев – финансирование, участие общественности, показатели ученических коллективов. Для примера мы привели сведения о восьми учебных

⁴³⁸ Памятная книжка управления гражданскими учебными заведениями Восточной Сибири на 1902 г. – Иркутск, 1902. – 380 с.

⁴³⁹ Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1889 – ч. 287. – С. 48

⁴⁴⁰ ГАЗК. – Ф. 74. – Оп. 1. – Д. 51. – Л. 22.

заведениях из каждой губернии и области Восточной Сибири. Очевиден некоторый приоритет забайкальских гимназий, который объясняется их большим количеством по сравнению с другими областями и губерниями. Обобщая сведения о гимназиях, в работе приведены совокупные показатели всех действующих женских учебных заведений Восточной Сибири.

Необходимо отметить, что большинство местных гимназий появились фактически одновременно с небольшими временными промежутками с 1960 по 1870 гг. До середины 1880-х гг. рост количества гимназий и прогимназий характеризовался интенсивностью и равномерностью. После 1870 г. все женские училища были преобразованы в прогимназии. В 1881 г. в Восточной Сибири действовали две гимназии и девять прогимназий. Очевидно, что преобразование трёхклассного училища в четырёхклассную прогимназию связано с меньшими затратами на содержание по сравнению с семиклассными гимназиями. Соответственно, общество выбирало наиболее бюджетный вариант. В 1897 г. в Восточной Сибири осуществляли обучение три гимназии и восемь прогимназий. Очевидно, что общее количество их не изменилось. Учитывая политическую ситуацию, в стране в конце XIX в. на смену либеральному направлению пришло консервативное, что отразилось в том числе и на развитии женского образования. Открытие новых гимназий было приостановлено. Однако их количество вновь стало увеличиваться во втором десятилетии XX в. В 1913 г. в Восточной Сибири действовали 13 гимназий с 5124 учащимися и три прогимназии с 380 ученицами⁴⁴.

Содержание женских учебных заведений изначально возлагалось на общество и местные власти. В 1880-х гг. позиция государства изменилась, но его финансовое участие было минимальным. Так, в 1881 г. соотношение государственных и общественных средств, выделяемых для гимназий, составило 1,7 и 98,3 % соответственно, для прогимназий – 10,5 и 89,5 %, в 1894 г. в совокупности соотношение составило 5 и

⁴⁴ ГАИО. – Ф. 63 – Оп. 1 – Д. 384 – л. 72.

95 %⁴⁴². К 1903 г. объём государственных средств возрастает до 20 % от общего финансирования. На содержание гимназий и прогимназий ежегодно тратилось 469 974 р., из них доля государственного обеспечения составляла 94 328 р. (20 %)⁴⁴³. Подобное распределение средств сохранилось и накануне революции 1917 г. Государственные средства расходовались на жалование преподавателем и пополнение библиотек. Таким образом, женские гимназии и прогимназии содержались в основном за счёт общественных средств. Затраты на обучение одной гимназистки составляли 85 р., ученицы прогимназии – 49 р. Оплата за обучение с пансионом варьировалась в гимназиях от 89 до 33 р., в прогимназиях – от 27 до 19 р.

Управление гимназиями и прогимназиями осуществлялось попечительским и педагогическим советами. Педагогический совет состоял из членов преподавательского коллектива, но председателем всегда назначался представитель учебной администрации. Так, например, в 1881 г. в Красноярской гимназии председателем педсовета утверждён директор училищ А. С. Еленев, в 1894 г. в Читинской гимназии – директор училищ А. Н. Сниткин, в Верхнеудинской – смотритель уездных училищ Н. С. Нелюбов. В составе попечительского совета в качестве обязательных членов состояли начальница гимназии и представитель учебной администрации. Наличие обязательного представителя власти свидетельствует о существовании относительного контроля со стороны государства как в учебной, так и финансовой части.

Приоритет в решении большинства вопросов оставался за попечителями. Численность членов попечительских советов колебалась от 7 до 12 чел., хотя могло быть выбрано большее число. Например, в 1881 г. в совет Минусинской прогимназии избрали 55 чел.⁴⁴⁴ Социальный состав попечителей представлен преимущественно купцами и отставными

⁴⁴² Обзор деятельности Министерства народного просвещения за время царствования императора Александра III (со 2 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г.) – СПб.: Гос. тип., 1901. – 676 с.

⁴⁴³ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 5. – Д. 13. – Л. 15.

⁴⁴⁴ Памятная книжка (вторая) Восточно-Сибирского учебного округа под ред. Ю. А. Делеско. – Иркутск, 1881. – С. 347.

чиновниками. Благодаря деятельности советов большинство гимназий располагали капитальными каменными строениями, лабораторными кабинетами, библиотеками, методическими пособиями. Особую роль в деятельности гимназий играли сибирские меценаты. Благодаря их поддержке улучшалась не только материальная база гимназии, но и оказывалась помощь нуждающимся ученицам.

Ученический состав гимназий был многочисленный, число учениц в классе в среднем составляло 38–40 чел. Каждую четверть педагогические советы рассматривали прошения о принятии учениц в гимназию «сверх комплекта». Как правило, совет отклонял прошения, делая исключения только для детей чиновников и дворян. Наполненность классов и содержание параллельных отделений говорит о востребованности женского образования в регионе, что подтверждается статистическими данными. В 1903 г. в Восточной Сибири действовало четыре гимназии и пять прогимназий. Дополнительно к 47 действующим классам открыто девять параллельных⁴⁴⁵. В 1911 г. женское среднее образование было представлено 13 государственными гимназиями и тремя прогимназиями. В общей сложности они имели 121 класс, 10 дополнительных (восьмые педагогические), 30 параллельных и 19 подготовительных⁴⁴⁶.

По совокупности в 1873 г. обучались 617 учениц⁴⁴⁷. В 1881 г. в Троицкосавской и Иркутской гимназиях обучались 535 учениц, из них окончили полный курс 29 учениц, в девяти прогимназиях обучались 663 ученицы, окончили полный курс 19 учениц. К 1894 г. количество учениц увеличилось незначительно, в то же время количество выпускниц в гимназиях возросло до 83, прогимназиях – до 35⁴⁴⁸. В 1903 г. по совокуп-

⁴⁴⁵ Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1903 г. – СПб., 1905. – С. 778.

⁴⁴⁶ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 5. – Д. 13. – Л. 15.

⁴⁴⁷ Женские гимназии и прогимназии Министерства народного просвещения 1858–1905 гг. – СПб., 1905. – С. 114.

⁴⁴⁸ Обзор деятельности Министерства народного просвещения за время царствования императора Александра III (со 2 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г.). – СПб.: Гос. тип., 1901. – 676 с.

ности из гимназии выпустились 192 ученицы⁴⁴⁹. Увеличение числа выпускниц связано с открытием восьмых педагогических классов и потребностью начальной школы в учителях, т. е. женское образование получает практическую значимость. В Восточной Сибири учебная администрация охотно принимала женщин на должность учительницы, считая их более ответственными. В 1897 г. в гимназиях и прогимназиях в совокупности обучались в Енисейской губернии 311 учениц, в Иркутской – 718 учениц, в Забайкальской – 739 учениц, в Якутской – 50 учениц, что вместе составило 1818 чел.⁴⁵⁰ В 1903 г. общее количество учениц достигло 2 334 чел.⁴⁵¹.

Сословный состав гимназий и прогимназий в 1878 г. по совокупности представлен следующим образом. Обучались всего 956 учениц, из них дворянского и чиновничьего сословия обучались 260 учениц (27,1 %), духовного звания – 49 учениц (5,1 %), городских сословий – 609 учениц (63,7 %), крестьян – 80 учениц (8,3 %)⁴⁵². В 1903 г. по сословиям учащиеся разделились следующим образом. Из дворянского и чиновничьего сословия обучались 622 ученицы (26,6 %), духовного звания – 58 учениц (2,4 %), городских сословий – 1130 учениц (48,4 %), крестьян – 336 учениц (14,3 %), казаков и мелких чиновников – 95 учениц (4 %), иностранцев – 8 учениц (0,3 %), разночинцев – 85 учениц (3,6 %)⁴⁵³. В общем это не выбивается за рамки совокупных показателей гимназий и прогимназий на протяжении второй половины XIX в. Учитывая данный факт, мы видим преимущество городских сословий. С одной стороны, можно сказать, что женские гимназии вышли за рамки сословного начала и имели более демократичный состав по сравнению с мужскими гимназиями, с другой – необходимо отметить невысокий процент сельского населе-

⁴⁴⁹ Женские гимназии и прогимназии Министерства народного просвещения 1858–1905 гг. – СПб., 1905. – С. 114.

⁴⁵⁰ Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. – СПб., 1914. – С. 264, 266.

⁴⁵¹ Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1903 г. – СПб., 1905. – С. 778.

⁴⁵² РГИА. – Ф. 733. – Оп. 203. – Д. 3046. – Л. 54.

⁴⁵³ Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1903 г. – СПб., 1905. – С. 778.

ния, что говорит о распространении женского образования преимущественно в городах. Несмотря на динамичный рост гимназий, потребность в женском образовании была очень высока. Одно женское учебное заведение приходилось на 72 555 женщин и одна ученица на 233 женщины. В Иркутской губернии – одно женское училище на 46 600, Енисейской – 84 080, Забайкальской – 80 880, Якутской – 155 000 женского населения. Одна учащаяся приходилась на 168 женщин в Иркутской губернии, 254 – в Енисейской, 225 – в Забайкальской и 692 – в Якутской⁴⁵⁴.

Для представления общей картины среднего образования в Восточной Сибири сравним количественные показатели женской и мужской школы. В 1911 г. по совокупности количество мужских классических гимназий, прогимназий и реальных училищ составляло восемь учебных заведений с 2928 учащимися⁴⁵⁵, в 1913 г. в 16 женских гимназиях и прогимназиях обучались 5504 ученицы. Очевидно, что женское среднее образование развивалось быстрее, чем мужское. Количество женских гимназий превосходило мужские в два раза, что свидетельствует не только о динамике развития, но и лидирующем положении. Система женского образования представляла общественную модель и доказала его эффективность.

Подводя итог, необходимо отметить, что система среднего образования Восточной Сибири получила развитие под воздействием урбанизации. Открываясь в административных центрах, гимназии обеспечивали интересы преимущественно городских сословий. Глубинный характер модернизационных процессов не затронул систему среднего образования, что нашло выражение в её асимметрии. Степень модернизационного воздействия проявилась в направлениях развития организационных форм средней школы. Классические гимназии фактически не подверглись модернизационным импульсам, за исключением демократизации социального состава учащихся.

⁴⁵⁴ ГАНО. – Ф 63. – Оп 5 – Д 13. – Л 11

⁴⁵⁵ Азиатская Россия. Т 1. Люди и порядки за Уралом – СПб., 1914 – С 264–266

Профессионально-техническое направление, реализуемое реальными училищами, в большей степени подверглось преобразованию и соответствовало общественным интересам. Тем не менее, государство сохраняло контроль и в этом направлении, содействуя развитию реальных училищ в качестве буферного типа учебного заведения. Незначительное количество часов на общеобразовательные дисциплины, ограничения в праве поступления в университеты обусловили неполноценность реальных училищ

Женское образование имело ярко выраженное общественное начало. Под влиянием общественных интересов получило динамичное развитие и являлось индикатором потребности общества в образовании. В целом, система среднего образования Восточной Сибири развивалась в контексте общероссийской средней школы. Государственное начало обеспечило её единообразие, геополитические особенности проявились лишь отчасти, выразившись в изучении восточных языков.

Глава 3. Особенности кадрового обеспечения системы общего образования

3.1. Законодательное регулирование профессиональной подготовки педагогических кадров

Сложившаяся к середине XIX в. система общего образования Министерства народного просвещения представляла собой совокупность учебных заведений различного типа и уровня образования. Как следствие, возникла проблема кадрового обеспечения всех типов учебных заведений квалифицированными педагогами. К сожалению, опыт профессиональной педагогической подготовки учительских кадров ограничивался деятельностью ряда учебных заведений, регулируемых правовыми актами локального характера. В 1779 г. при Московском университете начала работу учительская семинария для подготовки учителей для гимназий Московского и Казанского университетов. В 1786 г. учительской семинарией стало называться Главное народное училище в Петербурге, осуществлявшее подготовку учителей главных и малых народных училищ. Деятельность этих семинарий ощутимых результатов не принесла, и они вскоре были закрыты. К середине XIX в. число учительских семинарий оставалось незначительным. Они действовали в Москве при Воспитательном доме (1860 г.) и военном ведомстве (1863 г.), в Дерпте (1861 г.), Киеве (1862 г.)⁴⁵⁶.

Понимая крайнюю необходимость, Учёный комитет в 1861 г. впервые инициировал обсуждение вопроса об организации специального педагогического учебного заведения в виде учительского института или семинарии. В 1864 г. в Молодечно открылась экспериментальная учительская семинария, действующая на основании Устава и Положения о Молодечненской учительской семинарии. Вместе с тем

⁴⁵⁶ Кузьмин Н. Н. Учительские семинарии в России и их место в подготовке учителей начальной школы – Курган, 1970 – С. 24

в земских областях увеличивается количество частных учительских семинарий и школ. В 1869 г. в Новгороде и Рязани открылись первые земские учительские семинарии, или, как их ещё называли, учительские школы. От министерских они отличались более демократичными подходами к воспитанию, более широкими общобразовательными программами, более значительным вниманием к профессиональной подготовке. В обстановке всплеска общественной инициативы в области подготовки учителей Министерство народного просвещения признало опыт Молодечненской семинарии успешным и в 1870 г. введено в действие Положение об учительских семинариях⁴⁵⁷.

Учительские семинарии осуществляли профессиональную подготовку учителей начальных училищ. К обучению допускались все сословия православного вероисповедания. Заметим, что религиозное ограничение лишило возможности профессиональной подготовки учителей национальных районов Российской империи. Семинарии содержались за счёт государственных средств, с оговоркой допускающей местное софинансирование в некоторых случаях. Данная оговорка допускала к обучению стипендиатов иных ведомств, обществ или частных лиц. Обучение продолжалось в течение трёх лет. Для педагогической практики при семинарии открывали начальные училища. В 1875 г. циркуляром МНП разрешено было открывать подготовительные классы. Семинарию возглавлял директор, утверждённый в должности министром народного просвещения. Обязательным условием назначения являлось православное вероисповедание и высшее образование соискателя должности. Преподаватели семинарии утверждались в должности попечителем учебного округа.

Исполнительным органом семинарии становится совет. К ведению совета относились вопросы, связанные с учащимся контингентом, назначения и лишения стипендий, наград, определение лучших методик преподавания, формирование

⁴⁵⁷ Устав учёных учреждений и учебных заведений // СЗРН – СПб. 1896 – Т II – ч. I. – С. 347–383.

учебно-методического фонда и библиотеки; распределение учебной нагрузки; хозяйственные вопросы. Однако вопросы разработки и изменения учебных программ остались под контролем попечителя, с обязательным утверждением в Министерстве. Очевидно, что нормы Положения всецело отвечали стремлению правительства оставить педагогическое образование в сфере государственного контроля.

Для окраинных территорий в Положении был предусмотрен комплекс норм, учитывающих региональные особенности и закрепляющие специальное правовое регулирование. В частности, отдельным приложением регулировалась деятельность Иркутской учительской семинарии. Согласно нормам, половина учащихся семинарии набиралась из «крещёных инородцев»⁴⁵⁸. Преподавательский состав утверждался генерал-губернатором. Существенно ограничены функции совета семинарии. Учебные, хозяйственные, методические, кадровые вопросы выносились на утверждение генерал-губернатора. Срок обязательств иркутских семинаристов увеличен с четырёх до шести лет. Заметим, что выпускник Иркутской семинарии имел право в течение года ожидать распределение, находясь на иждивении при семинарии. В случае отсутствия вакансии выпускник освобождался от обязательств⁴⁵⁹. Учитывая, что до 1900 г. Иркутская учительская семинария являлась единственным профессиональным учебным заведением от Иркутска до Владивостока, вакансии были всегда.

В целом, можно сказать, что правовое регулирование деятельности Иркутской учительской семинарии учитывало национальные особенности региона, но устанавливало более жёсткий контроль со стороны государства.

С принятием Положения начинается процесс расширения сети учительских семинарий. Первоначально по одному учебному заведению открыли в Одесском, Харьковском, Московском, Петербургском и Казанском учебных округах. Позднее начали работу учительские семинарии в Финляндии, Латвии,

⁴⁵⁸ Там же.

⁴⁵⁹ Там же. – С. 356.

Закавказье, в немецких колониях (в Лесном Карамыше Саратовской губернии и Екатериноштадте Самарской губернии). Существовали татарские учительские школы в Татарстане, Башкирии, Крыму, чувашская – в Симбирске, казахская – в Оренбурге и др.⁴⁶⁰

Однако многие нормы Положения носили общий характер и требовали детализации. В 1875 г. пробелы были восполнены Инструкцией для учительских семинарий Министерства народного просвещения⁴⁶¹. В Инструкции закреплялся механизм реализации норм Положения, касающихся компетенции директора, наставников, педагогического совета. Основной идеей становится «бдительный надзор за воспитанниками» и способы его достижения⁴⁶². Семинарист круглосуточно находился под надзором наставников, дежурных наставников, квартирных хозяев, родителей. Инструкция содержала подробные учебные программы с методическими рекомендациями. Изначально действие Инструкции устанавливалось на три года, однако срок её действия растянулся на несколько десятилетий.

На протяжении сорока с лишним лет правовое регулирование деятельности учительских семинарий дополнялось только отдельными нормативными актами, принятыми в Министерстве или утверждёнными на высочайшем уровне. Одним из первых циркуляров для выпускников учительских семинарий было введено звание личного почётного гражданина за 12 лет беспорочной службы учителем начальной школы. В период с 1878 по 1899 г. указами императора разрешено обучать в семинариях ламанитов, лютеран, греко-униатов, буддистов, менонитов⁴⁶³.

Обращает особое внимание тщательная забота о состоянии здоровья учащихся. С этой целью в штатное расписание

⁴⁶⁰ Паначин Ф. Г. Педагогическое образование в России. – М.: Педагогика, 1979. – С. 91.

⁴⁶¹ Фальборк Г. А., Чернолуцкий В. И. Настольная книга по народному образованию: законы, распоряжения, инструкции, уставы, справочные сведения и пр. СПб.: Знание, 1901. – Т. 2. – С. 1169–1191

⁴⁶² Там же.

⁴⁶³ Там же. – С. 1152.

семинарии была введена должность врача, ежегодный обязательный осмотр, бесплатная медицинская помощь и отчётная документация. В случае тяжёлого заболевания казённокоштные выпускники освобождались от обязательств по службе, Министерство теряло потраченные средства и профессионально обученного учителя. Наблюдение за состоянием здоровья семинаристов отчасти экономило средства Министерства. Более того, меркантилизм государства закреплялся пунктом о взысканиях за нарушение обязательств по службе, который был дополнен подробным механизмом реализации. Сумма, подлежащая возврату, была увеличена на 25 р. за каждый год обучения.

Таким образом, в 1870-е гг. государство со значительным отставанием начинает создание законодательной базы для профессиональных педагогических учебных заведений. К концу XIX в. правовые акты были дополнены механизмом взаиморасчёта учащегося и Министерства, частично отменены религиозные ограничения к учащимся и, отчасти, расширены права народного учителя. Без внимания осталось качество профессиональной подготовки.

В 1872 г. систему начального образования дополнили четырёхклассные городские училища. Это был единственный тип училищ, осуществлявших наиболее качественную подготовку в области начального образования. Однако профессионального учреждения для подготовки кадрового состава данного училища ещё не существовало, и училища начинали работу в условиях острого недостатка преподавателей. Положение об учительских институтах для подготовки учителей городских училищ было принято в 1872 г.⁴⁴ Они создавались исключительно за государственный счёт, обучение свокоштных воспитанников допускалось только с разрешения Министерства народного просвещения. Ежегодно в институт принимали 75 учащихся «здорового телосложения и хорошей нравственности», поступивший первокурсник вносил едино-

⁴⁴ Устав учёных учреждений и учебных заведений. СПб. - СПб., 1896. - Т. 11. - Ч. 1. - С. 331.

временный взнос в размере 50 р. «на обзаведение»⁴⁶⁵. Если в течение первых шести месяцев учащийся «оказывался нерадивым в занятиях», его отчисляли⁴⁶⁶. Таким образом, с первых месяцев обучения начинался отсев наиболее слабых студентов, сокращая затраты государства на образование. Экономия прослеживалась и в положении, допускающем повторное обучение на курсе только один раз за весь период. Выпускники обязывались отработать в городских училищах в течение шести лет. Срок отсчитывался с окончания института.

В 1870-е гг. сформировалась законодательная база деятельности двух типов профессиональных педагогических учебных заведений для подготовки учителей начальных и городских училищ. Преобладающим типом стала учительская семинария.

Несмотря на увеличивающееся число педагогических учебных заведений, недостаток учителей продолжал сохраняться. Помимо учительских семинарий и институтов подготовкой учителей начальной школы занимались восьмые педагогические классы женских гимназий. Министерство разработало комплекс документов, регулирующих присвоение звания учителя в женских гимназиях. В августе 1874 г. министр народного просвещения утвердил учебный план восьмого дополнительного класса женских гимназий, определили права и обязанности выпускниц. Однако выпускницы восьмого класса имели слабую практическую подготовку и только единицы из них шли в школы.

В 1900 г. законодательство о педагогической деятельности дополнили Правила о педагогических курсах для приготовления учителей и учительниц начальных училищ⁴⁶⁷. Бесплатные курсы вводились на базе городских училищ или женских гимназий и прогимназий. На организацию курсов государство

⁴⁶⁵ Устав учёных учреждений и учебных заведений // СЗРИИ – СПб. 1896 – Т II – Ч. 1. – С. 331.

⁴⁶⁶ Там же. – С. 335.

⁴⁶⁷ Фальсборк Г. А., Чарнолуцкий В. И. Настольная книга по народному образованию: законы, распоряжения, инструкции, уставы, справочные сведения и пр. СПб.: Знание, 1901. – Т. 2 – С. 1311–1313

ежегодно выделяло по 1000 р. Программа была рассчитана на один год и состояла из практической и теоретической части. На курсы принимались выпускники городских и уездных училищ по результатам экзамена. Выпускники курсов получали свидетельство на звание учителя начальной школы.

Таким образом, формирование общей законодательной базы педагогического образования началось намного позже, чем оформилась система общего образования и на протяжении второй половины XIX в. характеризовалось отставанием. На протяжении почти пятидесяти лет основными документами, регулирующими профессиональное педагогическое образование, оставались Положение и Инструкция об учительских семинариях, Положение об учительских институтах. Нормативные акты сохраняли устаревшую учебную программу, требования к педагогическому коллективу и контроль со стороны государства. Стремительное развитие системы общего образования в конце XIX – начале XX в. обусловило появление многочисленных пробелов. Преодоление пробелов осуществлялось посредством многочисленных подзаконных актов как общероссийского, так и регионального значения. Существование многочисленных правил, положений приводило к нарастанию правовой казуистики. Законодательство не соответствовало требованиям времени, не учитывало в полной мере региональные особенности и нуждалось в модернизации.

3.2. Формирование социально-правового статуса учителя: региональные особенности

Развитие системы образования как социального института приводит к массовому характеру профессии учителя. Возрастающая потребность в учителях определяет государственные требования к профессии. В начале XIX в. в Российской империи оформляется социально-правовой статус учителя. Основными факторами, повлиявшими на его формирование, становятся экономические, политические и социальные пока-

затели. Экономические показатели обусловили материальное положение учителя, политические связаны с определением места учителя в государственной системе, с его правовой защищённостью, социальные определили престиж профессии. Трансформация показателей под влиянием модернизационных процессов привела к изменению социально-правового статуса учителя.

С появлением Министерства народного просвещения педагогическая деятельность рассматривается в Российской империи как государственная гражданская служба. Соискатели учительской должности принимались в ведомство по праву, то есть с учётом образовательного ценза. Государственные служащие обладали рядом прав и привилегий. Служба в ведомстве освобождала от телесных наказаний, исключала из лиц облагаемых подушными сборами, освобождала от личных повинностей, давала право на получение бессрочного паспорта. Исполнения обязанностей присяжного заседателя⁴⁶. Будучи государственными служащими, учителя имели право на чинопроизводство. Чин являлся своего рода показателем качества работы учителя. Чем он выше, тем выше профессионализм и квалификация учителя. Чин гарантировал ряд социальных прав и привилегий, приравнивая учителя с правительственными чиновниками. Преподаватели гимназий, городских училищ получали класный чин при поступлении на службу. Повышение по службе до восьмого класса происходило с интервалом в три года по распоряжению Министерства или уполномоченных должностных лиц, с седьмого по пятый через четыре года при условии беспорочной и усердной службы по согласованию с высшими государственными органами. Личным распоряжением императора или назначением от правительства определялись к должности первые четыре класса.

Необходимо отметить, что характерной чертой Министерства народного просвещения являлся хронический недостаток профессиональных кадров, соответствующих государственным требованиям. Стремясь обеспечить стабильную

⁴⁶ Свод законов Российской империи – СПб., 1892 – Т 14 Ч 1 Ст 85

деятельность системы, в Министерстве нередко нарушали установленные правила чинопроизводства. В частности, не соблюдалось соответствие должности и чина. По правилам служащий имел право на разницу чина и должности в три класса, а именно, одним классом выше должности или двумя классами ниже. В Министерстве народного просвещения, преподаватели гимназий, городских и уездных училищ производились «тремя чинами выше класса присвоенного должности»⁴⁶⁹. Сокращались сроки выслуги последующего чина. Так, послужной список учителя городского четырёхклассного училища в Троицкосавске П. С. Михно подтверждает отступление от общих правил в системе чинопроизводства. Окончив в 1888 г. Глуховский учительский институт, Михно был назначен учителем в Троицкосавск. В 1898 г. он получил чин коллежского секретаря со старшинством, в 1901 г. – титулярного советника со старшинством, в 1902 г. – коллежского асессора со старшинством, в 1903 г. – надворного советника со старшинством. В 1906 г. П. С. Михно назначен инспектором Читинского и Акшинского уездов⁴⁷⁰. Таким образом, мы видим, что сроки получения десятого, девятого и восьмого чина нарушены.

На присвоение чина и карьерный рост оказывало влияние происхождение. Учителя сельской начальной школы, в большинстве своём выходцы из податного сословия, получали первый классный чин по прошествии 12 лет «усердной и беспорочной» службы, что случалось крайне редко. Низкий уровень заработной платы, высокая степень контроля со стороны общества и государства, слабая правовая защищённость делали профессию малопривлекательной. Отработав положенный срок, учителя переводились в другие ведомства. Сведения об учителях, получивших чин, носят единичный характер. В Государственном архиве Иркутской области сохранился формуляр учителя Березовского начального училища Якутской области Георгия Петровича Фомина, в 1896 г. получившего

⁴⁶⁹ Свод Уставов по службе гражданской. – СПб., 1898. – Кн. 1. – Гл. 6. – Ст. 407.

⁴⁷⁰ ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 32. – Л. 4.

чин губернского секретаря⁴⁷¹. Там же учитель Сунтарского народного училища Д. Д. Сивцев в 1890 г. после пятнадцати лет службы получил чин губернского секретаря со старшинством. Заметим, что оба учителя уроженцы Якутской области и являются по происхождению якутами, что является важным условием столь длительной службы.

Среди учителей необходимо выделить категорию лиц, получавших назначение в связи с получением образования за государственный счёт. Казённокоштные выпускники учительских институтов и семинарий, гимназий обязывались к работе на гражданской службе на установленный срок. Обязательства сохранялись и при отсутствии вакансий, в таком случае казённокоштные выпускники могли назначаться в другие губернии на учительские должности в приходские школы. Обязательства не затрагивали реальные училища. Так, выпускники Троицкосавского реального училища поступали на гражданскую службу без обязательной отработки.

Выпускники сибирских учительских семинарий, завершив обучение, отрабатывали шесть лет. По истечению двух лет службы в начальной школе учитель имел право продолжить образование в учительском институте, при этом оставшиеся четыре года обязательной службы сохранялись. Если образование в учительском институте было получено за государственный счёт, то обязательства за обучение в институте возникали после погашения предыдущего. Однако выпускник учительского института освобождался от обязательств, если в течение шести месяцев он не получал назначения в городское училище⁴⁷². В случае отказа выпускника от отработки возмещалась полная стоимость обучения.

Получая назначение, будущие учителя и должностные лица имели право на «прогонные деньги на две лошади» и «третное, не в зачёт жалование», то есть на бесплатный проезд до места службы и получение единовременного пособия в размере трети годового оклада.

⁴⁷¹ ГАИО. – Ф. 63 – Оп. 5. – Д. 31. – Л. 9

⁴⁷² Свод Уставов по службе гражданской – СПб., 1898. – Кн. 1. – Гл. 3. – Ст. 23

В Восточной Сибири большинство служащих в ведомстве МНП являлись выпускниками учебных заведений Европейской России. Так, например, в 1881 г. в системе управления учебными заведениями из 19 должностных лиц только двое являлись выпускниками местных учебных заведений – штатные смотрители Троицкосавского и Нерчинского уездных училищ коллежские асессоры Иннокентий Афанасьевич Лалетин и Иван Петрович Черепанов, выпускники Иркутской гимназии⁴⁷³. В начале XX в. соотношение местных и приезжих учителей составляло 40 и 60 % соответственно. Увеличение числа учителей из местного населения произошло благодаря деятельности учительских семинарий, восьмых педагогических классов женских гимназий и государственной поддержке служащих в отдалённых районах империи.

Особой категорией педагогических работников являлись домашние наставники и учителя. В 1834 г. Положением о домашних наставниках и учителях введено звание домашнего наставника и домашнего учителя, для женщин, соответственно, домашней наставницы и учительницы. Звание зависело от уровня полученного образования. Выпускники университетов получали звание наставника. Домашний учитель имел неоконченное высшее образование, но сдавший экзамен на звание. Лица, имеющие свидетельства на звания домашних учителей и наставников, считались на государственной службе ведомства МНП и имели право на ношение установленной форменной одежды. Домашние наставники и учителя обязаны ежегодно отчитываться о педагогической деятельности, подтверждая её рекомендательными письмами от родителей учеников. Однако наставники и учителя не всегда имели возможность регулярно докладывать о своей деятельности, довольно часто многие из них меняли род деятельности. Учитывая данные обстоятельства, число состоявших на государственной службе домашних наставников и учителей было незначительно.

⁴⁷³ Памятная книжка (вторая) Восточно-Сибирского учебного округа / под ред. Ю. А. Девесю. – Иркутск: Тип. Восточно-Сибирского военного округа, 1881. – 347 с.

Модернизационные процессы в системе образования привели к бурному росту числа женских гимназий. В большинстве из них были открыты восьмые педагогические классы, выпускницы которых имели право на занятие педагогической деятельностью. Домашней наставницей могла быть выпускница педагогического класса женской гимназии, получившая аттестат с отличием. Домашней учительницей считалась выпускница педагогического класса женской гимназии. Женщины пользовались правами и привилегиями служащих, но к чинопроизводству не допускались. Неполющенный статус женских гимназий обозначил проблему чинопроизводства служащих в гимназиях преподавателей мужчин. Только в конце XIX в. мужчин, служащих в женских гимназиях, уравнили в правах с персоналом мужских учебных заведений.

Революционные события 1905 г. повлекли демократизацию в министерской системе чинопроизводства. Сократились сроки чинопроизводства для учителей сельских школ. Распоряжение министра народного просвещения «О порядке применения Высочайшего повеления 5 октября 1906 г. о правах службы канцелярских служащих недворянского происхождения» установило срок выслуги в зависимости от полученного образования от года до двух лет¹⁷⁴. С 1908 г. выпускники учебных заведений, равные по статусу с уездными училищами, получили право на присвоение первого классного чина без экзаменов, на что до этого имели право только выпускники гимназий, реальных и городских училищ. Повысился статус домашних учителей, наставников и учительниц. Наставники получили право на присвоение 14-го классного чина с начала службы, домашние учителя получали 14-й чин спустя год службы, но до получения чина пользовались правами чиновников. Следующий чин наставники получали через три года, домашние учителя – через шесть лет службы. Лица, не окончившие образование, но выдержавшие испытание на звание учителя начальной школы, получили право на производство

¹⁷⁴ Сборник действующих распоряжений Министерства народного просвещения об учителе начального училища / сост. А. П. Сыромятников. — Одесса, 1911. С. 76, 78.

в чин спустя три года учительской службы⁴⁷⁵. В декабре 1911 г. установлено звание учительницы средней школы, что давало женщинам право преподавания в низших и средних мужских и женских учебных заведениях⁴⁷⁶. В условиях недостатка квалифицированных кадров и бурного роста женских гимназий принятый закон расширил сферу профессиональной деятельности учительниц и привёл к увеличению их числа.

Таким образом, процесс формирования государственного статуса учителя проходил в контексте развития системы образования. Степень соответствия статуса учителя статусу правительственного чиновника разделила педагогическое сообщество на преподавателей гимназий, реальных и городских училищ и учителей сельской начальной школы. Анализируя государственный статус педагогических работников, очевидно, что положение первой группы преподавателей соответствовало положению чиновников, вторая была лишь приближена к ним. В начале XX в. различия сокращаются, но не исчезают совсем. Отношение официальных властей к сельскому учителю отличалось крайне консервативной позицией. Представители власти отмечали, что большинство народных учителей представляет вечно недовольный и тяготящийся своим положением бродячий элемент и не решались расширить права и привилегии сельского учителя⁴⁷⁷. Ещё более консервативную позицию относительно сельских учителей занимало духовенство. Члены Московской духовной академии в 1910 г. заявляли: «Если хотите создать среди самого народа новый класс людей, озлобленных и завистливых; если хотите новый элемент государственного беспорядка – создайте класс сельских учителей»⁴⁷⁸.

⁴⁷⁵ Свод законов Российской империи – СПб., 1857 – Т. 3 – Ст. 418, 419, 422.

⁴⁷⁶ Лаурсон А. М. Закон 19 декабря 1911 г. и правила об испытании лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения учёных степеней и звания учительницы средних учебных заведений – СПб., 1913. – С. 4.

⁴⁷⁷ Недумов И. О. О подготовке народных учителей. Вестн. школы – 1914. – № 2. – С. 12–17.

⁴⁷⁸ Там же.

Позиция властей нашла отражение в экономическом показателе статуса учителя. Среднее жалование сельского учителя в конце XIX в. составляло 16–20 р. в месяц и очень часто выплачивалось с задержкой⁴⁷⁹. Дополнительные уроки пения, рисования, музыки сверх учебной программы не оплачивались. Исследователи народного образования В. И. Чарнолуцкий и Г. А. Фальборк отмечали, что «жалование народного учителя так ничтожно, что даже места сидельцев казённых винных лавок оказались для многих гораздо более выгодными»⁴⁸⁰. Особенно в тяжёлом положении учителя оказывались в годы войн и революций, когда цены возрастали в несколько раз, а заработная плата оставалась прежней. Низкому жалованию сопутствовали и плохие условия труда. Как правило, школьные помещения находились в плачевном состоянии – тёмные, холодные, тесные. В большинстве случаев это были приспособленные под школу старые дома. В одном классе количество учеников могло достигать до 80 чел. Жилая площадь учительской квартиры зачастую не соответствовала норме – 72 кв. аршина, где 42 – комната, 30 – кухня⁴⁸¹. Очень часто жильё учителя находилось в том же помещении, где была классная комната, и отделялось только ширмой.

Низким оставалось и правовое положение учителя. Исследователь российского учительства Н. В. Сучков отмечал «Все другие низшие должности соединены правами, одна только должность сельского учителя поставлена ниже всех»⁴⁸². Анализ правового положения народного учителя в 1903 г в Нижнем Новгороде проводила комиссия, сформированная из членов общества взаимопомощи учителей. Результаты работы были представлены на съезде делегатов общества взаимопомощи учителей. Исследования показали, что учитель начальной школы фактически лишён правовой поддержки

⁴⁷⁹ Панвичи Ф. Г. Учительство и революционное движение в России (XIX - нач XX в.). – М.: Педагогика, 1986. – С. 119.

⁴⁸⁰ Чарнолуцкий В. И., Фальборк Г. А. Народное образование в России. СПб. Изд-во О. Н. Поповой, 1900. – С. 79

⁴⁸¹ Сучков И. В. Учительство России в кон XIX – нач XX в. М. Альфа 1994. С. 30.

⁴⁸² Там же

Он подвергался контролю со стороны инспекции народных училищ, училищного совета, попечителей школы, местной администрации. Все эти структуры имели право вмешиваться в профессиональную деятельность и частную жизнь учителя. Его могли перевести в другую школу, уволить с работы без согласия. Кроме того, учителю запрещалось участвовать в общественных и профессиональных организациях, сотрудничать с печатью⁴⁴³. Приобретать литературу для повышения своего профессионального уровня учителя могли только с согласия попечителя учебного округа⁴⁴⁴. В целом, положение учителя начальной школы можно назвать нищенским и бесправным. Жёсткая регламентация как профессиональной деятельности, так и личной жизни негативно сказывалась на положении народной школы, делая профессию учителя непривлекательной для основной части населения. Большинство учителей со временем переходили на службу в другие ведомства.

В более выгодном положении находились преподаватели средней школы – гимназий, прогимназий, реальных училищ, в том числе и учительских семинарий. Работая по специальности, они обеспечивались жильём, при отсутствии у учебного заведения собственного жилого фонда получали средства за аренду квартиры. Помимо этого, они бесплатно обеспечивались формой, дровами для отопления квартир. Оклад преподавателей с высшим образованием составлял 900 р., со средним – 750 р. в год. В 1912 г. вступил в действие закон об улучшении материального положения служащих в средних общеобразовательных мужских учебных заведениях и окружных инспекторов. Увеличивались оклады, вводилась оплата дополнительной нагрузки и классного руководства. Кроме того, преподаватели средних учебных заведений имели право на оплачиваемый отпуск, различные социальные пособия в случае болез-

⁴⁴³ Василевич В. Московский съезд представителей учительских обществ взаимопомощи. 1902–1903 гг. – М., 1905. – С. 170.

⁴⁴⁴ Панчуков А. П. История начальной и средней школы Восточной Сибири. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. – С. 30.

ни, женитьбы и т. д. При переводе с одного места работы на другое сохранялся педагогический стаж, а после 20-летнего срока службы начислялась пенсия⁴⁸⁵.

Таким образом, социально-правовое положение учителя напрямую зависело от полученного образования и места работы. Условия работы сельского учителя и его правовой статус негативно влияли на обеспечение начальной школы квалифицированными кадрами. В результате большинство школ нуждалось в учителях.

Для Восточной Сибири кадровая проблема в начальной школе имела стратегическое значение. Экономическое развитие Восточной Сибири, строительство Транссибирской магистрали, работа переселенческих комитетов выводила регион на новый уровень взаимоотношений с имперским центром. Положение системы образования являлось одним из факторов, влияющих на развитие региона. Поэтому одной из важнейших задач государства на восточной окраине становится обеспечение системы профессиональными кадрами.

В связи этим в 1886 г. принимается ряд нормативных актов, закрепляющих особые условия службы в отдалённых регионах империи. Учитывая геополитические особенности, к ним были отнесены районы со сложными климатическими условиями и особым географическим положением. Закреплённые в законодательстве льготы получили названия особых и наибольших преимуществ. Особым преимуществом пользовались служащие Восточной Сибири. К регионам с наибольшими преимуществами были причислены остров Сахалин, Петропавловский, Гижигинский, Охотский, Николаевский округа Приморской области; Якутская область; Туруханский край Енисейской губернии; Кольский, Кемский, Мезенский и Печорский уезды Архангельской области.

Особое преимущество представляло собой «... 1) прогонные деньги в усиленном размере; 2) пособия на подъем и обустройство; 3) прибавки к жалованию; 4) пособия по выслуге

⁴⁸⁵ Панаичин Ф. Г. Педагогическое образование в России. М.: Педагогика, 1979. С. 137.

десятилетий; 5) пособия на воспитание детей; 6) отпуска на льготных основаниях; 7) преимущества пенсионные; 8) пособия семействам лиц, умерших на службе»⁴⁶⁶. Служащим Верхоянского и Колымского округов Якутской области дополнительно полагался бесплатный продуктовый паек.

«Усиленный размер прогонных денег» для выезжающих на службу в Иркутское генерал-губернаторство выражался в получении полуторной стоимости проезда в отдалённые местности и двойной в области с наибольшим преимуществом. Пособие на «обзаведение» для женатых чиновников полагалось в размере годового оклада их будущего жалования, для неженатых – 2/3. Половина пособия выдавалась перед отъездом, оставшаяся часть – по прибытию. Чиновники, получившие проездные деньги и единовременное пособие, обязывались в течение трёх лет проработать на новой должности, в противном случае деньги взыскивались обратно.

«Прибавки к жалованию» чиновники получали за добросовестную службу в течение пятилетия. Количество оплачиваемых пятилетий определялось законом, в Якутии и Туруханском крае засчитывалось три, в Иркутском и Приамурском генерал-губернаторстве – два. За каждое пятилетие полагалась доплата из расчёта 25 % от жалования. Каждая прибавка начислялась по текущему максимальному жалованию, в случае его увеличения во втором пятилетии пересчитывалась доплата первого, в случае уменьшения – доплата за первое сохранялась в прежнем объёме. Аналогичный расчёт действовал и при начислении третьей доплаты. Каждые десять лет чиновники Приамурского генерал-губернаторства получали единовременное пособие в размере «полуторных прогонов по классу занимаемой ими должности до места, из которого они первоначально были переведены на службу в отдалённые районы»⁴⁶⁷. В марте 1890 г. по ходатайству генерал-губернатора Н. И. Гродекова служащим средних учебных заведений Приамурья были увеличены оклады в полтора раза, что отраз-

⁴⁶⁶ Фальборк Г. А., Чарнолуцкий В. И. Настоящая книга по народному образованию – СПб. Знание, 1991. – Т. 2. – С. 912.

⁴⁶⁷ Там же – С. 917.

илось и на исчислении пенсии. С 1884 по 1905 гг. чиновники по учебной части Забайкальской области пользовались этими льготами, так как в этот период Забайкалье входило в состав Приамурского генерал-губернаторства.

Для помощи в обучении детей сибирских чиновников государство учреждало специальные стипендии во всех типах учебных заведений. В случае отсутствия стипендий государство ежегодно выплачивало 360 р. учащемуся в университете, 240 р. – в средних учебных заведениях, 120 р. – в начальных. Дети сибирских чиновников, окончив Иркутскую, Красноярскую или Читинскую гимназии, дополнительно получали 60 р. единовременного пособия из казны. Служащим в Якутии и Туруханском крае оплачивался проезд каждого ребёнка при поступлении в учебное заведение. Детям, получавшим домашнее образование, до 13 лет полагалось пособие в размере 100 р. в год и 150 р. до 18 лет. Дети, получившие при поддержке государства высшее образование, обязаны были отработать в течение шести лет.

Продолжительность отпуска на льготных основаниях составляла четыре месяца. В 1913 г. преподаватель Читинской учительской семинарии В. В. Мезенев в связи с болезнью жены и необходимостью её лечения получил трёхмесячный отпуск с сохранением жалования для поездки на Кавказ⁴⁴⁸.

В областях с наибольшим преимуществом (Якутия и Туруханский край) льготы закреплялись за всеми госслужащими без исключения. В остальных областях Сибири – только за чиновниками, начиная с 9-го классного чина (титулярный советник), включая женщин и законоучителей, работающих в средних учебных заведениях. Преимущества не распространялись на государственных служащих, переведённых властями из смежных областей и районов, не признанных отдалёнными, а также лиц, прибывших в отдалённые области по собственному желанию. В случае, если чиновник являлся уроженцем отдалённой области и не имел высшего образования, льготы исключались из его содержания. Ещё одним отступлением

⁴⁴⁸ ГАЧО. – Ф 71. – Оп. 1. – Д 579 – л 117

стало то, что лица, не имевшие на момент принятия закона 13 июня 1886 г. 10-летнего стажа сибирской службы, особыми преимуществами не пользовались.

Принятая программа особых преимуществ повысила социальный статус учителя в регионе и отчасти способствовала разрешению проблемы кадрового обеспечения восточносибирских школ. Однако государство ограничивало число лиц, имеющих право на получение льгот, закрепляя приоритет за чиновниками, прибывшими из Европейской России.

На повышении статуса учителей оказало влияние пенсионное обеспечение. Долгое время отсутствие единого пенсионного устава Российской империи ставило народных учителей в неопределённое положение относительно получения пенсии. При переезде из одной губернии в другую предыдущий педагогический стаж не засчитывался. Годы преподавания не учитывались при начислении пенсии на другой службе. Не был установлен и пенсионный возраст. Зачастую учителя работали до полной утраты трудоспособности. Только в 1901 г. была создана пенсионная касса для учителей, куда отчислялись 6 % годового оклада⁴⁸⁶.

Пенсия полагалась служащему в ведомстве Министерства народного просвещения по истечению 20 лет безупречной службы. Пенсионер получал ежемесячную выплату в размере половины оклада получаемого жалования на последней должности. Лица, прослужившие 25 и более лет, могли получать полный оклад. При продолжении службы по учебному ведомству работающий пенсионер получал дополнительно к пенсии одну пятую часть от её общей суммы за каждое последующее пятилетие. После окончательной отставки пенсия пересчитывалась с учётом дополнительных выплат и жалования последнего места службы, при нижеоплачиваемой должности пенсия сохранялась прежняя. Выходя окончательно на

⁴⁸⁶ Сучков И. В. Учительство России в кон. XIX – нач. XX в. – М. Альфа, 1994. – С. 56.

пенсию, учитель получал единовременное пособие в размере годового оклада. В фонд помощи учителям с пенсионной суммой удерживалось 2 %⁴⁹⁰.

Лицам, перешедшим в учебное ведомство из другого, частично засчитывался срок предыдущей службы только после десяти лет работы в ведомстве Министерства народного просвещения. При пересчёте стажа работы применялась следующая формула – пенсионный стаж Министерства делили на пенсионный стаж иного ведомства, полученный коэффициент умножали на количество лет, отработанных до перехода в учебное ведомство, и получали количество лет, соответствующее педагогическому стажу. В то же время, если учитель перешёл до выслуги пенсионного срока в другое ведомство, то его педагогический стаж засчитывался в полном объёме 1:1.

Пенсионный срок службы сокращался, если учитель в период своей «отлично-усердной» педагогической деятельности получал тяжёлое заболевание, не позволяющее ему продолжать учебную деятельность. Выходящим в отставку по состоянию здоровья пенсию исчисляли из расчёта одной трети оклада за службу от 10 до 15 лет, двух третей – от 15 до 20 лет, полный оклад начислялся за 20-летнюю службу⁴⁹¹. Сорок сокращался до пяти лет в случае, если учитель по болезни не мог обходиться без посторонней помощи. Единовременное пособие по уходу на пенсию увеличивалось в два раза при наличии у учителя семьи. По смерти пенсионера пенсия продолжала выплачиваться вдове (50 %) до её нового замужества, детям (50 %) до совершеннолетия или поступления в учебные заведения.

Действие пенсионного устава в полном объёме распространялось на инспекторов и директоров народных училищ Иркутского генерал-губернаторства.

В 1901 г. преподавателям гимназий и прогимназий устанавливались пенсии в соответствии со штатным расписанием гимназий, утверждённым до 19 ноября 1864 г. Пенсия надзира-

⁴⁹⁰ Устав о пенсиях и единовременных пособиях по ведомствам учёному и учебному // СЗРИ – 1896. – Т. 3. – С. 874–896

⁴⁹¹ Там же.

телей и воспитателей начислялась по окладу жалования старшего учителя гимназии по штату 17 апреля 1859 г. Пенсии помощников классных наставников не должны были превышать годового оклада в 300 р. Учитель русского языка и математики подготовительного класса в гимназии с высшим образованием получал пенсию, равную пенсии учителя, работавшего в основных классах гимназии. В ином случае назначалась пенсия в соответствии с окладом учителя уездного училища. Учителя чистописания в подготовительных классах гимназий и прогимназий были лишены права на пенсию.

В учительских семинариях пенсия преподавательскому составу начислялась на основании штатного расписания Молодечненской учительской семинарии, утверждённого 25 июня 1864 г. Однако для Иркутской учительской семинарии было сделано отступление от правил. Учитель подготовительного класса получал пенсию исходя из оклада учителя уездного училища, что несколько превышало обычный размер пенсии.

В трёхклассных и четырёхклассных городских училищах пенсии начислялись по штатному расписанию уездных училищ, утверждённому от 17 апреля 1859 г. Преподавательскому коллективу уездного училища пенсии и единовременные пособия назначались в соответствии с принятым законом.

Пенсионный фонд учителей начальной школы формировался из отчислений 6 % от заработной платы. Для учителей приходских и начальных училищ пенсия рассчитывалась по особым правилам. В связи с отсутствием установленного оклада учителя начальной школы при начислении пенсии в законе были установлены её минимальные и максимальные размеры от 28 р. 59 коп. до 90 р. в год. Учитель, проработавший 25 лет без жалования, имея только содержание от сельских обществ, мог рассчитывать на пенсию в 28 р. 59 коп. в год, учитель, получавший жалование более 90 р. в год, получал пенсию в размере, не превышающем 90 р. в год. Единовременное пособие по уходу на пенсию выдавалось в соответствии с жалованием, если учитель работал только за содержание, пособие не по-

лагалось. Вдовы получали только единовременное пособие, не превышающее годовой оклад учителя. Служба учителей приходских и начальных училищ не засчитывалась в трудовой стаж при переходе в другое ведомство.

Долгое время оставался неурегулированным вопрос о пенсиях преподавательниц женских гимназий и прогимназий. Закон об их пенсионном обеспечении был принят в 1900 г. Право на пенсию, рассчитанную из оклада в 500 р. в год, получила начальница гимназии, имеющая звание учительницы, на 100 р. меньше получала начальница прогимназии. Преподавательницам женских учебных заведений в целом полагалась пенсия из расчёта 300 р. в год, но лишь в том случае, если они за время службы вели не менее шести уроков в неделю⁴⁹². Кроме этого, закон не закрепил право женщин на получение пенсии и пенсионных доплат за проработанные пятилетия при продолжении службы. Таким образом, право преподавательниц женских гимназий на пенсионное обеспечение отчасти носило ограниченный характер, что понижало социальный статус женщин учительниц по сравнению с коллегами мужчинами.

Фактически за рамками пенсионного обеспечения остались домашние наставники и учителя. Для получения пенсии им необходимо было подтвердить документально звание учителя и предоставить аттестат об образовании и свидетельства о 25-летнем сроке усердной и беспорочной службы в частных домах от бывших работодателей. Более того, в течение 25 лет домашний наставник и учитель должен ежегодно отчитываться о своей деятельности перед учебными властями, своевременно уведомлять о смене работодателя, соблюдать в точности все правила педагогической деятельности, утверждённые учебными властями. В случае соблюдения всех указанных выше правил домашний наставник получал пенсию в размере 270 р. в год, домашний учитель – 160 р. в год. При меньшем трудовом стаже пенсионеру назначалась половина оклада. Единовременное пособие выплачивалось в соответствии

⁴⁹² Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1900. – Ч. 331. – С. 7.

с указанными выше суммами. Пенсия и пособие домашних наставников и учителей 2 % вычетом не облагались. Вдовы и сироты имели право на получение пенсии на общих основаниях. Однако большинство домашних наставников и учителей принимались на работу без свидетельства на звание учителя лишь на основании аттестатов, отчётности не соблюдали и на протяжении 20–25 лет рекомендательные письма не хранили. В итоге, эта группа педагогов оставалась в подавляющем большинстве без пенсионного обеспечения.

В целом, учителей, получавших пенсию по выслуге лет, было незначительное количество. В 1914 г. в дирекции Забайкальской области из 651 учителя, состоявшего на службе, получало пенсию лишь 17 чел., из них 5 учительниц. Заметим, что все пенсионеры продолжали работать в школе. Более 25 лет проработал в школах Восточной Сибири Николай Николаевич Байбородин (30 лет), Таисия Ильинична Позднякова (36 лет), Вера Федоровна Февралева (33 года), Константин Спиридонович Щербаков (33 года), Илья Виссарионович Перфильев (30 лет)⁴⁹³.

Ещё одной мерой, направленной на повышение статуса и престижа учительской профессии, становится принятая система награждений и поощрений. Служащие учебного ведомства награждались орденами четырёх степеней имени Святой Анны, Святого Станислава и Святого Владимира, знаками отличия за беспорочную службу, золотыми и серебряными медалями на Александровской ленте⁴⁹⁴. К награждению орденами и медалями представляли один раз в три года. Получая орден, кавалер выплачивал единовременное пособие в казну капитула на благотворительную деятельность, награждённые орденом св. Владимира за I степень – 450 р., II – 225 р., III – 45 р., IV – 40 р.; св. Анны за I степень – 159 р., II – 35 р., III – 20 р., IV – 10 р.; св. Станислава за I степень – 120 р., II – 30 р., III – 15 р.⁴⁹⁵

⁴⁹³ ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 168. – Л. 90.

⁴⁹⁴ ПСЗРИ. – 2-е изд. – СПб., 1895. – Т. 1. – Ч. 2. – С. 935–955.

⁴⁹⁵ Чарволюский В. И. Настольная книга по народному образованию. – СПб.: Знание, 1911. – Т. 4, доп. – С. 940.

Ордена давали право на получение пожизненной пенсии. Количество пенсий было ограничено и зависело от степени ордена и времени получения. Прошение подавали в течение года после вручения ордена, по истечению сроков кавалер терял право получения пенсии. Кавалеры орденов св. Георгия и св. Владимира, имея ордена других наименований, имели право на две пенсии одновременно, в то время как кавалерам других орденов подобно запрещалось.

Награждение орденом предполагало ещё и возложение юридически закреплённой обязанности по попечению «разных ... обществу полезных заведений»⁴⁹⁶. Кавалер отчитывался о своей благотворительной деятельности перед капитулом и обществом кавалеров орденов.

Орден Святого равноапостольного князя Владимира имел четыре степени, первые две из которых назывались степенями «большого креста», а третья и четвёртая – «меньшего креста» Владимир I степени стоял по старшинству орденов сразу за Андреем Первозванным. Девиз ордена – «Полюза, честь и слава». Кавалеры I степени имели знаки: крест на красной ленте с широкими чёрными полосами по краям, надетой через правое плечо, и звезду на левой стороне груди; II степени – такой же крест на шее и звезду. Награждённые III степенью носили крест меньших размеров на шее, а IV – крест в петлице (на груди). Право на получение ордена имели почётные попечители, избираемые на должность более девяти лет, государственные служащие, прослужившие более 35 лет. Служащие Министерства народного просвещения в основном удостоивались третьей и четвёртой степени. В системе общего образования Восточной Сибири ордена св. Владимира III степени удостоены действительный статский советник Филолог Васильевич Рудаков, в 1880-е гг. занимавший должность главного инспектора народных училищ, действительный статский советник Александр Глебович Дедов, главный инспектор народных училищ в 1902 г.⁴⁹⁷ Орден IV степени в 1881 г. имел директор

⁴⁹⁶ Чернолуцкий В. И. Настольная книга по народному образованию – СПб. Зна-ние, 1911. – Т. 4, доп. – С. 940.

⁴⁹⁷ Памятная книжка (вторая) Восточно-Сибирского учебного округа под ред.

Якутской мужской прогимназии Киприан Данилович Жуков, орден III степени – почётный попечитель Иркутской мужской гимназии Иван Степанович Хаминов⁴⁹⁸. В 1906 г. орденом IV степени награждён протоиерей Михаил Александрович Фивейский, законоучитель Иркутского учительского института⁴⁹⁹.

Орден св. Анны, «установленный в награду подвигов, совершаемых на поприще государственной службы и в воздаяние трудов для пользы общественной», мог присуждаться неограниченному числу людей. Он состоял из красного креста с эмалевым изображением св. Анны, дополненного золотым ажурным орнаментом между концами, звезды и красной ленты с жёлтой каймой. Девиз ордена – «Любящим правду, благочестие и верность». Невысокое его положение в ряду старшинства русских орденов обеспечило ему широкое распространение. По указу 1847 г. Аннинским крестом III степени стали награждать чиновников «за беспорочную 12-летнюю службу в одной должности не ниже VIII класса», таким образом, фактически орден являлся знаком выслуги лет.

Орден св. Станислава был самым младшим среди русских орденов. По статуту ордена св. Станислава учреждались четыре его степени. Орден I степени представлял золотой четырёхконечный крест с расширяющимися раздвоенными концами и золотыми шариками на них. Раздвоенные концы креста соединены золотыми дужками. В углах креста помещались золотые двуглавые орлы. Крест покрыт с лицевой стороны красной эмалью. В центре креста, в медальоне, на белом поле вензель святого Станислава: SS. На оборотной стороне такой же вензель. Вокруг медальона на зелёном поле – лавровый венок. Орден носили на красной ленте с двойной белой каймой. Ордена II и III степени имели тот же вид, но меньшего размера. Орден II степени носили на шее, III – в петлице мундира. Девиз ордена – «Награждая, поощряет». Орден вручался за «ревностное и беспорочное» служение, за учреждение и со-

Ю. А. Делеско. – Иркутск, 1881. – С. 327

⁴⁹⁸ Там же

⁴⁹⁹ ГАИО – Ф. 63 – Оп. 5 – Д. 15 – Л. 127 об

держанье в течение семи лет учебного заведения, за 35-летнюю службу, о присвоении которого «дозволяется каждому просить самому по начальству»⁵⁰⁰. Срок за службу в отдалённых и малонаселённых местностях сокращался. В Сибири каждые три года службы засчитывались как четыре и орден св. Станислава IV степени мог быть вручен по прошествии 27 лет службы. Награждение орденами св. Анна и св. Станислава предусматривало получение личного дворянства. Отметим, что дети чиновников, получивших титул личного дворянина, наделялись правами потомственного почётного гражданина.

В Восточной Сибири в 1881 г. из 18 руководителей в мужских гимназиях, прогимназиях и уездных училищах Министерства народного просвещения трое имели орден св. Анны. Орден II степени – директор Троицкосавского реального училища Иннокентий Никитич Солдатов, св. Анны III степени – директор народных училищ Иркутской губернии Альберт Николаевич Бауэр, св. Анны II степени – инспектор Красноярской гимназии Петр Алексеевич Карпов. Девять награждены орденом св. Станислава II и III степеней⁵⁰¹. Учитывая количество орденов св. Анны, присвоенных служащим учебной части Восточной Сибири, можно сказать, что длительный срок службы не являлся характерной чертой служащих учебной администрации края. Довольно часто, находя лучшее место, чиновники переходили в другое ведомство.

В начале XX в. увеличивается количество награждённых учителей орденом св. Станислава II и III степеней. Так в 1916 г. ордена получили 12 чел. – руководитель практических работ Читинского ремесленного училища Даниил Вясков, учителя Читинского городского училища Капитолина Боганива, Алексей Ядонист, инспектор Петровско-Заводского городского училища Анатолий Брайковский, инспектор Зюльзинского городского училища Лука Кожеуров, учителя Верхнеудинского городского училища Петр Лахин, Федора Таты-

⁵⁰⁰ Чернолуцкий В. И. Настольная книга по народному образованию – СПб: Знание, 1911. – Т. 4, доп. – С. 941

⁵⁰¹ Памятная книжка (вторая) Восточно-Сибирского учебного округа под ред. Ю. А. Делеско. – Иркутск, 1881. – С. 347

зина, Нерчинского городского училища Петр Окунцов, Троицкосавского приходского училища Иван Капустин, инспектор Агинского городского училища Иван Овчинников, Кабанского городского училища Николай Красильников⁵⁰².

Кроме орденов, в Министерстве вручались медали и знаки отличия за добросовестный труд. За сорокалетнюю действительную службу чиновники награждались знаком отличия беспорочной службы. За получение знака плата не взималась. За десятилетнюю службу учителя и домашние наставники награждались медалью на Александровской ленте для ношения в петлице с надписью «За усердие». Наставники получали золотую медаль, учителя – серебряную. В пользу капитула наставники выплачивали 30 р., учителя – 15 р. Медали вручались на Станиславской, Аннинской лентах. Нагрудная медаль на Станиславской ленте вручалась за благотворительную деятельность в деле развития народного просвещения, медаль на Аннинской ленте – за многолетний труд. В 1916 г. в Забайкальской области семь учителей награждены серебряной медалью на Александровской ленте, восемь – серебряной медалью на Станиславской.

Наряду с награждениями в профессиональной сфере существовал ряд наград за общественную деятельность. Так, многие сотрудники средних учебных заведений и учительских семинарий награждены медалью, приуроченной к первой все-русской переписи населения 1897 г. Широкое распространение получили медали в память царствования императора Александра III, в память 300-летия Дома Романовых.

Широко отмечалось участие населения в сборе средств и организации мобилизации в годы Первой мировой войны. Так, в 1915 г. награды «за полезную деятельность и призрение семейств призванных на войну нижних чинов» получили учителя Нерчинского высшего начального училища Ф. Г. Мясников и А. М. Поросенков. В частности, Флегонт Григорьевич Мясников собрал пожертвований на сумму 7555 р. для

⁵⁰² ГАЗК. – Ф. 4 – Оп. 1 – Д. 344 – Л. 72

семей «нижних чинов»⁵⁰³. За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации в 1914 г. награждены медалью служащие Читинского ремесленного училища: инспектор М. И. Васильев, руководитель практических работ Д. И. Вьясков, В. А. Крочевский, И. И. Корякин, кузнечный мастер А. Ф. Яблонский, слесарь-подмастерье А. Э. Фетлир, бухгалтер Т. И. Кондрацкий, надзиратель В. В. Окунцов. Награды были получены за экстренные, сверхурочные работы по выполнению заказов местных воинских частей и оборудованию рентгеновского кабинета Забайкальской общины сестер милосердия Российского общества Красного креста⁵⁰⁴.

В целом, в начале XX в. в системе народного образования сформировалась разнообразная система наград и поощрений сотрудников. Система содействовала повышению престижа профессии и повышала самооценку рядового учителя. И если в середине XIX в. основным контингентом награждаемых сотрудников являлись представители учебной администрации, то в начале XX в. награждений орденами и медалями удостоивались и сельские учителя.

Подводя итог, необходимо отметить, что формирование статуса учителя началось в начале XIX в. На протяжении столетия модернизационные процессы, происходящие в системе образования, обусловили появление дифференцированного образования. Различные требования, предъявляемые к педагогическому составу средней и начальной школы, сказались на статусе преподавателей гимназий, реальных и городских училищ и учителей сельской начальной школы. Статус преподавателей был достаточно высок и соответствовал статусу правительственных чиновников. Статус учителя сельской начальной школы имел существенные ограничения и не соответствовал в полной мере статусу государственного служащего. Имея формальные черты чиновника, учитель находился в самом низу социальной лестницы, влача нищенское существование. Демократические преобразования 1905–1906 гг.

⁵⁰³ ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 344. – Л. 86

⁵⁰⁴ Там же.

способствовали повышению статуса учителя сельской школы, но не уравниали с преподавателями средней школы. Низкий социальный статус учителя становится одной из причин непопулярности профессии. В условиях экономического роста, развития промышленности, социальной модернизации потребность в образовании в конце XIX в. ощущалась остро, особенно в отдалённых провинциях, где отсутствовали земские органы. Особенности геополитического положения Восточной Сибири требовали разработки специальной программы, направленной на удовлетворение кадровой потребности в образовании. Созданная правительством программа социальных преференций усиливала региональные особенности системы образования и отчасти способствовала разрешению кадровой проблемы и изменению статуса учителей. Социальное положение учителя в Восточной Сибири находилось на более высоком уровне, чем в Европейской России. Однако система преференций действовала выборочно, не распространяясь на учителей – уроженцев Восточной Сибири. Сохраняя консервативно-охранительную позицию, государство препятствовало воздействию модернизационных импульсов на систему подготовки педагогических кадров.

3.3. Модернизационные процессы в реализации кадрового обеспечения системы общего образования

Зарождение профессионального педагогического образования связывают с учительскими семинариями. Первая из них была создана при Московском университете в 1779 г. Она осуществляла подготовку учителей для гимназий Московского и Казанского университетов. В 1786 г. в учительскую семинарию преобразовали Главное народное училище в Петербурге. Деятельность этих семинарий при отсутствии стройной школьной системы ощутимых результатов не принесла, и они вскоре закрылись. Формирование системы общего образования в начале XIX в. началось задолго до создания сети про-

фессиональных педагогических учреждений. Второе рождение семинарий приходится на середину XIX в. Педагогические заведения открылись в Москве при Воспитательном доме (1860 г.) и военном ведомстве (1863 г.), в Дерпте (1861 г.), Киеве (1862 г.), Павловске (1864 г.), Молодечно (1869 г.). Следует отметить, что семинарии открывались в условиях отсутствия общероссийского законодательства. Каждая из них учреждалась по специальному разрешению властей. Открытию семинарий в Киеве, Дерпте и Молодечно способствовало революционное движение в Белоруссии, Литве и на Украине, национально-освободительное движение в Польше. Созданием на этих территориях семинарий правительство также пыталось ускорить процесс русификации населения⁵⁰⁵.

К концу XIX в. увеличение числа начальных школ привело к острейшей потребности в учителях. Всё чаще на всех уровнях власти обсуждался вопрос об открытии новых учебных заведений для их подготовки. Известный исследователь истории просвещения А. М. Арсеньев считал, что «народное образование и подготовка учителя народной школы во второй половине XIX в. в России были ареной острой политической борьбы ... отражая собой борьбу прогрессивных сил русского общества и крепостнической реакции»⁵⁰⁶. Относительно проблемы подготовки педкадров различные позиции занимали Министерство народного просвещения, настроенное более консервативно, и общественность, выражающая либеральную точку зрения. Основные противоречия заключались в целях, задачах, постановке учебного процесса. Министерство настаивало на сокращении общеобразовательных программ, усилении религиозного и монархического воспитания.

Оппонентами официальных властей выступали земства, представители общественности, деятели народного просвещения – В. И. Чернолуцкий, Г. А. Фальборк, барон Н. А. Корф, К. Д. Ушинский, Н. И. Пирогов, Л. Н. Толстой, Д. Д. Семенов.

⁵⁰⁵ Кузьмин Н. Н. Учительские семинарии в России и их место в подготовке учителей начальной школы – Курган, 1970. – С. 24

^{506 42} Арсеньев А. М. Против идеализации учительских семинарий. Сов педагогика. – 1947. – № 12. – С. 47–59.

Н. В. Чехов и др. Они требовали повышения качества подготовки начального учителя, углублённого изучения общеобразовательных предметов и предметов профессиональной подготовки, а также улучшения материального и правового положения учителя.

Многие из них предлагали собственные проекты. Например, К. Д. Ушинский считал, что идеальным условием для подготовки народных учителей станет создание закрытых специальных учебных заведений в небольших уездных городах. Обучение в них должно было осуществляться по специальным программам, с особым строем всей учебно-воспитательной жизни. Практические навыки будущие учителя должны были получать в образцовых начальных училищах, открытых при семинариях. Также он считал, что знания должны быть «не обширны, но по возможности ясны, точны, определённые и очень разнообразны». Проект К. Д. Ушинского послужил основой для открытия семинарий⁵⁰⁷. Ещё один из интереснейших проектов перестройки системы принадлежит известному учёному Д. И. Менделееву. В 1905 г. он выступил с проектом создания «Училища наставников», в котором предлагал создать педагогический городок в центре России, с хорошей материальной и учебно-методической базой. В целом, проект подразумевал создание в сельской местности учебно-образовательного комплекса, осуществлявшего подготовку профессиональных учителей для всех ступеней образования с высокой степенью теоретической и практической подготовки⁵⁰⁸. Некоторые предложения из этих проектов нашли отражение в жизни. Так, в Европейской России семинарии преимущественно открывались в провинциальных городках.

Заметим, что земства более активно занимались вопросами просвещения. В 1869 г. в Новгороде и Рязани открылись первые земские учительские семинарии, или, как их еще на-

⁵⁰⁷ Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания: пед. соч. – М., Л., 1950. – Т. 8. – С. 183

⁵⁰⁸ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР XIX – нач. XX в. / под ред. Э. Д. Днепров, С. Ф. Егорова, Ф. Г. Паначина. – М.: Педагогика, 1991. – С. 219

зывали, учительские школы. От министерских они отличались более демократичными подходами к воспитанию, широкими общеобразовательными программами, значительным вниманием к профессиональной подготовке. Такая постановка дела противоречила официальной политике Министерства народного просвещения, основной доктриной которого являлось укрепление основ самодержавия и православия. Это подтолкнуло правительство к более решительным действиям в отношении подготовки учителей. Министр просвещения Д. А. Толстой в докладе к императору Александру II указывал на необходимость контроля за подготовкой учителей. Он считал, что открытие семинарий должно осуществляться только за счёт государства. Получив одобрение императора, Министерство оказывало всестороннее содействие открытию государственных учительских семинарий⁵⁰⁹.

Семинарии давали возможность получить бесплатное образование. Для поступления достаточно владеть объёмом знаний сельского двухклассного училища, а с 1912 г. – высшего начального училища. Срок обучения составлял три, а с 1902 – четыре года. При приёме в семинарию иногородних воспитанников предоставлялось место в пансионе. Проживавшие в пансионе получали бесплатное питание, одежду, учебные принадлежности. Количество мест в пансионе приравнивалось к количеству казённых мест в семинарии.

К обучению принимались юноши от 15 до 22 лет. Следует отметить, что лица старшего возраста или женатые принимались только с особого разрешения попечителя учебного округа. Часть учащихся получала государственные стипендии (не более 120 р. в год) и называлась «казённокоштными». Воспитанники, обучающиеся за свой счёт, получили название «своёкоштных». После окончания семинарии «казённокоштные» выпускники должны были отработать в начальных школах четыре года, либо вернуть полученную за весь срок обучения стипендию. В случае их поступления в учительский институт

⁵⁰⁹ Паначин Ф. Г. Педагогическое образование в России – М. Педагогика, 1979 – С. 96.

отработка сокращалась на два года. Комплектация семинарий не превышала 100 чел. одновременно. По своему социальному положению семинаристы в основном представляли детей зажиточных крестьян, сельского духовенства и чиновников. В 1871 г. в семинариях Министерства народного просвещения крестьяне составляли 32 %, в 1894 – 64 %⁵¹⁰. Официальные власти придерживались точки зрения, что учитель, вышедший из крестьянской среды, будет более приспособлен к сельской жизни. Что касается самих крестьян, то выбор учительской деятельности давал им возможность выйти из податного состояния, повысить свой социальный статус, получить некоторые льготы. Так, лица, состоящие на должности учителя, освобождались от воинской повинности, на время пребывания в семинарии освобождались от налогов⁵¹¹.

Неохотно принимали в семинарии выходцев из разночинной интеллигенции и детей фабрично-заводских рабочих. Считалось, что эти категории населения наиболее социально опасны и политически неблагонадёжны⁵¹². Воспитанники постоянно находились под контролем наставников. За нарушение правил подвергались дисциплинарным взысканиям, обычно это выражалось в форме выговора, лишения на время или навсегда стипендии, помещения в карцер до трёх суток, исключения из пансиона или семинарии.

Педагогический состав семинарии комплектовали с особенной тщательностью. В основном, все преподаватели имели высшее образование или диплом учительских институтов. Преподавателей черчения, рисования, чистописания, ремёсел принимали со средним образованием. Одним из главных критериев отбора являлись религиозность и политическая благонадёжность. Кандидатура директора выбиралась попечителем учебного округа. В свою очередь, директор имел право по

⁵¹⁰ Там же. – С. 91.

⁵¹¹ Жалкина О. Н. Из истории формирования учительского корпуса в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. // «Учитель, ученики...» материалы региональной науч.-теоретической конф., посвящ. 90-летию В. Ш. Дулова: в 2 кн. Кн. 1. – Иркутск: ИГПУ. 2003. – С. 96–99.

⁵¹² Арсеньев А. М. Против идеализации учительских семинарий // Сов. педагогика – 1947. – № 12. – С. 47–59.

своему усмотрению приглашать преподавателей, аттестовать, представлять к наградам, увольнять. В семинарском учебном процессе директор обычно преподавал педагогику и представлял, как и все преподаватели, учебную программу на рассмотрение педсовета. Преподаватели, кроме своих прямых обязанностей, должны были осуществлять надзор за поведением и нравственностью учеников, заведовать кабинетом или библиотекой. Педагогический совет контролировал педагогическую и воспитательную деятельность, распределял стипендии, следил за состоянием здоровья учащихся⁵¹³.

Учебный план семинарий предусматривал изучение Закона Божьего, главных основ педагогики, русского и церковнославянского языков, арифметики, основ геометрии, землемерия, черчения, рисования, пения и ремёсел. В начальном училище при семинарии воспитанники отрабатывали педагогические навыки.

Единых учебных программ для всех семинарий не было. Они составлялись педсоветом и утверждались через попечителя учебного округа в Министерстве народного просвещения⁵¹⁴. По сравнению с учительскими институтами в семинариях больше времени отводилось на изучение русского языка, истории, географии, чистописания и особенно Закона Божьего, меньше – на математику и естествоведение. Теория давалась в сокращённом виде. По поводу учебных программ Н. А. Корф в журнале «Вестник Европы» в 1883 г. писал: «Семинаристам сообщаются данные по физике приблизительно в размере элементарной физики Крюгера, прекрасной, но очень тоненькой книжечки, предназначенной для начальных классов. Это ли угрожает опасностью материализма? Остается поддерживать в учителя представления о том, что Земля на ките стоит и что гром обозначает катание Илья на колеснице и т. п. Семинарии, предлагая естественные науки в таком ничтожном размере, давали курс Закона Божьего почти в объ-

⁵¹³ Чарнолуский В. И., Фальборк Г. А. Учительские семинарии и школы: систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций, программ и справочных сведений. – СПб., 1901 – С. 94–95

⁵¹⁴ Там же. – С. 179.

ёме гимназического. Ежедневно Закону Божьему уделялось больше учебных часов, нежели четырём естественным наукам»⁵¹⁵.

Будущих учителей дополнительно учили основам сельского хозяйства, садоводства, животноводства, пчеловодства и т. д. Такая постановка учебного дела тесно связана с политикой Министерства народного просвещения, которая проводилась в сфере просвещения. В. И. Чарнолуский и Г. А. Фальборк отмечали, что народная школа была перегружена целым рядом специальных задач. В результате «...общеобразовательные задачи школы и требования педагогики совершенно пренебрегались: даже при назначении народных учителей на первый план часто ставили не педагогическую годность того или другого кандидата, а его способность преподавать пение, заниматься школьным садиком и т. п.»⁵¹⁶.

Во второе десятилетие XX в. ситуация не изменилась. Вопросы профессиональной подготовки широко обсуждались на первом Всероссийском учительском съезде, состоявшемся в конце 1913 г. На нём присутствовало более шести тысяч учителей из различных регионов России, в том числе из Сибири, Туркестана, Кавказа. Основные проблемы, обсуждаемые на съезде, сводились к плохой подготовке народных учителей и сложному материально-правовому положению. Особенно резко обозначились противоречия по вопросам образования между официальными властями и делегатами съезда. «Подготовка в учительских семинариях поставлена неудовлетворительно. Семинаристов пичкают методикой, не давая им никакого общего образования», – таково было мнение делегатов съезда⁵¹⁷. Официальные власти, напротив, рекомендовали

⁵¹⁵ Корф Н. А. Наши учительские семинарии. Вестн Европы. – 1883 – Т. 3. – Кн. 5. – С. 324–341

⁵¹⁶ Чарнолуский В. И., Фальборк Г. А. Народное образование в России. – СПб. Изд-во О. Н. Поповой, 1900 – С. 73

⁵¹⁷ Недумов И. О. О подготовке народных учителей. Вестн школы – 1914 – № 2. – С. 12–17

съезду обратить внимание на углублённое изучение дополнительных сельскохозяйственных дисциплин, приближающих учителя к сельской жизни.

На требования общественности о расширении общеобразовательных программ и усилении профессионально-педагогической подготовки министр народного просвещения Л. А. Кассо ответил: «То, что на нём (съезде, *прим. авт.*) говорилось, относилось нередко к области утопии. Со своей стороны я желал бы помешше утопий, и побольше идеализма, без которого были бы невыносимы тяжёлые условия деятельности народных учителей. Для успеха народным учителям нужна искренняя вера в русскую государственность и русский народ»⁵¹⁸. О нежелании правительства реформировать систему просвещения свидетельствует статья журналиста И Недумова в официальной прессе: «Высказывая свои соображения, мы от души желали бы, чтобы впредь руководители съездов, а равно менторы учителей в печати не возбуждали бы в них несбыточных надежд и мечтаний»⁵¹⁹. В целом, учебный процесс в семинарии являлся одной из слабых сторон. И в дальнейшем эта проблема оставалась насущной вплоть до 1917 г.

Первые педагогические учебные заведения в Восточной Сибири появились в 1870-х гг. К 1873 г. начали работу учительские семинарии в Иркутске и Красноярске. Следует отметить, что в отличие от учительских семинарий России, где они открывались в основном в небольших населённых пунктах, семинарии в Восточной Сибири, как правило, основывались в крупных городах. По поводу открытия первых педагогических учебных заведений в Иркутске и Красноярске известный исследователь Н. С. Юрцовский писал: «Открытие этих семинарий не отставало от открытия семинарий в Европейской России, впервые основанных по уставу в 1872 г.»⁵²⁰. Однако до

⁵¹⁸ Интервью с министром народного просвещения Л. А. Кассо. Вести школы - 1914. - № 3. - С. 4-7.

⁵¹⁹ Недумов И. О. О подготовке народных учителей // Вести школы - 1914 - № 2. - С. 15.

⁵²⁰ Юрцовский Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири - Новокилевск: Сибирское обл. кн. изд-во, 1923. - С. 206

1900 г. на всей территории Восточной Сибири существовали всего две учительские семинарии, а совокупность их годовых выпусков составляла максимум 40 чел.

Иркутская учительская семинария, открытая в 1872 г., является первым педагогическим учебным заведением Восточной Сибири. В дальнейшем многие семинарии открывались на основании положения об Иркутской семинарии. Основной её целью являлась подготовка учителей для русских и иногородческих начальных школ, прежде всего, для бурят и якутов. Семинария располагала 78 государственными стипендиями, говоря современным языком, бюджетными местами. Из них половина предназначалась для русских, половина для бурят и якутов. Примечательно, что при семинарии для практических занятий студентов действовало две начальных школы, одна для русских учеников, другая для учащихся бурят. Однако следует отметить, что только в 1899 г., по данным Е. И. Недоспасовой, в семинарию приняли первого воспитанника из бурят. Да и в дальнейшем их количество было незначительно. С 1872 г. по 1897 г. Иркутскую семинарию окончили всего 12 бурят⁵²¹.

В первые годы деятельности семинария столкнулась с проблемой комплектации классов. Значительное количество бюджетных мест оставалось не занято. Это объяснялось высоким образовательным цензом для поступающих, отсутствием информации у населения об открытии семинарии. К этому следует добавить низкий заработок, отсутствие правовой базы, социальных льгот у учителей, что делало эту профессию малопривлекательной в глазах населения⁵²². В 1880 г. в решении этого вопроса оказал содействие Иркутский генерал-губернатор, приказав разослать во все области и уезды информацию об открытой семинарии. Для привлечения учащихся понизили образовательный ценз до уровня двухклассного

⁵²¹ Андреев В. И. История бурятской школы (1804–1926 гг.). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. – С. 175.

⁵²² Чапоргина Н. А. Общеобразовательная школа Восточной Сибири как фактор социокультурного развития края (на материалах пореформенного периода XIX в): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – М.: МГПУ, 1995. – С. 12.

начального училища. Постепенно количество желающих получить образование в семинарии увеличилось. По данным отчёта директора семинарии П. И. Тереховского, учащиеся семинарии были в основном выходцами из крестьянского сословия. В 1900 г. они составляли 61 % окончивших в этом году семинарию, 38 % приходилось на мещан, остальные сословия по данным отчёта не были представлены⁵²³. В 1913 г. в семинарии обучались 96 воспитанников. Из них 17 (17,7 %) мещан, 43 (44,7 %) крестьянина, 3 казака (3,1 %), 4 из духовного сословия (4,1 %), 3 потомственных гражданина (3,1 %), и 26 (27 %) инородцев. Очевидно, социальный состав семинарии был достаточно демократичным. Ко второму десятилетию XX в. выходцы из крестьянского сословия потеснили мещан, что в принципе отвечало цели семинарии.

Преподавательский состав семинарии не соответствовал требованиям Министерства в полной мере. Среди преподавателей только двое имели высшее образование. Остальные имели неоконченное высшее или являлись выпускниками учительских институтов. Проблема комплектации штатов соответствующими кадрами была типичной для Восточной Сибири. В частности, в Иркутской семинарии в 1912–1913 учебном году оставалось незанятым место директора. Вакансии заполнялись наиболее подходящими кандидатурами с позиции местной администрации.

На содержание семинарии из государственного казначейства поступало 35 950 р., из них на оплату труда преподавателям – 11 896 р., содержание семинаристов – 18 720 р., содержание помещений – 4935 р., учебные пособия – 400 р. От общественных сборов выделяли 2125 р. Кроме того, семинария располагала тремя частными стипендиями им. барона фон Сиверса и семью стипендиями, учреждёнными местными властями⁵²⁴.

Долгое время Иркутская учительская семинария не имела собственного помещения, необходимого оборудования

⁵²³ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 47. – Л. 18.

⁵²⁴ Соколовский П. Э. Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае – Харьков, 1914. – С. 133.

Только благодаря золотопромышленнику Базанову, пожертвовавшему 25 000 р., семинария смогла купить дом, в котором проходили занятия. В 1881 г. семинария приобрела здание для начальной школы для прохождения семинаристами педагогической практики, которую до этого проводили в Знаменском приходском училище. В 1898–1899 учебном году получено разрешение на создание подготовительного класса с интернатом на 30 мест, что способствовало увеличению числа желающих учиться. К 1900 г. семинария смогла создать оптимальные условия для учебного процесса. К тому времени семинарию окончили 304 чел., из них 82 чел. были направлены в школы Забайкальской области, 35 чел. – в Амурскую и Приморскую области, большая часть выпускников осталась в Иркутской губернии⁵²⁵.

Открытие подготовительного класса, пансиона, начального училища позволили значительно увеличить количество учащихся и улучшить качество педагогической подготовки. Но следует отметить, что для создания этих условий семинарии потребовалось почти 30 лет. За 50 лет своего существования семинария смогла подготовить около 700 учителей начальной школы. В 1920 г. семинария была реорганизована в педагогический техникум, а в 1937 г. – в педучилище, которое и в настоящее время готовит учителей начальной школы⁵²⁶.

Красноярская учительская семинария учреждена в 1873 г. В 1902 г. окончено строительство двухэтажного корпуса, включавшего учебные аудитории, физический и естественнонаучный кабинеты, спортивный зал, помещения под общежитие. Достоинством материального обеспечения можно считать выделение всем преподавателям пятикомнатных квартир, которые располагались в отдельном здании⁵²⁷. Преподавательский состав семинарии характеризовался стабильностью и высоким уровнем профессиональной подготовки. Как и ди-

⁵²⁵ ГАИО. – Ф 63 – Оп 1. – Д 47 – Л 166

⁵²⁶ Меньшиков Л. П. Из истории становления среднего педагогического образования в Иркутской области. – Иркутск: Изд-во ИПКРО, 2001. – С. 28

⁵²⁷ Соколовский П. Э. Русская школа в Восточной Сибири и Приморском крае. – Харьков, 1914. – С. 125

ректор Ф. И. Говоров, все преподаватели семинарии в 1912 г. имели высшее образование, что являлось для Восточной Сибири исключительным случаем.

На содержание семинарии от государственной казны ежегодно поступало 23 987 р. Дополнительными средствами служили сборы от городских и сельских обществ в размере 7725 р., которые тратились на стипендии учащимся⁵²⁸.

Условия поступления, учебный процесс в семинарии ничем не отличались от других российских семинарий. Единственное отличие Красноярской семинарии состояло в том, что она готовила учителей только для Енисейской губернии, располагая 60 государственными стипендиями. Это не замедлило сказаться на уровне грамотности её населения. К 1900 г. Красноярскую семинарию окончили 196 чел. Из них 6 % составляли дети дворян и чиновников, 4 % – духовенства, 26 % – мещан, 46 % – крестьян и поселенцев, 7 % – казаков, 1 % – бурят⁵²⁹. Основной контингент учащихся этих учебных заведений составляли дети из крестьянского сословия. Инспектирующий учебные заведения П. Э. Соколовский отмечал хороший уровень подготовки семинаристов. В 1912–13 учебном году в семинарии обучались 63 учащихся. Заметим, что из них 32 ученика являлись коренными сибиряками, 31 чел. относился к переселенцам.

В целом, деятельность Иркутской и Красноярской учительских семинарий не могли удовлетворить потребность всей Восточной Сибири в учителях. Быстрый рост школьной сети требовал соответствующего числа учителей, а, следовательно, и открытия новых учебных заведений для их подготовки. Несмотря на деятельность этих семинарий, дефицит учительских кадров не только не сократился, но и увеличился. В Министерство народного просвещения неоднократно поступали ходатайства об увеличении количества учебных заведений для подготовки учителей.

⁵²⁸ Соколовский П. Э. Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае – Харьков, 1914. – С. 125–128

⁵²⁹ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 48. – Л. 5.

Особенно остро стояла проблема обеспечения учителями школы Забайкальской области. Ситуация признавалась властями крайне сложной. По официальной статистике за 1897 г. на 1000 жителей приходилось 888 безграмотных, из ста женщин грамотной была только одна, 90 % детей школы не посещали.⁵³⁰ Низкому образовательному уровню способствовали отсутствие и подготовка учителей. В области отсутствовали специализированные учебные заведения Министерства народного просвещения, которые бы осуществляли квалифицированную подготовку учителей. Местная администрация неоднократно запрашивала разрешение на открытие учительской семинарии в крае, которую открыли в Чите только в 1900 г.

13 марта 1900 г. штат Читинской семинарии утверждён императором, занятия начались 22 октября 1900 г. в арендуемом помещении. Семинария осуществляла государственный заказ по подготовке народных учителей, «преданных православию и самодержавию», для начальных школ Забайкальской области и Дальнего Востока. За короткое время по индивидуальному проекту городского архитектора Г. В. Никитина построено оригинальное каменное двухэтажное здание с внутридомовой церковью, ставшее украшением города. Помимо основного здания, семинария располагала домом для преподавателей, зданием для больницы, баней, различными хозяйственными постройками.

Содержание семинарии формировалось из нескольких источников. Из государственного казначейства в семинарию поступало 33 775 р., из них 9150 р. составляли стипендии, 20 950 р. предназначались на жалование преподавателям, 800 р. — на закупку учебников, 2500 р. — на хозяйственные расходы (освещение, отопление) и 400 р. — на канцелярию. Кроме того, в семинарии существовали частные стипендии, средства на которые в размере 8000 р. собраны Агинской степной думой для содержания семинаристов-бурят⁵³¹. В целом, в семи-

⁵³⁰ Куломзин А. Н. Потребности начального образования в Сибири: воспомянутый доклад статс-секретаря Куломзина по поездкам в Сибирь 1896–1897 гг. — СПб.: Гос. тип., 1898. — 143 с.

⁵³¹ Соколовский П. Э. Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае. — Харьков, 1914. — С. 136.

нарнии за короткий срок создана хорошая учебно-методическая база, оборудованы кабинеты (лаборатории), собрана библиотека. Говоря современным языком, семинария представляла собой своеобразный образовательно-педагогический комплекс. Помимо трёх основных семинарских классов она имела подготовительный класс, начальное образцовое училище для прохождения в нём педагогической практики, общежитие для иногородних воспитанников.

На протяжении всего существования семинария испытывала определённые сложности с комплектацией штата, несмотря на более высокую оплату труда по сравнению с семинариями Иркутска и Красноярска. В частности, нарушая законодательство, в семинарию были приняты преподаватели инославного вероисповедания (лютеранин и буддист), а в годы Первой мировой войны – подданные других государств (английский подданный Вальтер Ирвинг). Что касается материального обеспечения преподавателей Читинской семинарии, то оно в 1,5 раза превышало оклады Иркутской и Красноярской семинарий. Как уже говорилось, Забайкальская область с 1884 по 1905 г. находилась в составе Приамурского генерал-губернаторства, где по ходатайству генерал-губернатора были увеличены оклады преподавателям средней школы и семинарии в 1,5 раза. Повышение жалования отчасти способствовало привлечению квалифицированных преподавателей в учебные заведения Приамурья, но не решало проблему полностью.

Особенности геополитического положения Забайкальской области определили специфические черты ученического коллектива семинарии. Основу ученического контингента составляли выходцы из казачьего сословия (более 60 %). Директор М. А. Королев по этому поводу в отчёте за 1906 г. отмечал: «Среди учащихся преобладает казачье сословие ... во-первых, начальное обучение среди казачьего сословия Забайкальской области поставлено лучше и поэтому существует стремление продолжить образование, во-вторых, сравнительной матери-

альной обеспеченности этого сословия, в-третьих, стремление путём учительской деятельности ... избавиться от службы в казачьем войске»⁵³².

С сентября 1901 г. особым распоряжением Приамурского генерал-губернатора в семинарию разрешено принимать бурят-буддистов. Они составляли 5 % от общего числа учащихся. Процент этот невелик, но следует отметить, что, начиная с 1902 г., в семинарии ежегодно учились в среднем три ученика-буддиста⁵³³. Учитывая, что многие буряты имели недостаточные знания, в том числе и русского языка, для них создавались приемлемые условия для поступления. Снижение образовательного ценза при поступлении, лояльное отношение со стороны преподавателей во время обучения давало им возможность восполнить недостаток образования и успешно продолжать обучение. Деятельность семинарии в этом направлении заложила основу подготовки национальных педагогических кадров.

Таким образом, в Восточной Сибири в начале XIX в. сформировалась основа профессионального педагогического образования, представленная учительскими семинариями. Учитывая возрастающую потребность населения в образовании, общественный приоритет в развитии начальной школы, очевидно, что государственная система педагогических учебных заведений значительно отставала в развитии. В совокупности в 1912–1913 учебном году в семинариях обучались 253 ученика, из них получили свидетельство об окончании 62 чел.⁵³⁴ Несомненно, на огромный регион с ежегодно увеличивающимся числом школ количество выпускников было недостаточным.

Государственная политика в области профессионального образования в начале XX в. требовала кардинальных преобразований. Однако власти не решались на качественное изменение педагогического образования, отдали предпочтение

⁵³² ГИЖ - Ф. 71 - Оп. 1 - Д. 129 - Л. 11, 12

⁵³³ Минаева И. И. Забайкальские учительские семинарии. - Читя. Ловск. УИИ. - С. 149

⁵³⁴ Сивилевский П. Э. Русские школы в Восточной Сибири и Приамурском крае. - Хельсинки. 1924 - С. 118

численному росту остальных семинарий. В 1914 г. семинарии открылись в Минусинске и Якутске. В 1915 г. начала набор учащихся семинария в Александровском Заводе. В сентябре 1913 г. Государственной Думой было принято решение об открытии в честь 300-летия Дома Романовых 93 учительских семинарий с образцовыми училищами при них. Семинарии открывались при условии предоставления местными властями в безвозмездную собственность участка земли под строительство. В городе выделяли две десятины, в селе – пять³³⁵. В Восточной Сибири семинарии в честь 300-летия Дома Романовых открылись в 1917 г. в Верхнеудинске, Сретенске, Киренске, Балаганске и в с. Тулунском³³⁶. Справедливости ради следует заметить, что увеличение их числа происходило в условиях ведения Первой мировой войны, когда основные средства предназначались для обеспечения фронта. Тем не менее, все открывшиеся семинарии содержались за счёт государственного казначейства.

Обратим внимание, что местом открытия новых семинарий становятся уездные города. По мнению учебной администрации, учреждение семинарий в крупных городах пагубно сказывалось на их эффективности. Среди учащихся преобладали горожане, которые по окончании старались остаться в городе, в то время как существовала насущная потребность в сельских учителях. Открытие семинарий в крупных селах или уездных городках привлекало больше учащихся из крестьянской среды, которые по окончании семинарии охотнее идут в сельские школы. Таким образом, учреждение учительских семинарий в сельской местности способствовало более активному вовлечению крестьянского населения в сферу образования. Сельская учительская семинария становится инструментом, способствующим усилению социальной модернизации села.

К концу XIX в. семинарии окончательно заняли приоритетное место в системе педагогического образования. В нача-

³³⁵ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 366. – Л. 2

³³⁶ Меньшиков Л. П. Педагогические учебные заведения Иркутской губернии - Иркутск Изд-во ИПКРО, 2000 - С. 7

ле XX в. их деятельность внесла значительный вклад в просвещение. Большинство выпускников работали в сельских школах. Несмотря на многочисленные недостатки, до 1917 г. учительские семинарии являлись основным звеном в подготовке народных учителей. Тем не менее, семинарии не могли в полной мере удовлетворить потребность сельской начальной школы в учителях.

Обеспечение учителями городских учебных заведений возлагалось на учительские институты. В институт могли поступить молодые люди, окончившие средние учебные заведения, учительские, духовные семинарии, а также выпускники городских училищ, проработавшие год в школе, обязательно с «положительной нравственностью». В каждом учительском институте обучались в среднем 75 чел., основной контингент – выпускники учительских семинарий. Студенты делились на казеннокоштных и своекоштных. После окончания «казеннокоштные» выпускники отрабатывали в школе не менее шести лет. Учащиеся получали незаконченное высшее образование и, так же, как и выпускники семинарий, не имели доступа в университеты.

Учебная программа института включала три курса, из них два теоретических и один образовательно-практический. Студенты изучали Закон Божий, педагогику, русский язык, церковнославянское чтение, арифметику и начальную алгебру, геометрию, историю русскую и всеобщую, географию русскую и всеобщую, естественную историю и физику, черчение и рисование, чистописание, пение, гимнастику. В некоторых институтах дополнительно преподавался ручной труд. При каждом институте для прохождения педагогической практики студентов существовало начальное училище. Расхождения с учебной программой семинарий незначительны, в институте больше внимания уделяли педагогике, где изучали умственное, нравственное, физическое воспитание, общие требования дидактики и методики, школьную дисциплину. Выпускники институтов являлись педагогами «широкого профиля» и могли преподавать по два-три и более предметов в городских,

уездных, высших начальных училищах. В конце XIX – начале XX в. учительские институты находились в Петербурге, Москве, Казани, Вильно, Томске, Белгороде, Глухове, Феодосии, Тифлисе, Тамбове. К 1 января 1917 г. их география значительно расширилась, а количество достигло 48. После 1917 г. часть институтов была реорганизована, другая послужила основой для современных педагогических институтов⁵³⁷.

Учительский институт в Иркутске открыт в 1909 г. по распоряжению министра народного просвещения на основе ходатайства главного инспектора народных училищ Г. П. Василенко. Институт помещался в трёх деревянных домах, арендованных у В. М. Борисовой на ул. Дегтярева, 4. В одном из них помещались учебные комнаты, в другом – городское училище для практических занятий студентов, третье отводилось для занятий ручным трудом. Здесь же помещались квартира директора, учителя начального училища и письмоводителя. По мнению директора, все помещения были тесные и слабо приспособленные для учебных занятий, что стало основанием для ходатайства о выделении земли и постройке собственного здания. В 1911 г. для института городские власти выделили участок земли на углу Верхне-Амурской и 3-й Иерусалимской улиц.

На содержание института из государственной казны выделялось 34 885 р. в год. Институт располагал специальными средствами в размере 772 р., образовавшихся из средств, собранных за обучение своекоштных воспитанников, которые расходовались на хозяйственные нужды и вознаграждения служащим преподавателям. В частности, институт оформил кредит в 150 р. в аптеке Вельшинского о предоставлении учащимся лекарств бесплатно. Студенту Петру Шубину было выдано единовременное пособие в 50 р. для лечения⁵³⁸.

Институт не располагал общежитием для иногородних студентов, все они проживали на ученических квартирах под строгим контролем педагогов. Ежемесячно государственные

⁵³⁷ ГАЗК. – Ф. 71. – Оп. 1. – Д. 421. – Л. 102

⁵³⁸ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 5. – Д. 15. – Л. 128.

стипендиаты получали по 16 р. В отчёте директор института отмечал: «...сумма при общей дороговизне жизни в Иркутске является далеко недостаточной»⁵³⁹. Для улучшения материального положения студентов педагогический коллектив совместно с главным инспектором учебного округа организовали студенческую столовую. Столовая находилась в отдельном помещении, обслуживалась сотрудниками, нанятыми институтом. Ежемесячно студенты вносили за питание по 4 р., недостающие суммы («в размере до 3 р. с человека») оплачивались институтом. По мнению директора, столовая «...в значительной степени оправдала возлагаемые на неё надежды, так как качеством и количеством отпускаемой пищи воспитанники довольны»⁵⁴⁰.

Методическое обеспечение института можно считать удовлетворительным. За три года сформировалась научная библиотека из 1111 и ученическая из 2037 наименований. В связи с отсутствием в первые годы деятельности старших классов, все средства, выделенные на их содержание, педагогический коллектив потратил на обеспечение учебно-методической части. Кроме библиотеки, для института приобрели наглядные принадлежности для физического и естественно-исторического кабинетов стоимостью 2700 р.⁵⁴¹

К 1912 г. в институте укомплектованы все три курса, где обучались 54 казённокоштных учащихся, из них 24 приехали из отдалённых местностей. На первый курс поступило 19 чел. при полном комплекте в 40 чел. Недостаток учащихся объясняется высокими требованиями к поступающим. Уровень образования абитуриентов не всегда соответствовал требованиям. В 1909–1912 гг. в институт ежегодно подавали заявления до 60 чел., из них успешно сдавали вступительные экзамены и зачислялись не более 26 чел.⁵⁴² Заметим, что большинство воспитанников института уже имеют звание учителя и многие

⁵³⁹ Там же. — Л. 127.

⁵⁴⁰ Там же.

⁵⁴¹ Там же. — Л. 126.

⁵⁴² Соколовский П. Э. Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае. — Харьков, 1914 — С. 145

работали в школе. Для многих из них обучение в институте становилось способом повышения квалификации. Учительский институт накануне революции 1917 г. представлял собой лучшее профессиональное учебное заведение для подготовки учителей в регионе. Тем не менее, его эффективность была невысокой, ежегодный выпуск в среднем 25 учителей не мог удовлетворить растущую потребность начальной школы в кадрах.

Подводя итог, можно сказать, что в Восточной Сибири в начале XX в. происходило бурное развитие народного просвещения. Количество общеобразовательных школ в начале XX в. увеличивалось ежегодно. Если в 1894 г. их число составляло 831, то в 1910 г. уже 1785⁴³. В то же время недостаток учреждений для подготовки учителей был очевиден. Темпы развития педагогических учебных заведений значительно отставали от динамики начальной школы. Государственное начало в профессиональном образовании замедляло глубину проникновения модернизационных импульсов в систему педагогических учреждений. Не решаясь на качественные преобразования, государство изыскивало новые формы подготовки учителей в старом формате.

Одним из решений вопроса становится открытие при женских гимназиях восьмых педагогических классов. Как ранее отмечалось, в 1870 г. власти наделили правом получения звания домашней наставницы, домашней учительницы и учительницы народных училищ выпускниц женских гимназий и прогимназий. Ученицы, окончившие гимназию с медалью и педагогический класс, получали звания домашних наставниц, без медали, но с хорошим аттестатом и освоённой программой педагогического класса – звание домашней учительницы. Выпускницы гимназии, не обучавшиеся в дополнительном классе, получали право на звание учительниц народных училищ. Таким же правом пользовались выпускницы прогимназии при условии, что по достижению 16 лет они

⁴³ Панчуков А. П. История начальной и средней школы Восточной Сибири – Улан-Удэ Бурят. кн. изд-во, 1956. – С. 243.

в течение шести месяцев отрабатывают помощниками учителя при начальном училище⁵⁴⁴. Домашние наставницы и учительницы «...считались состоящими на действительной службе по ведомству МНП», подчинялись директорам народных училищ, с обязанностью ежегодно предоставлять отчёт о своей деятельности и положительные характеристики от родителей воспитанников⁵⁴⁵.

Эти звания были введены Министерством народного просвещения ещё в 1834 г. «Положением о домашних наставниках и учителях», но они присваивались выпускникам университетов, сдавшим соответствующий экзамен на звание учителя. Выпускники крайне редко прибегали к этой возможности, предпочитая иную сферу деятельности. Решение властей относительно выпускниц министерских гимназий в области кадровой политики имело основания. К 1880 г. в России насчитывалось 79 гимназий и 164 прогимназий. По совокупности выпускниц проблема дефицита учителей начальной школы могла быть отчасти решена.

Подготовка в педагогических классах проводилась по направлениям – русский язык, математика, словесность (литература), история. По желанию ученицы за дополнительную плату разрешалось посещать занятия по двум направлениям. В 1916 г. стоимость обучения составляла 70 р. в год за одну специальность и 30 р. в год за дополнительную. По решению педсовета некоторых малоимущих учениц освобождали от оплаты за обучение. Педагогическая практика включала посещение уроков в младших классах по заранее составленному расписанию и была ориентирована на индивидуальную работу, которая типична для наставниц или гувернанток. Ученицы составляли конспект и анализ прослушанного урока, позднее коллективно обсуждали его итоги на конференции. К каждой гимназистке прикреплялась неуспевающая ученица младшего класса. К концу первого полугодия составлялся дневник занятий и характеристика ученицы. Работа оценивалась по пя-

⁵⁴⁴ ПСЗРИ – СПб., 1893. – Т. 11. – Ч. 1. – С. 396–398.

⁵⁴⁵ ГАЮ. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 489. – Л. 7.

тибалльной шкале. Уроки для полного класса гимназистки не вели. В свидетельстве об окончании восьмого класса гимназии отмечалось прохождение педагогической практики.

Первые педагогические классы открылись в гимназиях Красноярска (1881 г.), Енисейска (1885 г.), Троицкосавска (1896 г.). Одним из наиболее эффективных классов можно считать педагогический класс в Троицкосавске, открытый в 1898 г. на пожертвования местных купцов. В классе ученицы обучались по двум направлениям – математическому и словесному. В 1915 г. словесное отделение класса окончили О. Маслова, К. Сахарова, М. Черникова, А. Шустова, А. Худякова; математическое отделение М. Бутакова, А. Громова, Л. Донкова, В. Коркина, В. Маскова, П. Орлова, В. Раковская, С. Токмакова, А. Шильникова; Е. Шишмарева получила звание домашней наставницы по двум направлениям⁵⁴⁶. По данным отчёта, из пятнадцати выпускниц десять планировали работать по специальности. Учитывая количество выпускников в составе педагогического коллектива Троицкосавской женской гимназии, необходимо отметить, что гимназия работала продуктивно, восполняла недостаток педагогических кадров в уезде собственными силами.

В 1909 г. начал работу восьмой дополнительный педагогический класс в Верхнеудинской женской гимназии, где подготовка будущих домашних наставниц проводилась по трём направлениям – русский язык, математика, словесность. Весной 1913 г. педагогический класс окончили семь учениц – Граудин, Дубовик, Коваленко, Павлова, Тяжелова, Телегина, Шангина⁵⁴⁷. Ежегодно количество учениц возрастало, набор 1913 г. составил 18 чел., из них 11 чел. выбрали математическое направление, 2 чел. – русский язык, 2 чел. – словесность, 3 чел. – словесность и математику⁵⁴⁸. В 1916 г. в педагогическом классе обучались 30 учениц. В связи с увеличением числа учениц открыты дополнительные специальности по исто-

⁵⁴⁶ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 320. – Л. 12

⁵⁴⁷ Там же. – Д. 489. – Л. 15.

⁵⁴⁸ Там же. – Л. 18

рии и географии, которые выбрали 13 воспитанниц, в учебный план введены дополнительные уроки по элементарной арифметике и грамматике⁵⁴⁹.

Педагогический класс первой Читинской женской гимназии кардинально не отличался от иных восьмых классов. В 1913 г. на педагогическом совете обсуждалось предложение о введении дополнительных часов по русской грамматике. В пояснительной записке преподаватель русского языка предлагал из методики преподавания русского языка выделить раздел «Орфография» и отнести его к теории языка. Необходимо отметить, что курс русского языка в гимназиях заканчивали изучать в четвёртом классе, и преподаватель этой дисциплины обратил внимание на следующий момент: «Так как до настоящего времени преподавание русского языка в VIII классе ограничивалось только методикой ... благодаря чему, окончившие VIII класс выходили из гимназии со значительно забытыми знаниями русской грамматики». С этой целью было предложено ввести два дополнительных часа в неделю «... для учениц VIII класса как будущих учительниц начальных школ расширение познаний в области русской грамматики принесёт весьма заметную пользу»⁵⁵⁰. Предложение поддержало и утвердило руководство учебного округа, учебную программу класса скорректировали в сторону увеличения количества часов, но дополнительные уроки использовались для повторения изученного материала.

Во второй Читинской женской гимназии восьмой педагогический класс открыли в августе 1912 г. в составе 15 учениц. В 1913 г. в гимназии на физико-математической специальности обучались А. Брешкова, А. Витенштейн, А. Андрусевич, М. Климова, А. Осетрова. На историко-филологической – Н. Харченко, Н. Меркулова, М. Петропавловская, А. Щербакова. В 1916 г. шесть учениц «изъявили желание перейти к практическим наукам, ... две к медицинским»⁵⁵¹. В 1914 г. подкласс гимназии закончили 11 чел., в 1915 – 15 чел., в 1916 – 16 чел.

⁵⁴⁹ Там же. – Л. 30

⁵⁵⁰ Там же – Д. 629 – Л. 6

⁵⁵¹ Там же – Д. 641 – Л. 9-13

Ученицы изучали русский язык, словесность, математику, Закон Божий, историю, географию, педагогику, физику, гигиену. На заседании педагогического совета было принято решение об обязательном изучении физики и словесности. Преподаватели считали, что знание современной литературы и критических статей необходимо, поскольку «...нельзя не знать и не понимать новейших писателей»⁵². Ученицам, которые выбрали русский язык в качестве специальности, полагался расширенный курс словесности. Более того, изучение словесности в кратком изложении стало обязательным для прочих специальностей. Ученицы не посещали занятия по русскому языку, сосредоточив своё внимание на изучении литературы. В краткую программу курса включили произведения А. Островского «Бедность не порок», «Доходное место», «Гроза»; А. Гончарова «Обломов»; И. Тургенева «Отцы и дети», «Дворянское гнездо», «Рудин», «Записки охотника», Л. Толстого «Война и мир», «Детство, отрочество и юность». Расширенный курс дополнили произведениями С. Аксакова. Д. Григоровича, Н. Некрасова, Ф. Достоевского и обязали изучать критические статьи В. Белинского, Н. Добролюбова. Д. Овсянко-Куликовского и др. По итогам изучения краткого курса в четверти ученицы писали сочинение в классе, получая оценку по словесности и русскому языку. По итогам расширенного курса нужно было написать два домашних и одно классное сочинение. Для улучшения грамотности гимназисток в старших классах задавали дополнительные диктанты. Ученицы педкласса под наблюдением преподавателей их проверяли, осуществляя тем самым часть педагогической практики⁵³.

С появлением педагогических классов в гимназиях в сибирском педагогическом сообществе увеличивается количество женщин. По данным однодневной переписи 18 января 1911 г. Енисейской области, процент учительниц к общему числу учителей в городских школах составил 29,4 %, в сельских – 34,9 %, в Забайкальской области в городских – 50 %, в сельских – 37,1 %, в Иркутской губернии – 61,5 % в городе

⁵² ГАИО. – Ф 63. – Оп 1. – Д 641 – Л. 12

⁵³ Там же. – Л. 14

и 50,8 % – в селе, в Якутской – 54,2 % в городе и 35,7 % – в селе. По сравнению с 1894 г. общее количество учительниц в городе увеличилось с 54,2 % до 75,9 % в 1911 г., в селе с 29,5 % до 48 % соответственно⁵⁵⁴. Преобладание учителей-женщин в городе объясняется сосредоточением большего количества разнотипных учебных заведений (женских гимназий, городских и начальных училищ) в городах, дающих возможность женской профессиональной деятельности. Например, из 79 учительниц Забайкальской области в 1911 г. большинство преподавало в женских гимназиях Верхнеудинска, Читы, Нерчинска, Троицкосавска. Ещё одним фактором являются обширные слабозаселённые просторы губерний и областей Восточной Сибири. Сельские школы находились на значительном удалении от города, выпускницы гимназий ехали на работу в сёла неохотно.

Соотношение учительниц с коллегами-мужчинами представляется следующим: в городах Енисейской губернии работало в школах 80,2 женщины и 19,8 % мужчин, в Иркутской – 71,7 и 28,3 %, в Забайкальской области – 76,6 и 25,4 %, в Якутской – 66,6 и 33,4 %. В сёлах Енисейской губернии – 58,2 и 41,8 %, в Иркутской – 50,8 и 49,2 %, в Забайкальской области – 37,1 и 62,9 %, в Якутской – 35,7 и 64,3 %⁵⁵⁵. В целом по региону в школах работали 1336 женщин и 1229 мужчин. Учитывая, что мужчины получили педагогическое образование в семинариях и институте, а женщины только в гимназиях, мы видим, что эффективность восьмых педагогических классов выше, чем профессиональных учебных заведений.

Практическая значимость педагогических классов представлена в следующих цифрах. В 1916 г. в Российской империи по окончанию обучения 15 389 выпускники восьмых педагогических классов планировали продолжить образование в области педагогики – 1027 чел., истории и филология – 1476 чел., физики и математики – 876 чел., медицины – 615 чел., искусства – 486 чел., в технической сфере – 306 чел. Выразили

⁵⁵⁴ Однодневная перепись начальных школ в империи, произведённая 18 января 1911 г. Азиатская Россия. – СПб., 1914. – С. 34

⁵⁵⁵ Там же – С. 36.

желание пойти на государственную службу 6063 чел., работать в частной сфере — 4530 чел.⁵⁵⁶ Следовательно, две трети выпускниц предполагали реализовать полученные навыки в практической сфере и только 4796 чел. — продолжить образование.

При анализе работы педклассов становится очевиден рост числа учениц, свидетельствующий о востребованности дополнительного образования. Однако одним из недостатков учебной программы педклассов являлась слабая практическая подготовка учениц. Неоднократные выступления педагогов и общественности о необходимости изменения учебных программ восьмого педагогического класса стали одной из причин их реформирования.

В мае 1916 г. МНП в «целях лучшей подготовки воспитанниц к занятию учительских должностей» приняло ряд изменений в программе педагогических классов⁵⁵⁷. Реформа была инициирована со стороны общественности: «...от содержателей гимназий и преимущественно от земских учреждений поступают заявления о том, что восьмой дополнительный педагогический класс ... не даёт ученицам той педагогической подготовки, какая необходима для учительниц начальных училищ. ...значительная часть учениц восьмого класса избирает учительскую службу в начальных училищах и поэтому представлялось бы более желательным давать оканчивающим гимназию такую теоретическую подготовку, которая отвечала бы требованиям начальных школ»⁵⁵⁸.

Министерство предложило увеличить количество часов по методике преподавания отдельных дисциплин, Закону Божьему, педагогике. Предполагалось, что педагогическая практика будет осуществляться в четырёхклассных начальных училищах, открытых при каждой женской гимназии. В случае недостатка средств МНП обещало содействие в получении денежных пособий.

⁵⁵⁶ Всеподданнейший отчёт министра народного просвещения за 1913 г. Приложение. — Петроград, 1916. — С. 59, 86–87, 136

⁵⁵⁷ ГАИО. — Ф. 63. — Оп. 1. — Д. 582 — Л. 2

⁵⁵⁸ Там же. — Д. 641 — Л. 8

С предложением Министерства ознакомились советы гимназий. Обсудив проект, они приняли, в общем, схожие решения. Педсовет Троицкосавской гимназии нашёл проект «желательным», но открытие начального училища «невозможным, за неимением никаких средств». Коллектив Нерчинской Софийской гимназии не только одобрил предложение, но и внёс собственные предложения относительно педагогической практики. Присутствовавший на заседании педагогического совета инспектор народных училищ Н. И. Попов предложил открывать при гимназии начальные школы смешанного типа ввиду того, что «...ученицы VIII класса не видят и не знают того, что они увидят впоследствии, будучи учительницами на селе, они не имеют навыков ведения занятий одновременно с двумя, тремя отделениями»⁵⁵⁹.

Педагогический совет второй Читинской гимназии отметил, что «не очень многие из окончивших курс местных женских гимназий поступают в учительницы, а продолжают образование». Предложения МНП коллектив воспринял сдержанно, оставив вопрос открытым. В целом, большинство гимназий согласилось с изменением программы обучения, но открытие образцовых четырёхклассных училищ было сопряжено с финансовыми трудностями.

В 1915 и 1916 гг. МНП приняло ряд распоряжений, согласно которым ученицы, окончившие восьмой педагогический класс женских гимназий, при поступлении в вузы освобождались от дополнительных экзаменов, что позволило выпускницам поступать в университет наравне с выпускниками мужских гимназий. В соответствии с принятыми нормами с июля 1916 г. в гимназиях разрешили открывать восьмой дополнительный общеобразовательный класс, где изучались дисциплины, необходимые для поступления в вуз. «Наличие коих (дисциплин, прим. авт.) удостоверялось доселе путём выдержания дополнительного испытания по некоторым пред-

⁵⁵⁹ ГАНО. - Ф. 63 - Оп. 1 - Д. 641 - Л. 8

метам в объёме курса мужских гимназий»⁵⁶⁰. Открывшиеся восьмые общеобразовательные классы постепенно вытесняли педагогические.

Таким образом, педагогические классы гимназий представляли собой одну из модернизированных форм подготовки учителей начальной школы. Наряду с довольно высоким общеобразовательным уровнем профессиональная подготовка была слабой, особенно в практической части. Однако, несмотря на недостатки учебной программы, выпускницы педагогических классов были востребованы в школах Восточной Сибири. За сравнительно короткий срок количество учителей-женщин не только достигло, но и превысило показатели учителей-мужчин. Тем не менее, педагогические классы имели неоднозначную оценку. В контексте государственной образовательной политики педагогические классы создавались как одна из форм подготовки учителей для начальной школы в условиях быстрого роста числа начальных школ. Нуждаясь в учителях, общество поддержало начинания государства, взяв на себя содержание классов. Однако унификация начальной школы, появление высших начальных училищ во втором десятилетии XX в. сформировали более высокие требования к подготовке учителей, и существование педагогических классов в глазах общественности перестало себя оправдывать. Стремясь к более качественному среднему образованию, попечительские советы гимназий наряду с родительскими комитетами отдавали предпочтение усилению общеобразовательной подготовки. Тем не менее, педагогические классы женских гимназий, представляя собой одно из направлений в становлении педагогического образования в крае, способствовали улучшению обеспечения школы учителями. Изначально направленные на педагогическую деятельность, они заложили основу женскому профессиональному образованию.

Ещё одной формой подготовки учителей для начальной школы стали педагогические курсы. Правила об их организации утвердил министр народного просвещения 31 марта

⁵⁶⁰ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 641. – Л. 18

1900 г. Курсы, учреждённые Министерством, организовывались попечителем учебного округа или по инициативе общест-венности. На курсы государство выделяло 1000 р., дополни-тельные средства поступали из местных источников. В соот-ветствии с правилами учебная программа курсов продолжа-лась в течение года на базе городских училищ, действующих по Положению 1872 г., женских гимназий и прогимназий.

В 1902 г. и 1907 г. Правила дополнили рядом новых по-ложений. В частности, увеличился срок обучения на курсах, вследствие чего они разделились на двухгодичные и трёхго-дичные. Финансовое участие государства увеличилось до 4000 р. и 6000 р. соответственно. Казённые средства распре-делялись следующим образом: на заведывание выдавалось 300 р., оплату преподавателям общеобразовательных предме-тов – 1000 р., за преподавание дидактики, методики и практи-ческие занятия – 720 р., на содержание слушателей – 1500 р. (75 р. на каждого), на методическое обеспечение – 480 р.⁵⁶¹

Учебная программа была представлена теоретической и практической частью. Помимо общеобразовательных пред-метов теоретическая часть включала методику изучаемых в начальной школе предметов, педагогику, дидактику, учили-щеведение, гигиену, способы оказания первой помощи. Практи-ческая часть заключалась в пробных уроках под наблюде-нием наставников. Недельная учебная нагрузка составляла 28 часов, из них 10 отводилось для практики.

На курсы принимали выпускников гимназий, городских или уездных училищ. Однако установленный образователь-ный ценз существенно ограничивал количество поступаю-щих. Например, в Восточной Сибири в 1911 г. действовало 26 городских училищ и ни одного уездного⁵⁶². С 1907 г. обра-зовательный ценз снизили и разрешили принимать выпускни-ков сельских двухклассных начальных училищ при условии прохождения вступительного экзамена. Также отменили ре-лигиозные ограничения и допустили к обучению слушателей

⁵⁶¹ Чарнолуский В. И. Настольная книга по народному образованию. – СПб., 1911. – Т. 4, доп. – С. 272.

⁵⁶² Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. – СПб., 1914. – С. 264, 266.

инославного вероисповедания. Выпускники курсов, сдав экзамен, получали свидетельство. Окончив курсы, слушатель, учившийся за счёт государства, обязался отработать в начальной школе в течение двух лет.

Педагогический коллектив формировался заведующим курсами, который являлся директором учебного заведения, на базе которого проводились курсы. Руководство курсами осуществлял совет. Тем не менее, государство оставляло право учебного и финансового контроля за расходом казённых средств за директором народных училищ.

В Восточной Сибири первые педагогические курсы в 1909 г. организованы в Якутии по ходатайству губернатора И. И. Крафта на базе якутского четырёхклассного городского училища. Ходатайство было вполне обосновано, так как Якутская область не имела ни одного профессионального педагогического учреждения. Единственным специальным учреждением, где готовили учителей для начальной школы Якутии, долгое время оставалась Иркутская учительская семинария. С открытием курсов квота для якутских учеников в семинарии упразднена Иркутским генерал-губернатором⁵⁶³.

Занятия с курсантами вели преподаватели училища. Педагогику, историю и географию читал Е. И. Севостьянов, Закон Божий и пение вёл священник М. Никифоров, русский язык и практические занятия – В. К. Семчевский, геометрию, методику русского языка, славянский язык – Г. Е. Тищенко, арифметику и методику арифметики – Е. М. Егасов⁵⁶⁴. Занятия проводились с понедельника по субботу по три урока в день. В 1913 г. учебная программа дополнилась тремя дисциплинами, курс естествоведения вёл Н. Х. Амвросов, гимнастику – Н. Г. Воропаев и гигиену – Попов.

В первый год на курсы поступило девять слушателей. Первый выпуск состоялся в 1911 г. в составе 6 чел., в 1912 г. выпустились 10 чел. В 1913 г. на курсах обучались 24 чел., из них 15 чел. окончили городское училище, 5 чел. – духовное, 4 чел. – двухклассное начальное училище. Национальный со-

⁵⁶³ НАРС(Я). – Ф. 288-н. – Оп. 1. – Д. 184. – Л. 21

⁵⁶⁴ Там же. – Л. 22.

став учащихся представлен в основном якутами (13 чел.). Из сословий обучались 5 крестьян, 3 выходцев из чиновничьего сословия, 2 казака, 1 духовного звания. В 1910–11 гг. слушателями курсов были В. Арбутин, С. Афанасьев, Г. Васильев, Н. Григорьев, Г. Ефимов, Д. Муксунов, П. Наумов, П. Николаев, М. Попов, Н. Пылаева⁵⁶⁵. В 1913 г. курсы окончили А. Аргунов, В. Егоров, А. Колождезников, В. Кокдаков, А. Расторгуев, М. Шадрин, Н. Шипицин, Е. Духонин⁵⁶⁶. Для Якутии курсы стали первым педагогическим опытом в подготовке учителей, заложили основу для формирования национальных педагогических кадров.

В 1910 г. главный инспектор училищ проводил опрос директоров народных училищ о необходимости открытия педагогических курсов в областях и губерниях. По этому поводу директор училищ Забайкальской области В. В. Попов отметил: «Настоятельной потребности в открытии педагогических курсов для приготовления учителей и учительниц начальных училищ в Забайкальской области не ощущается»⁵⁶⁷. Он мотивировал отказ деятельностью в Забайкалье учительской семинарии и пяти женских гимназий. В то же время в Красноярске и Киренске принято решение об открытии двухгодичных и трёхгодичных курсов соответственно. Решение было утверждено учебными властями. финансирование курсов началось с 1912 г. В 1917 г. в Киренске курсы преобразовали в учительскую семинарию⁵⁶⁸.

В Красноярске двухгодичные курсы открылись на базе второго городского училища. В 1912 г. в первом классе обучались 15 слушателей, из них 3 женщин, во втором – 14. Преподавание на курсах осуществлялось силами учителей городского училища во главе с инспектором. При курсах была открыта начальная школа с 45 учениками, для прохождения педагогической практики. Посетивший в 1914 г. курсы инспектор П. Э. Соколовский отмечал короткий срок обучения, влияв-

⁵⁶⁵ Там же – Д. 320 – Л. 12.

⁵⁶⁶ Там же – Д. 466 – Л. 7.

⁵⁶⁷ ГАИО – Ф. 63 – Оп. 1 – Д. 172 – Л. 12.

⁵⁶⁸ Там же – Л. 38.

ший на качество подготовки учителей⁵⁶⁹. В целом, педагогические курсы становятся альтернативной формой подготовки учителей. Невысокая стоимость их содержания позволяла государству восполнять пробелы в системе педагогической подготовки в Восточной Сибири.

Крайней формой обеспечения школ учителями становятся экзамены на звание учителя. Соискатель звания с определённым уровнем образования, не имея педагогической подготовки, имел возможность получить звание учителя. Законодательно устанавливалось пять видов званий: звание учителя гимназии и прогимназии, воспитателя гимназий и прогимназий, учителя уездных училищ, домашнего учителя и учительницы, учителя рисования, черчения, чистописания в гимназиях и уездных училищах. Плата за экзамены поступала в распоряжение учебного округа. Экзамены в устной и письменной форме могли быть полные (по всей учебной программе) для лиц, не имеющих документов об образовании и сокращённые для выпускников учебных заведений. Экзамены на звание преподавателя гимназии проводились в университетах, остальные сдавались специальной комиссии, созданной при попечителе учебного округа из числа преподавателей подведомственных ему учебных заведений. Местом проведения экзаменов служило государственное образовательное учреждение средней школы или повышенной начальной. Соискатели, успешно сдавшие экзамены, получали звание и свидетельство, дававшее право на пенсию.

Необходимо отметить, что количество соискателей звания учителя было невелико. Например, в Якутской области с 1890 по 1902 г. рассмотрено 26 прошений, из них только 14 чел. получили звание учителя⁵⁷⁰. Однако в начале XX в. количество претендентов на звание учителя увеличилось, особенно из числа выпускниц женских гимназий. Несмотря на принимаемые правительством меры по решению проблемы обеспечения школы кадрами, недостаток учителей не только сохранял-

⁵⁶⁹ Соколовский П. Э. Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае. Харьков, 1914. – С. 128.

⁵⁷⁰ НАРС(Я). – Ф. 288-и. – Оп. 1. – Д. 1 – Л. 232.

ся, но и увеличивался. В школы вынуждены были принимать учителей без практического опыта, имеющих только звание учителя. В Департаменте народного просвещения в 1912 г. отмечали: «В настоящее время городских и высших начальных училищах преподаёт весьма значительное число лиц имеющих лишь звание учителей уездных училищ и домашних учителей.... Заменить указанных лиц правоспособными кандидатами в ближайшем будущем не представляется возможным»⁵⁷¹. Подтверждает сложившуюся ситуацию докладная директора народных училищ Забайкальской области: «...среди учительского персонала городских училищ имеется 36 лиц, не имеющих звания учителя городского училища. ...из них 30 нуждаются в пополнении образования»⁵⁷².

С этой целью в 1912 г. по инициативе Министерства народного просвещения в Восточной Сибири организованы краткосрочные педагогические курсы по Правилам 1875 г. для ознакомления учителей начальной школы «с лучшими способами обучения»⁵⁷³. Курсы проводились во всех губерниях и областях Восточной Сибири с 20 июня по 1 августа 1913 г. На их проведение из казны для каждой дирекции выделили 8960 р. Слушателям оплачивали дорогу, проживание и выдавали 20 р. на питание.

В программу курсов входили Закон Божий, методика изучаемых в начальной школе предметов, естествоведение, русская литература, русская история, рисование, сельское хозяйство и гимнастика. Заметим, что изучение Закона Божьего вводилось вследствие того, что многие учителя в отдалённых районах вели этот предмет самостоятельно. Учебная программа предполагалась везде одинаковой, за исключением некоторых предметов. Например, в Чите читали историю и географию Забайкалья, в Иркутске – общий обзор современных

⁵⁷¹ ГАНО. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 297 – Л. 41.

⁵⁷² Там же – Л. 4

⁵⁷³ Фальборк Г. А., Чернолуский В. И. Настольная книга по народному образованию – СПб., 1901 – С. 1474

педагогических идей, знакомили с новыми учебными пособиями. В Енисейской губернии слушатели курсов познакомились с методикой пения, в Якутской – с психологией⁵⁷⁴.

В Забайкальской области на курсах преподавали Закон Божий В. А. Лахин, законоучитель Читинской женской гимназии, методику русского языка – Н. А. Соколов, методику арифметики – И. А. Иванов, преподаватель Читинского епархиального училища, педагогику и дидактику – инспектор Ф. И. Фомичев, естествоведение – инспектор П. С. Михно, историю и географию Забайкалья – А. И. Попов, русскую литературу – А. Е. Васильевский.

В Якутской области курсы проводились с 25 июня по 26 июля. Обучение прошли 60 слушателей, хотя не все желающие смогли добраться до Якутска. Так, учителям Верхоянского и Абыйского двухклассных училищ было отказано в участии на курсах в связи с отдалённостью и отсутствием дорог⁵⁷⁵.

В целом, проведение краткосрочных курсов становится одним из способов повышения квалификации учителей. Инициатором курсов выступала не только учебная администрация, но и общественные организации. В 1917 г. правление общества взаимного вспомоществования учащихся и учащихся Иркутской губернии ходатайствовали о проведении политико-педагогических курсов. На организацию курсов требовалось 4000 р. Однако в связи с политической ситуацией в стране в просьбе было отказано. В целом, из-за недостатка финансирования и внешнеполитической ситуации в стране попытка государственных властей улучшить качество профессиональной подготовки учителей должного эффекта не достигла.

Таким образом, в начале XX в. в результате слабых попыток государства модернизировать профессиональную подготовку учителей педагогическое образование приобрело системные черты. Основными организационными формами подготовки учителей становятся учительские институты

⁵⁷⁴ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 172. – Л. 17.

⁵⁷⁵ НАРС(Я) – Ф. 288-и. – Оп. 1. – Д. 527. – Л. 51

и семинарии. Однако динамика развития начальной школы сводила все усилия властей к нулю. Промышленный подъём 1908–1914 гг., приток переселенцев из Европейской России кардинально изменили отношение населения к образованию. Численность сибирских учебных заведений увеличилась на 167 %, в то время как показатель по всей России составлял 67 %. Количество подготовленных учителей не могло обеспечить нужды начальной школы. Модернизационные формы профессиональной подготовки в виде дополнительных классов женских гимназий, педагогических курсов и экзаменов на звание учителя имели слабую практическую подготовку. Основная проблема всех педагогических учреждений сводилась к низкому качеству профессиональной подготовки.

Педагогическая общественность, находясь в жёстких рамках государственного контроля, искала выход из создавшейся ситуации. В Европейской России развернулось широкое общественно-педагогическое движение, направленное на преодоление косности и догматизма учебного процесса. Одним из обсуждаемых вопросов становится качество подготовки учителей и меры по его повышению. В Восточной Сибири отражением общественно-педагогического движения становится организация общества вспомоществования учащимся и учившим. В 1897 г. такое общество организовано в Иркутске, в 1902 г. – в Енисейске, в 1903 г. – в Чите. В первые годы деятельность обществ в основном ограничивалась материальной помощью нуждающимся учителям. Но вскоре одним из направлений деятельности становится оказание методической и профессиональной помощи. Так, в 1905 г. в Устав общества вспомоществования учащим и учившим Забайкальской дирекции училищ внесли изменения, предусматривающие создание библиотеки для членов общества. Начиная с организации библиотеки, члены общества постепенно перешли к публичным лекциям. Так, в январе 1913 г. организованы лекции А. Н. Бек «Педагогическая система Монтессори», А. Н. Гончарова «Грамматика в начальной школе», О. В. Рогалева «Арифметика в начальной школе». Планировалось в августе 1914 г. про-

вести учительский съезд, но в связи с началом войны организацию съезда отложили. Заметим, что интересы членов общества не ограничивались региональными рамками. В 1914 г. С. А. Денценко за счёт средств общества принимал участие в работе первого Всероссийского учительского съезда.

Организация обществ становится распространённой формой общественного участия в сфере профессиональной подготовки в начале XX в. Процесс создания различных обществ для оказания помощи учащимся и учителям распространился повсеместно от губернских центров до удалённых сёл, вовлекая широкие слои населения. Наряду с благотворительными обществами мы видим зарождение профессиональных союзов при общественном участии, деятельность которых направлена на модернизацию образовательных программ. Очевидно, что в начале XX в. общество выходит за рамки адресной благотворительности. Заинтересованное в содержании образования, оно захватывает и сферу профессиональной подготовки. Тем не менее, государство ограничивает и это направление. «Тенденциозной и угрожающей общественной безопасности» признана местными властями деятельность Иркутского общества, закрытого в 1908 г.⁵⁷⁶ В 1910 г. Сенат отменил постановление о закрытии, но главный инспектор приостановил деятельность общества на неопределённое время. Усилен контроль за деятельностью Забайкальского общества, со стороны дирекции «встречены были препятствия» в организации публичного доклада делегата Всероссийского учительского съезда⁵⁷⁷.

Подводя итог, необходимо отметить, что ведущая роль в развитии профессиональной подготовки учителей принадлежала государству. Однако модернизационные импульсы в педагогической сфере выражались в организации новых форм обучения, изменении сроков освоения учебных программ, иногда в увеличении содержания, что говорит о её поверхностном характере. Проблема качественной подготовки учителя оставалась за рамками государственных интересов. Наиболее

⁵⁷⁶ ГАЗК. – Ф. 13. – Оп. 2. – Д. 91 – Л. 34.

⁵⁷⁷ Там же. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 236 – Л. 20 об.

ярким проявлением модернизации в данной сфере становится общественное участие, выразившееся в организации профессионального педагогического сообщества. В целом, система профессиональной педагогической подготовки учителей нуждалась в коренных изменениях.

Заключение

На протяжении второй половины XIX – начала XX столетия в Восточной Сибири в условиях капиталистической модернизации формировалась государственная система общего образования. Существенное влияние на развитие системы оказало геополитическое положение Восточной Сибири, выразившееся в ряде особенностей. Огромная, слабозаселённая русским населением территория, имеющая протяжённую границу с Китаем и Монголией, являлась транзитной зоной между Европой и Азией. Особенности геополитического положения оказали существенное влияние на освоение и интеграцию восточной окраины в общероссийское экономическое и социокультурное пространство, растянувшиеся на несколько столетий.

Геополитические особенности Восточной Сибири нашли отражение в системе образования, определив её региональные черты. В частности, развитие образования в приграничных районах происходило динамичнее. По численности учебных заведений на душу населения Забайкальская область опережала остальные губернии Восточной Сибири. В контексте политики русификации коренного населения региональная система образования характеризовалась большей степенью демократичности по сравнению с общероссийской. Тем не менее, огромные пространства, особая система управления сдерживали развитие образования на восточной окраине страны. Ситуацию усложняли климатические условия, обуславливающие дополнительные расходы на содержание учебных заведений.

В процессе развития системы образования изменялась правовая база общего образования. Правовое регулирование носило противоречивый характер, обусловленный политической ситуацией в стране. Ряд законодательных положений не имели юридической силы в условиях Восточной Сибири. Региональную систему образования долгое время регулировали устаревшие нормы начала XIX в., что определило отставание региональной правовой системы от общероссийской. Инте-

грация правовых систем произошла лишь во втором десятилетии XX в., что позволило оформить единое правовое пространство.

Учитывая геополитические особенности региона и позицию центральных властей, долгое время считавших Восточную Сибирь колонией, мы можем говорить о сдерживании модернизационных процессов в развитии региональной системы управления образованием. Ограничение механизма реализации общественного участия, доминирующая роль государства не позволили модернизировать систему в полной мере. В Восточной Сибири сформировался особый порядок управления, основанный на жесткой централизации, соблюдении единоначалия, иерархичности и субординации. Только во втором десятилетии XX в. система управления учебными заведениями Восточной Сибири приобретает общероссийские черты.

Процесс становления институтов общественного представительства в сфере образования в Восточной Сибири начинается намного позднее, чем в Европейской России. Региональными институтами общественного представительства становятся публичные должности попечителей и блюстителей, попечительские советы, родительские комитеты, благотворительные общества. Сложная дифференцированная система образования повлияла на формирование целостной модели. Замедленная социальная модернизация села сказалась на развитии институтов общественного представительства в начальной школе. Учреждая и обеспечивая начальную школу, общество было лишено каких-либо механизмов влияния на её содержательную сторону. Институт блюстителей можно считать малоэффективным.

В области среднего мужского образования появившийся институт попечительства столкнулся с мощным противостоянием государства, которое допускало лишь финансово-хозяйственное участие общества. В этом отношении попечители гимназий принципиально не отличались от блюстителей начальной школы. Государство глушило модернизационные импульсы в наиболее перспективной сфере образования.

Совершенно иная ситуация сложилась в средней женской школе. Минимальное государственное присутствие обусловило бурное развитие институтов общественного представительства. Именно в области женского образования модернизационные процессы проявились наиболее заметно. В контексте развития женского образования происходит зарождение общественной модели управления, представленной попечительскими советами и родительскими комитетами. Общественное участие выходит за рамки хозяйственно-распорядительной деятельности, получая доступ к вопросам организации учебного процесса. Развитие частной и общественной благотворительности свидетельствует о заинтересованности и потенциале общественного участия, требующего эффективного механизма реализации. Таким образом, становление и развитие институтов общественного представительства в системе образования в значительной степени зависели от глубины воздействия модернизационных импульсов и оформились не до конца.

На протяжении длительного времени начальная школа находилась в состоянии стагнации. Трансформация системы происходила постепенно, а в Восточной Сибири – с хронологическим отставанием. Организационная основа начальной школы была лишена целостности, сохраняла черты конгломератности. На протяжении XIX в. начальное образование дополнялось новыми элементами, превращаясь в разветвленную, дифференцированную систему. Типовое многообразие становится широкой основой для распространения образования, удовлетворяя интересы различных социальных групп. Отдельные виды начальной школы становятся показателями уровня общественного благосостояния и степени заинтересованности населения в образовании. Так, жители Иркутской и Енисейской губерний отдавали предпочтение более современным, дорогостоящим типам учебных заведений. В Якутской и Забайкальской областях получили широкое распространение приходские училища.

Геополитические особенности региона неоднозначно сказались на развитии начальной школы в губерниях и областях

Восточной Сибири. Приграничное положение определило приоритетное развитие школы в казачьих поселках, в то же время крайне медленно развивалось школьное строительство в старообрядческих и инородческих волостях. Территориальный фактор и суровые климатические условия обусловили более дорогостоящее содержание региональной начальной школы, чем в Европейской России. Указанное в совокупности замедляло модернизационные процессы в начальной школе.

Промышленный подъем конца XIX в., экономическое развитие Сибири, обострение международной ситуации на Дальнем Востоке изменили отношение властей к восточной окраине. В контексте усиления политического единства империи и интеграции её окраин в единое экономическое и социокультурное пространство развитие доступного образования получило стратегическое значение для государства и требовало определённых материальных затрат. Увеличившееся в десятки раз финансирование начальной школы привело к ускорению её модернизации. В результате происходит унификация и бурный рост числа учебных заведений, устраняется конгломератность, формируются системные связи между структурными элементами. Региональная система приобрела законченный вид, что обусловило её интеграцию в общероссийское образовательное пространство.

Система среднего образования Восточной Сибири получила развитие под воздействием урбанизации. Открываясь в административных центрах, гимназии обеспечивали интересы преимущественно городских сословий. Степень модернизационного воздействия проявилась в направлениях развития организационных форм средней школы. Классические гимназии, находясь под контролем государства, фактически не подверглись модернизационным импульсам, за исключением демократизации социального состава учащихся. Практико-ориентированная программа реальных училищ отвлекала увеличивающийся буржуазный элемент от классических гимназий. Но незначительное количество часов на общеобразовательные дисциплины, ограничения в праве поступления в университе-

ты обусловили неполноценность реальных училищ. Женские гимназии демонстрировали эффективность общественной модели образования. За короткий срок их количество в два раза превысило число средних мужских заведений. Таким образом, глубинный характер модернизационных процессов затронул систему среднего образования лишь отчасти, что нашло выражение в её асимметрии.

Зарождение профессионального педагогического образования началось намного позже появления первых школ и характеризовалось отставанием. На протяжении полувека основными документами, регулирующими профессиональное педагогическое образование, оставались Положение и Инструкция об учительских семинариях, Положение об учительских институтах. Устаревшее законодательство обусловило появление многочисленных пробелов в праве. Преодоление пробелов восполнялось подзаконными актами, количество которых приводило к нарастанию правовой казуистики.

На протяжении столетия модернизационные процессы, воздействующие на систему образования, определили её дифференциацию, что разделило педагогическое сообщество на преподавателей гимназий, реальных и городских училищ и учителей сельской начальной школы. Статус преподавателей соответствовал статусу правительственных чиновников, статус учителя имел существенные ограничения. Имея формальные черты чиновника, учитель находился в самом низу социальной лестницы, влача нищенское существование. Демократические преобразования 1905–1906 гг. способствовали повышению статуса учителя, но не уравнили с преподавателями средней школы.

В условиях экономического роста, развития промышленности, социальной модернизации в конце XIX в. потребность в профессиональных педагогических кадрах ощущалась остро. Особенности геополитического положения Восточной Сибири требовали разработки специальной программы, направленной на удовлетворение кадровой потребности. Созданная правительством региональная программа социальных

преференций отчасти способствовала разрешению кадровой проблемы и изменению статуса учителей. Социальное положение учителя в Восточной Сибири находилось на более высоком уровне, чем в Европейской России. Однако система преференций действовала выборочно, не распространяясь на учителей – уроженцев Восточной Сибири.

Модернизационные импульсы в области кадровой подготовки выражались в организации новых форм обучения, изменении сроков освоения учебных программ, иногда в увеличении содержания, что говорит о её поверхностном характере. Наиболее ярким проявлением модернизации в данной сфере становится общественное участие, выразившееся в организации профессионального педагогического сообщества. В целом, система профессиональной педагогической подготовки учителей нуждалась в коренных изменениях.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. развитие системы общего образования Восточной Сибири происходило в контексте модернизационных процессов, протекавших в социально-экономической сфере. Модернизация системы общего образования носила запаздывающий характер, на что указывает её дифференцированность и асимметричность. На глубину модернизационных процессов существенное влияние оказывали особенности геополитического положения Восточной Сибири и доминирующая роль государства, долгое время воспринимавшего восточную окраину как колонию. Отсутствие жёсткого государственного контроля обусловило более глубокую степень воздействия модернизации лишь на начальное и среднее женское образование, имевшее общественное начало.

Библиографический список

Архивные источники

1. РГИА. – Ф. 25. – Оп. 5. – Д. 472.
2. РГИА. – Ф. 565. – Оп. 4. – Д. 15462.
3. РГИА. – Ф. 733. – Оп. 84. – Д. 95; – Оп. 120. – Д. 276; – Оп. 162. – Д. 20; – Оп. 193. – Д. 260; – Оп. 194. – Д. 84; – Оп. 203. – Д. 515, 3046, 3049, 3061, 3073, 3073, 3077, 3081, 3085, 3173, 3182, 3191; – Оп. 204. – Д. 515, 274.
4. РГИА. – Ф. 741. – Оп. 10. – Д. 22. – Оп. 7. – Д. 485.
5. РГИА. – Ф. 744. – Оп. 6. – Д. 500а.
6. РГИА. – Ф. 1072. – Оп. 2. – Ед. хр. 84, 177.
7. РГИА. – Ф. 1149. – Оп. 7. – Д. 166.
8. РГИА. – Ф. 1162. – Оп. 1. – Д. 5.
9. РГИА. – Ф. 1237. – Оп. 1. – Д. 35.
10. РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 4095.
11. РГИА. – Ф. 1273. – Оп. 1. – Д. 35.
12. РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 17. – Д. 44.
13. РГИА. – Ф. 1278. – Оп. 6. – Д. 570; – Оп. 7. – Д. 632.
14. РГИА. – Ф. 1281. – Оп. 7. – Д. 106.
15. РГИА. – Ф. 1284. – Оп. 223. – Д. 218; – Оп. 185. – Ед. хр. 32; – Оп. 69. – Д. 522; – Оп. 194. – Д. 41.
16. РГИА. – Ф. 1287. – Оп. 27. – Д. 257.
17. РГИА. – Ф. 1290. – Оп. 2. – Д. 975.
18. РГИА. – Ф. 1341. – Оп. 109. – Ед. хр. 1095; – Оп. 111. – Д. 1164.
19. РГИА. – Ф. 1409. – Оп. 6. – Д. 355, 912.
20. РГИА. – Ф. 1634. – Оп. 1. – Д. 29.
21. ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 1, 2, 14, 47, 48, 54, 77, 88, 145, 148, 172, 203, 204, 297, 320, 354, 366, 489, 582, 628, 629, 641; – Оп. 2. – Д. 7; – Оп. 5. – Д. 13, 15, 31, 56; – Оп. 6. – Д. 17, 42, 145.
22. ГАЗК. – Ф. 1. – Оп. 1. – Т. 3. – Д. 993, 1082, 1059, 1649б.

23. ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 11, 17, 18, 29, 32, 119, 150, 168, 236, 344; – Оп. 2. – Д. 1, 3; – Оп. 3. – Д. 13.
24. ГАЗК. – Ф. 13. – Оп. 2. – Д. 91.
25. ГАЗК. – Ф. 61. – Оп. 1. – Д. 2.
26. ГАЗК. – Ф. 71. – Оп. 1. – Д. 51, 229, 421, 579.
27. ГАЗК. – Ф. 74. – Оп. 1. – Д. 45. Национальный архив республики Саха (Якутия). – Ф. 288-и. – Оп. 1. – Д. 1, 24, 28, 33, 58, 82, 184, 320, 362, 466, 527, 547, 549.

Опубликованные источники

28. Всеобщее обучение: сб. законов и правительственных распоряжений / сост. К. И. Денисов. – Санкт-Петербург, 1915. – Вып. 3. – 51 с.

29. Всеобщее обучение: сб. законов и правительственных распоряжений / сост. К. И. Денисов.. 1907–1913 гг. – Санкт-Петербург. 1913. – Вып. 1. – С. 119.

30. Всеобщее обучение: сб. законов и правительственных распоряжений / сост. К. И. Денисов. – Санкт-Петербург. 1914. – Вып. 2. – 44 с.

31. Всеподданнейший отчёт министра народного просвещения за 1903 г. – Санкт-Петербург. 1905. – 731 с.

32. Всеподданнейший отчёт министра народного просвещения за 1913 г. – Петроград. 1916. – Приложение. – С. 38, 39, 73–75, 94–97, 119–121.

33. Высочайше утверждённый, одобренный Государственным Советом и Государственной Думою закон «Об отпуске 6.900.000 рублей на нужды начального образования» // Собр. узаконений. – 1908. – Отдел 1. – № 73. – Ст. 447.

34. Высочайший манифест 13 июля 1826 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slaw.ru> (дата обращения: 20.06.2016).

35. Извлечение из всеподданнейшего отчёта господина министра народного просвещения за 1875 г. Журн. МНП. – Санкт-Петербург. 1875. – Ч. 180. – С. 5–403.

36. Инструкция для двухклассных и одноклассных сельских училищ Министерства народного просвещения // Журн. МНП. – Санкт-Петербург, 1875. – Ч. 180. – С. 222–250.

37. Иркутская летопись (летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова), с предисловием, добавлениями и примечанием И. И. Серебренникова. – Иркутск, 1911. – 421 с.

38. Иркутская летопись. 1857–1880 гг. (продолжение летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова). – Иркутск, 1914. – 410 с.

39. Об усилении надзора за учебными заведениями Восточной Сибири // Сб. постановлений по М-ву народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1893. – Т. 9.

40. Обзор деятельности Министерства народного просвещения за время царствования императора Александра III (со 2 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г.). – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1901. – 676 с.

41. Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. – Санкт-Петербург, 1875. – Т. 47. – Отд-ние 1. – 1049 с.

42. Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. – Санкт-Петербург, 1860. – Т. 33. – Отд-ние 1. – 802 с.

43. Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. 27. – № 20598. – 1196 с.

44. Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. – Санкт-Петербург, 1885. – Т. 1. – Ч. 2. – 614 с.

45. Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. – Санкт-Петербург, 1894. – Т. 11. – Ч. 1. – 1410 с.

46. Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. – Санкт-Петербург, 1912. – Т. 29. – Отд-ние 1. – Ст. 32015. – 1053 с.

47. Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. – Санкт-Петербург, 1910. – Т. 27. – № 20406. – 1276 с.

48. Положение о городских училищах 1872 г. / под ред. С. А. Каменева, сост. Н. А. Желваков // Хрестоматия по истории педагогики. – Москва: Просвещение, 1936. – С. 76.

49. Положение о начальных училищах 1874 г., ст. 20 / под ред. С. А. Каменева, сост. Н. А. Желваков // Хрестоматия по истории педагогики. – Москва, 1936.

50. Положение о реальных классах при учебных заведениях Министерства народного просвещения / сост. П. А. Лебедев // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. (до реформ 60-х гг.). – Москва: Педагогика, 1987. – 560 с.

51. Предварительные правила народного просвещения / сост. П. А. Лебедев // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. (до реформ 60-х гг.). – Москва: Педагогика, 1987. – 560 с.

52. Сборник действующих распоряжений Министерства народного просвещения об учителе начального училища / сост. А. И. Сыромятников. – Одесса, 1911. – С. 76, 78.

53. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 10. Царствование Императора Александра III. 1885–1888 годы. – Санкт-Петербург, 1894. – 813 с.

54. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 9. Царствование Императора Александра III. 1884 г. – Санкт-Петербург, 1893. – 1352 с.

55. Свод законов Российской империи. – Санкт-Петербург, 1857. – Т. 14. – Ч. 1. – Ст. 85. – 909 с.

56. Свод законов Российской империи. Устав о пенсиях и единовременных пособиях по ведомствам учёному и учебному. – Санкт-Петербург, 1857. – Т. 3. – 1416 с.

57. Свод законов Российской империи. Уставы о службе гражданской. – Санкт-Петербург, 1857. – Т. 3. – Ст. 418, 419, 422. – 1416 с.

58. Свод законов Российской империи. Уставы учёных учреждений и учебных заведений. – Санкт-Петербург, 1893. – Т. 11. – Ч. 1. – 583 с.

59. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.12. – № 273.

60. Циркуляр по восточносибирским учебным заведениям Министерства народного просвещения за 1906 г. – Иркутск, 1906. – № 9–10

61. Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. – Санкт-Петербург, 1914. – 719 с.

62. Бразоль, Л. Б. Царствование Николая II в цифрах и фактах (1894–1917 гг.) / Л. Б. Бразоль. – Минск: Полюмя, 1991. – 14 с.

63. Гагемейстер, Ю. А. Статистическое обозрение Сибири / Ю. А. Гагемейстер. – Санкт-Петербург, 1854. – Ч. 2. – 784 с.

64. Гагемейстер, Ю. А. Статистическое обозрение Сибири / Ю. А. Гагемейстер. – Санкт-Петербург, 1854. – Ч. 1. – 368 с.

65. Гагемейстер, Ю. А. Статистическое обозрение Сибири / Ю. А. Гагемейстер. – Санкт-Петербург, 1854. – Ч. 3. – 120 с.

66. Историко-статистический очерк общего и специального образования в России / под ред. А. Г. Небольсина. – Санкт-Петербург, 1884. – 257 с.

67. Куломзин, А. Н. Потребности начального образования в Сибири: всеподданнейший доклад статс-секретаря Куломзина по поездкам в Сибирь 1896–1897 гг. / А. Н. Куломзин. – Санкт-Петербург, 1898. – 143 с.

68. Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 г. / под ред. Н. А. Троицкого. – Санкт-Петербург, 1905. – Вып. 2. – 47 с.

69. Однодневная перепись начальных школ империи, произведённая 18 января 1911 года. Азиатская Россия. Западно-Сибирский учебный округ, Восточная Сибирь, Приамурский край и Туркестан. – Санкт-Петербург, 1914. – Вып. 12–15. – 92 с.

70. Памятная книжка (вторая) Восточно-Сибирского учебного округа. Составлена по сведениям к 1-му января 1881 г. // под ред. Ю. А. Делеско. – Иркутск, 1881. – 347 с.

71. Памятная книжка Забайкальской области на 1891 г. – Чита, 1891. – 135 с.

72. Памятная книжка Забайкальской области на 1901 г. – Чита, 1901. – 435 с.

73. Памятная книжка Иркутской губернии на 1861 г. – Иркутск, 1861. – 216 с.

74. Памятная книжка управления гражданскими учебными заведениями Восточной Сибири на 1902 г. – Иркутск. 1902. – 380 с.

75. Россия 1913 год: статистико-документальный справ. – Санкт-Петербург: БЛИЦ. 1995.

76. Статистический ежегодник России. 1912–1916 гг. – Петроград. 1913–1918. – 2818 с.

77. Хронологический список высших и средних учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения, основанных или преобразованных с 1855 по 1880 гг. – Санкт-Петербург. 1880. – 36 с.

Периодическая печать

78. Вестник Европы. – Санкт-Петербург, 1882.

79. Вестник школы. – Санкт-Петербург, 1914.

80. Воспитание и обучение. – Москва. 1914.

81. Для народного учителя. – Москва, 1907.

82. Дальневосточное обозрение. – Санкт-Петербург, 1911.

83. Забайкальское обозрение – Чита. 1915.

84. Забайкальские областные ведомости. – Чита, 1900.

85. Сибирский архив. – Иркутск. 1912.

Ведомственные официальные издания

86. Журнал Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1876. – Ч. 183.

87. Журнал Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1835. – Ч. 6.

88. Журнал Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1841. – Ч. 30.

89. Журнал Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1859. – Ч. 102.
90. Журнал Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1875. – Ч. 169.
91. Журнал Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1880. – Ч. 209.
92. Журнал Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1880. – Ч. 219.
93. Журнал Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1887. – Ч. 255.
94. Журнал Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1889. – Ч. 262.
95. Журнал Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1889. – Ч. 287.
96. Журнал Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1890. – Ч. 268.
97. Журнал Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1890. – Ч. 159.
98. Журнал Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1900. – Ч. 331.
99. Журнал Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1889. – Ч. 340.
100. Журнал Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1884. – Ч. 233.

Статьи

101. Арсеньев, А. М. Против идеализации учительских семинарий / А. М. Арсеньев // Сов. педагогика. – 1947. – № 12. – С. 47–59.

102. Афанасьев, В. Ф. Якутская женская гимназия В. Ф. Афанасьев // В помощь учителю. – Якутск, 1966. – Вып. 31. – С. 117–119.

103. Блинов, А. В. Реализация принципов положений 1864 и 1874 гг. по управлению начальными народными училищами в рамках Западно-Сибирского учебного округа / А. В. Блинов // Изв. Алтайского гос. ун-та. – 2012. – № 4–1. – С. 27–32.

104. Блинов, А. В. Деятельность Томской дирекции народных училищ в конце XIX – начале XX в. / А. В. Блинов, О. А. Голикова // Вестн. КемГУ. – 2008. – № 2. – С. 21–23.

105. Быконя, Г. Ф. Народное образование на красноярской земле: первые шаги (Енисейское и Красноярское уездные училища в первой четверти XIX в.) / Г. Ф. Быконя, Е. В. Комлева // История науки и образования в Сибири: сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Красноярск, 15–16 нояб. 2005 г.) / отв. ред. Я. М. Кофман. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2006. – С. 91–97.

106. Веселов, В. Р. Великий Октябрь и становление народного образования / В. Р. Веселов // Новое в жизни, науке и технике. Сер. История и политика КПСС. – Москва: Знание, 1987. – № 5. – 64 с.

107. Виноградов, Н. Начальное образование в Якутской области и меры по его упорядочению / Н. Виноградов // Журнал МНП. – 1907. – № 7.

108. Гач, О. Б. О правах и правилах частных учебных заведений в дореволюционной России: к истории принятия закона 1914 года / О. Б. Гач // Вестн. ТГПУ. – 2012. – № 11. – С. 225–228.

109. Голикова, О. А. Проекты создания и открытие Дирекции народных училищ Западно-Сибирского учебного округа в конце XIX в. / О. А. Голикова // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных. – 2011. – С. 111–116.

110. Дамешек, Н. Л. Российское законодательство и Сибирь. Соотношение имперских принципов и регионализма // Россия и Сибирь. проблемы взаимодействия в региональной

политике в исторической ретроспективе: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 180-летию сибирских реформ М. М. Сперанского. – Иркутск: Отгиск, 2004. – 267 с.

111. Дамешек, Л. М. Генерал-губернаторский корпус Азиатской России: социологический портрет / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек // Вестн. Томского гос. ун-та. Сер. История. – 2014. – № 5. – С. 4–11.

112. Дамешек, Л. М. Азиатская Россия в имперских устремлениях особых комитетов империи во второй половине XIX – начале XX в. / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек // Вестн. БНЦ СО РАН. Сер. История. Этнография. – 2014. – № 4. – С. 201–211.

113. Днепров, Э. Д. Церковь, самодержавие и народная школа во второй половине XIX в. / Э. Д. Днепров // Вопр. истории педагогики. – 1972. – С. 18–39.

114. Дулов, А. В. Девичий институт Восточной Сибири – первенец женского среднего образования в Сибири / А. В. Дулов // Урбанизация и культурная жизнь Сибири: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Омск, 1995. – С. 161–162.

115. Еремин, А. И. Испытание зрелости в российской классической гимназии: чиновники, учителя, гимназисты, документация (конец XIX – начало XX в.) / А. И. Еремин // Новый ист. вестн. – 2014. – № 2. – С. 90–125.

116. Еремина, Т. И. Законодательное регулирование гражданского чиновничества учителей в XIX – начале XX в. Т. И. Еремина // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. – № 87. – С. 139–148.

117. Еремина, Т. И. Законодательное регулирование гражданской службы преподавателей университетов Российской империи в XIX – начале XX века / Т. И. Еремина // Науч. тр. РАУОН. – Вып. 13: в 2 т. Т. 2. – Москва: Юрист, 2013. – С. 871–875.

118. Еремина, Т. И. Статус педагогических работников: историко-правовой контекст проблемы / Т. И. Еремина // Страницы истории. Universum: Вестн. Герценовского ун-та. – 2010. – № 7. – С. 71–75.

119. Жилкина, О. Н. Из истории формирования учительского корпуса в восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. / О. Н. Жилкина // «Учителя, ученики»...: материалы региональной науч.-теоретической конф., посвящ. 90-летию В. И. Дулова: в 2 кн. – Кн. 1. – Иркутск: ИГПУ, 2003. – С. 96–99.

120. Захарова, Е. В. Верхнеудинское женское училище: период становления / Е. В. Захарова // Грамота. – 2013. – № 10. – Ч. 1. – С. 76–79.

121. Зверева, К. Е. Развитие потребности в просвещении у крестьянства Сибири (1861–1917 гг.) / К. Е. Зверева // Культурный образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX – начало XX в.): сб. науч. тр. / отв. ред. В. А. Зверев. – Новосибирск: Изд-во СО РАН: НИЦ ОИГГМ, 1997. – С. 56–73.

122. Зикеев, Н. В. Деятельность Д. Д. Семенова в Кубанской учительской семинарии / Н. В. Зикеев // Сов. педагогика – Москва; Ленинград: АПН, 1946. – № 4–5. – С. 93.

123. Ищенко, О. В. Развитие общего и профессионального образования в Сибири в XIX – начале XX в. / О. В. Ищенко // Грамота. – 2011. – № 2. – Ч. 3. – С. 82–85.

124. Казарин, Н. В. О забытом споре городов, или Почему и как Иркутск стал вторым университетским городом Сибири / Н. В. Казарин // Иркут. ист.-экон. ежегодник. – 2012. – С. 48–64.

125. Константинова, Т. А. «Генерал-майора Е. М. Жуковского назначить Военным губернатором Забайкальской области» / Т. А. Константинова // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. – 2016. – Т. 15. – С. 31–39.

126. Корейша, Я. Исторический очерк Иркутской губернской гимназии (1789–1905). Иркутское главное народное училище (1789–1805) / Я. Корейша. – Иркутск, 1910. – Вып. 1. – 75 с.

127. Корейша, Я. Исторический очерк Иркутской губернской гимназии (1789–1905). Губернская гимназия с 1805 по 1820 год / Я. Корейша. – Иркутск, 1915. – Вып. 2. – 304 с.

128. Корф, Н. А. Наши учительские семинарии / Н. А. Корф // Вестн. Европы. – 1883. – Т. 2. – Кн. 4. – 788 с.; – Т. 3. – Кн. 5. – С. 324–341.

129. Кочурин, С. А. Дореволюционные учительские институты Западной Сибири в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.) / С. А. Кочурин // Вестн. ТГПУ. – 2010. – Вып. 1. – С. 13–17.

130. Кузнецова, М. В. Изучение монгольского языка в Иркутске в начале XIX века / М. В. Кузнецова // Проблемы бурятской филологии и культуры. – Иркутск, 1995. – С. 12–13.

131. Линьков, А. И. Из жизни иркутской гражданской школы / А. И. Линьков // Тр. Иркут. учёной архивной комиссии. – 1913. – Вып. 1.

132. Линьков, А. И. Рост учебного дела в Восточной Сибири / А. И. Линьков // Сибирский архив. – 1912. – № 7. – С. 505–543.

133. Максимов, Е. Д. Очерки земской деятельности по подготовке и обеспечению учителей народных школ / Е. Д. Максимов // Народная шк. – 1888. – С. 27–35.

134. Матханова, Н. П. Деятельность генерал-губернаторов Восточной Сибири: закон и практика / Н. П. Матханова // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. – 2016. – Т. 15. – С. 22–31.

135. Миллер, И. Е. Краткое историческое обозрение учебных заведений в Иркутской губернии / И. Е. Миллер // Периодические сочинения об успехах народного просвещения. – 1810. – № 27. – С. 416–428.

136. Наумова, Н. Н. Школьная реформа П. А. Столыпина: опыт введения всеобщего обучения в Восточной Сибири (1906–1917) / Н. Н. Наумова // Иркут. ист.-экон. ежегодник. – 2015. – С. 432–439.

137. Недумов, И. О. О подготовке народных учителей / И. О. Недумов // Вестн. школы. – 1914. – № 2. – С. 12–17.

138. Неупокоев, И. В. Управление школьным делом в Тобольской губернии в конце XVIII–XX в. / И. В. Неупокоев // Образование и наука. – 2013. – № 1. – С. 58–73.

139. Овчинникова, М. П. Материалы по истории народного образования в Олѣкминском округе / М. П. Овчинникова // Сибирский архив. – 1912. – № 3. – С. 152–156.

140. Оглезнева, Г. В. Научные и культурно-просветительные общества дореволюционного Иркутска: опыт сравнительной характеристики / Г. В. Оглезнева // Изв. Иркут. гос. ун-та Сер. История. – 2016. – Т. 16. – С. 110–119.

141. Перова, О. В. Развитие сети учительских семинарий на территории Западной и Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / О. В. Перова // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. История. – 2014. – № 2. – С. 5–11.

142. Перова, О. В. Формирование нормативно-документальной базы деятельности правительственных учительских семинарий в России в 60–80 годах XIX в. / О. В. Перова // Вестн. ТГПУ. – 2010. – Вып. 9. – С. 149–154.

143. Перцев, В. В. Гимназическое образование в дореволюционной России / В. В. Перцев // Концепт. – 2013. – № 1. – С. 1–6.

144. Ремнев, А. В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX – XX веке: проблемы регионального управления / А. В. Ремнев // Отечественная история. – 1994 – № 2. – С. 51–69.

145. Ремнев, А. В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи / А. В. Ремнев // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). – Москва, 1997. – С. 52–66.

146. Русаков, С. История внешкольного образования в связи с вопросом о тейлоризации внешкольной работы / С. Русаков // Изв. Сибирского обл. политехнического института. – Томск, 1922. – Вып. 1.

147. Скубневский, В. А. Грамотность городского населения Сибири / В. А. Скубневский // Актуальные проблемы социологии, психологии и социальной работы. – Барнаул, 1994. – Вып. 3. – С. 242–253.

148. Шамахов, Ф. Ф. Динамика развития общеобразовательной школы Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. / Ф. Ф. Шамахов // Учёные записки Том. гос. пед. ин-та. – 1955.

149. Шамахов, Ф. Ф. Первые школы Западной Сибири / Ф. Ф. Шамахов // Учёные записки Том. гос. пед. ин-та. – 1949. – Т. 7.

150. Шиловский, М. В. Геополитическая значимость Азиатской России для России в XVII – начале XX в. / М. В. Шиловский // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. – Екатеринбург, 2008. – С. 648–653.

151. Щеплякова, Е. Н. Государственная политика в сфере социального статуса учителей Восточной Сибири: история. опыт, проблемы / Е. Н. Щеплякова // Magister Dixit. – 2012. – № 3. – С. 176–185.

152. Щеплякова, Е. Н. Учитель Иркутской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.) / Е. Н. Щеплякова // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. – 2014. – № 1.

153. Щеглова, Т. К. Сельское предпринимательство и его влияние на материальную культуру алтайской деревни в условиях модернизации (начало XX века) / Т. К. Щеглова // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX в.: сб. науч. тр. / под ред. Ю. М. Гончарова. – Барнаул: Аз Бука, 2005. – С. 206–225.

154. Юрганова, И. И. К вопросу о школьном образовании Якутии начала XX в.: губернатор И. И. Крафт и епископ Макарий / И. И. Юрганова // Вестн. Екатеринбургского ин-та. – 2014. – № 2. – С. 125–128.

Монографии

155. Актуальные вопросы историографии и источниковедения истории школы и педагогики / под ред. Э. Д. Днепров, О. Е. Кошелевой. – Москва: АПН СССР, 1986. – 230 с.

156. Алешинцев, И. А. История гимназического образования в России (XVIII и XIX вв.) / И. А. Алешинцев. – Санкт-Петербург, 1912. – 346 с.

157. Андреев, В. И. Хоринская средняя школа / В. И. Андреев. – Иркутск, 1958. – 54 с.

158. Андреев, В. И. История бурятской школы (1804–1926 гг.) / В. И. Андреев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. – 565 с.

159. Афанасьев, В. Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии / В. Ф. Афанасьев. – Якутск, 1966. – 344 с.

160. Бакай, Н. Н. К вопросу об изучении истории Сибири / Н. Н. Бакай. – Красноярск, 1890.

161. Бакай, Н. Н. К двадцатипятилетию Красноярской женской гимназии (1869–1894 гг.) / Н. Н. Бакай. – Красноярск: Тип. А. Д. Жилина, 1895.

162. Басалаев, А. Е. Церковно-приходские школы и школы грамоты Забайкальской области (1884–1917 гг.) / А. Е. Басалаев. – Чита, 2002. – 279 с.

163. Быконя, Г. Ф. Красноярск в дореволюционном прошлом (XVII–XIX века) / Г. Ф. Быконя, В. И. Фёдорова, Л. П. Бердников. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1990. – 304 с.

164. Василевич, В. П. Московский съезд представителей учительских обществ взаимопомощи. 1902–1903 гг. / В. П. Василевич. – Москва, 1905. – 170 с.

165. Вахтеров, В. П. Всенародное школьное и внешкольное образование / В. П. Вахтеров. – Петроград, 1917. – 168 с.

166. Веселовский, Б. Б. История земств за сорок лет / Б. Б. Веселовский. – Санкт-Петербург: Изд-во О. Н. Поповой, 1909. – Т. 1. – 729 с.

167. Веселовский, Б. Б. История земств за сорок лет / Б. Б. Веселовский. – Санкт-Петербург: Изд-во О. Н. Поповой, 1909. – Т. 2. – 696 с.

168. Веселовский, Б. Б. История земств за сорок лет / Б. Б. Веселовский. – Санкт-Петербург: Изд-во О. Н. Поповой, 1911. – Т. 3. – 307 с.

169. Веселовский, Б. Б. История земств за сорок лет / Б. Б. Веселовский. – Санкт-Петербург: Изд-во О. Н. Половой, 1911. – Т. 4. – 835 с.

170. Власов, В. А. Школа и общество: поиск путей обновления образования. Вторая половина XIX – первая треть XX в. / В. А. Власов. – Пенза, 1998. – 259 с.

171. Гадзятский, П. П. Деятельность Министерства народного образования в далёком Якутском крае / П. П. Гадзятский, Н. А. Перловский. – Иркутск, 1893.

172. Гусаров, В. И. Государственно-общественное образование / В. И. Гусаров. – Самара: НТЦ, 2006. – 496 с.

173. Дамешек, И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Сер. Азиатская Россия / И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек. – Иркутск, 2009. – 379 с.

174. Дамешек, Л. М. Народы Сибири в административной системе Азиатской России XVIII – начала XX века / Л. М. Дамешек. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. – 230 с.

175. Дамешек, Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.) / Л. М. Дамешек. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1986. – 165 с.

176. Дамешек, Л. М. Институт генерал-губернаторства Азиатской России и его особенности / Л. М. Дамешек. – Иркутск: Оттиск, 2011. – 128 с.

177. Данилыч (Иванов Ф. И.) Из опыта внешкольной работы (воспоминания о работе в дореволюционной деревне) / Данилыч (Ф. И. Иванов). – Москва, 1925.

178. Дерюжинский, В. Ф. Полицейское право: пособие для студ. / В. Ф. Дерюжинский. – Санкт-Петербург, 1908. – 552 с.

179. Днепров, Э. Д. Правительственная политика в области начального образования в конце 60-х – 70-х гг. XIX в. Э. Д. Днепров // Очерки истории школ и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. – Москва, 1976. – 481 с.

180. Днепров, Э. Д. Российское образование в XIX – начале XX в.: в 2 т. Т. 1 / Э. Д. Днепров. – Москва: Мариос, 2011. – 648 с.

181. Днепров, Э. Д. Российское образование в XIX – начале XX в.: в 2 т. Т. 2 / Э. Д. Днепров. – Москва: Мариос, 2011. – 672 с.

182. Днепров, Э. Д. Среднее женское образование в России / Э. Д. Днепров, Р. Ф. Усачева. – Москва, 2009. – 273 с.

183. Дулин, С. Г. Союз работников просвещения СССР в резолюциях его съездов и конференций / С. Г. Дулин. – Москва: Работник просвещения, 1925.

184. Егоров, А. Д. Гимназическое образование в России: ист. очерк / А. Д. Егоров. – Иваново, 1990. – 96 с.

185. Женские гимназии и прогимназии Министерства народного просвещения 1858–1905 гг. – Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. – 139 с.

186. Жолудев, Д. Г. Краткая история школ Красноярского края (до Великой Октябрьской социалистической революции) / Д. Г. Жолудев. – Енисейск, 1961. – 155 с.

187. Жураковский, В. М. Укрепление российской государственности: место и роль системы образования / В. М. Жураковский. – Москва: Гелиос, 2000. – 423 с.

188. Зайончковский, П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 60-х – начала 90-х годов) / П. А. Зайончковский. – Москва: Мысль, 1970. – 442 с.

189. Звягинцев, Е. А. Инспекция народных училищ / Е. А. Звягинцев. – Москва, 1914. – 132 с.

190. Звягинцев, Е. А. Полвека земской деятельности по народному образованию / Е. А. Звягинцев. – Москва, 1915. – 88 с.

191. Зеленко, В. А. Практика внешкольного образования в России / В. А. Зеленко. – Москва, 1922. – 241 с.

192. История СССР. С древнейших времен до наших дней: в 2 сер., в 12 т. гл. ред. Б. Н. Пономарев. – Москва: Наука, 1966–1980.

193. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 2 / гл. ред. А. П. Окладников. – Ленинград: Наука, 1968. – 458 с.

194. Кокоулин, К. Школы и грамотность в Киренском округе Иркутской губернии. Памятная книжка / К. Кокоулин. – Иркутск, 1895. – С. 70.

195. Константинов, Н. А. Очерки по истории советской школы за 30 лет / Н. А. Константинов, Е. Н. Медынский. – Москва: Учпедгиз, 1948. – 471 с.

196. Константинов, Н. А. История педагогики / Н. А. Константинов, Е. Н. Медынский, М. Ф. Шабаева. – Москва: Просвещение, 1982. – 447 с.

197. Константинов, Н. А. Очерки по истории начального образования в России / Н. А. Константинов, В. Я. Струминский. – Москва: Учпедгиз, 1949. – 206 с.

198. Константинова, Т. А. Губернаторы Забайкалья. 1851–1917 гг. / Т. А. Константинова. – Чита: Тип. Г. Г. Богданова, 2001. – 92 с.

199. Копылов, А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XX века / А. Н. Копылов. – Новосибирск, 1974. – 366 с.

200. Корейша, Я. Исторический очерк Иркутской губернской гимназии / Я. Корейша. – Иркутск, 1910, 1915. – Вып. 1, 2.

201. Корнилов, И. П. Задачи русского просвещения в его прошлом и настоящем / И. П. Корнилов. – Санкт-Петербург, 1902. – 342 с.

202. Кузнецова, М. В. Иркутская школа в XVIII – первой половине XIX в. / М. В. Кузнецова. – 2-е изд. – Иркутск, 2011. – 312 с.

203. Кузьмин, Н. Н. Учительские семинарии в России и их место в подготовке учителей начальной школы / Н. Н. Кузьмин. – Курган, 1970. – 102 с.

204. Лаурсон, А. М. Закон 19 декабря 1911 г. и правила об испытании лиц женского пола в знании курса высших учеб-

ных заведений и о порядке приобретения учёных степеней и звания учительницы средних учебных заведений / А. М. Лаврусон. – Санкт-Петербург, 1913. – С. 4.

205. Лейкина-Свирская, В. Г. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. / В. Г. Лейкина-Свирская. – Москва: Мысль, 1971. – 152 с.

206. Лейкина-Свирская, В. Г. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. / В. Г. Лейкина-Свирская. – Москва: Мысль, 1981. – 285 с.

207. Лиленкова, А. П. Из истории правительственной политики по начальному образованию в России в начале XX в. / А. П. Лиленкова. – Горький, 1981. – 215 с.

208. Лихачева, О. Е. Материалы для истории женского образования в России (1085–1856 гг.) / О. Е. Лихачева. – Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – 894 с.

209. Малиновский, Н. А. Народный учитель и революционное движение / Н. А. Малиновский. – Москва, 1926.

210. Маляревский, Г. Я. Очерки истории и современного состояния народного образования в Сибири / Г. Я. Маляревский. – Санкт-Петербург, 1896. – 88 с.

211. Мамкина, И. Н. Забайкальские учительские семинарии. 1900–1921 гг. / И. Н. Мамкина. – Чита: Поиск, 2008. – 168 с.

212. Матханова, Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX в. / Н. П. Матханова. – Новосибирск, 1998. – 428 с.

213. Меньшиков, Л. П. Из истории становления среднего педагогического образования в Иркутской области / Л. П. Меньшиков. – Иркутск: Изд-во ИПКРО, 2001. – 53 с.

214. Миллюков, П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 2. Церковь и школа (вера, творчество, образование) / П. Н. Миллюков. – Санкт-Петербург, 1897. – 375 с.

215. Миропольский, С. И. Школа и государство. Обязательность обучения в России / С. И. Миропольский. – Санкт-Петербург, 1883. – 260 с.

216. Михайлова, М. В. Общественные педагогические и просветительные организации дореволюционной России (середина XIX – начало XX в.) / М. В. Михайлова. – Москва: ИГП и МИО, 1993. – 164 с.

217. Нечаев, Н. В. Горнозаводские школы Урала / Н. В. Нечаев. – Москва: Трудорезервиздат, 1956. – 207 с.

218. Овцин, В. Развитие женского образования: ист. очерк / В. Овцин. – Санкт-Петербург, 1887. – 42 с.

219. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. / отв. ред. А. И. Пискунов. – Москва: Педагогика, 1976. – 600 с.

220. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Конец XIX – начало XX в. / под ред. Э. Д. Днепров, С. Ф. Егорова, Ф. Г. Паначина, Б. К. Тебиева. – Москва: Педагогика, 1991. – 379 с.

221. Павлов, А. А. Профессиональные и средние школы Якутии: (XVIII – начало XX в.) / А. А. Павлов. – Якутск: Бичик, 2013. – 176 с.

222. Паначин, Ф. Г. Педагогическое образование в России / Ф. Г. Паначин. – Москва: Педагогика, 1979. – 216 с.

223. Паначин, Ф. Г. Учителство и революционное движение в России (XIX – нач. XX в.) / Ф. Г. Паначин. – Москва: Педагогика, 1986. – 119 с.

224. Панчуков, А. П. История начальной и средней школы Восточной Сибири / А. П. Панчуков. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1956. – 512 с.

225. Паршин, В. Поездка в Забайкальский край / В. Паршин. – Москва, 1841.

226. Пиллер, О. Итоги женского образования в России и его задачи / О. Пиллер. – Санкт-Петербург, 1888. – 104 с.

227. Пирумова, Н. М. Земская интеллигенция и её роль в общественной борьбе до начала XX в. / Н. М. Пирумова. – Москва: Наука, 1986. – 270 с.

228. Рабецкая, З. И. Иркутская вторая женская Н. С. Хаминова гимназия 1879–1920 гг. / З. И. Рабецкая. – Иркутск, 2008. – 137 с.

229. Ремнев, А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века / А. В. Ремнев. – Омск, 1995. – 237 с.

230. Ремнев, А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX века. А. В. Ремнев. – Омск, 1997. – 253 с.

231. Рождественский, С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения / С. В. Рождественский. – Санкт-Петербург, 1902. – 776 с.

232. Семивский, Н. В. Новейшие, любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири / Н. В. Семивский. – Санкт-Петербург, 1917. – 472 с.

233. Слобцов, П. А. Историческое обозрение Сибири / П. А. Слобцов. – Санкт-Петербург: Тип. И. Н. Скороходова. 1886. – 765 с.

234. Смирнов, В. З. Реформа начальной и средней школы в 60-х годах XIX в. / В. З. Смирнов. – Москва: АПН РСФСР. 1954. – 310 с.

235. Соколовский, П. Э. Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае / П. Э. Соколовский. – Харьков: Тип. Зильберберг и С-вья. 1914. – 305 с.

236. Сучков, И. В. Учителство России в кон. XIX – нач. XX в. И. В. Сучков. – Москва: Альфа. 1994. – 126 с.

237. Ушинский, К. Д. Избранные труды. Кн. 2. Русская школа / К. Д. Ушинский. – Москва: Дрофа, 2005. – 448 с.

238. Ушинский, К. Д. Человек как предмет воспитания: пед. соч. / К. Д. Ушинский. – Москва: Ленинград, 1950. – Т. 8. – 776 с.

239. Фальборк, Г. А. Настольная книга по народному образованию: законы, распоряжения, инструкции, уставы, справочные сведения и пр. / Г. А. Фальборк, В. И. Чернодуский. – Санкт-Петербург: Знание, 1901. – Т. 2. – 1538 с.

240. Фармаковский, В. И. Начальная школа Министерства народного просвещения (по официальным источникам) / В. И. Фармаковский. – Санкт-Петербург: Рус. шк., 1900. – 200 с.

241. Чарнолуцкий, В. И. Настольная книга по народному образованию: законы, распоряжения, инструкции, уставы, справочные сведения и пр. / В. И. Чарнолуцкий. – Санкт-Петербург, 1911. – Т. 4. – 788 с.

242. Чарнолуцкий, В. И. Учительские семинарии и школы: систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций, программ и справочных сведений / В. И. Чарнолуцкий, Г. А. Фальборк. – Санкт-Петербург, 1901. – 237 с.

243. Чарнолуцкий, В. И. Народное образование в России / В. И. Чарнолуцкий, Г. А. Фальборк. – Санкт-Петербург: Изд-во О. Н. Поповой, 1900. – 263 с.

244. Чехов, Н. В. Народное образование в России с 60-х годов XIX в. / Н. В. Чехов. – Москва, 1912. – 224 с.

245. Чехов, Н. В. Типы русской школы в их историческом развитии / Н. В. Чехов. – Москва: Мир, 1923. – 148 с.

246. Шакиров, Р. В. Школа и общество: системно-концептуальный анализ реформ образования в России в XX в. / Р. В. Шакиров. – Казань, 1997. – 271 с.

247. Школа и педагогическая мысль России периода двух буржуазных революций: сб. науч. тр. / под ред. Э. Д. Днепров. – Москва: АПН СССР, 1884. – 246 с.

248. Школа России накануне и в период революции 1905–1907 гг.: сб. науч. тр. / под ред. Э. Д. Днепров и Б. К. Тибеева. – Москва: АПН СССР, 1885. – 219 с.

249. Штамм, С. И. Управление народным образованием в СССР 1917–1936 гг. / С. И. Штамм. – Москва: Наука, 1985. – 282 с.

250. Щеглов, И. В. Некоторые исторические сведения об Иркутской губернской гимназии / И. В. Щеглов. – Иркутск, 1881.

251. Шукин, Н. С. Поездка в Якутск / Н. С. Шукин. – Санкт-Петербург: Тип. Вингебера, 1833. – 231 с.

252. Юрцовский, Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири / Н. С. Юрцовский. – Новониколаевск, 1923. – 304 с.

Интернет-ресурсы

253. Гаращенко, Л. В. Бодайбинское реальное училище / Л. В. Гаращенко. – Режим доступа: irkipedia.ru (дата обращения: 05.06.16).

254. Гаращенко, Л. В. Киренское уездное училище. Иркпедия / Л. В. Гаращенко. – Режим доступа: <http://irkipedia.ru> (дата обращения: 05.07.2016).

255. Еремина, Т. И. Награждения и поощрения учителей на государственной службе в начале XX века: науч.-пед. журн. 2006 / Т. И. Еремина. – Режим доступа: www.emmissia.org (дата обращения: 05.07.2016).

256. Здание мужской гимназии. Архитектура Красноярска. – Режим доступа: <http://www.krasplace.ru/zdanie-muzhskoj-gimnazii> (дата обращения: 23.08.2016).

257. Иркутское городское начальное училище имени М. В. Ломоносова. – Режим доступа: <http://irkipedia.ru> (дата обращения: 31.07.2016).

258. История почётного гражданства в Ачинске. – Режим доступа: <http://adm-achinsk.ru> (дата обращения: 12.06.2016).

259. Коваленко, В. А. Некоторые аспекты вклада Орловских губернаторов в культурном развитии губернии В. А. Коваленко. – Режим доступа: <http://ist-konkurs.ru> (дата обращения: 12.06.2016).

260. Колмаков, Ю. П. Здания бывшей Иркутской мужской гимназии – историко-революционный памятник Ю. П. Колмаков. – Режим доступа: <http://www.magnit-baikal.ru> (дата обращения: 22.08.2016).

261. Лебедев, А. Якутск, который мы потеряли А. Лебедев. – Режим доступа: <http://www.nvpress.ru/society/10794> (дата обращения: 24.08.2016).

262. Максимов, Л. А. Учебные заведения Кяхты – Троицкосавска в дореволюционный период Л. А. Максимов. – Режим доступа: <http://www.profistar.ru> (дата обращения: 28.05.2016).

263. Оглезнева, Т. Н. «Жителям тамошнего края представить способ к обучению» / Т. Н. Оглезнева. – Режим доступа: <http://www.sakhaopenworld.org/ilin/2000-2/33.htm> (дата обращения: 12.04.16).

264. Сеченова, А. А. Управление учебными заведениями Западной Сибири до учреждения учебного округа (1803–1885 гг.) / А. А. Сеченова // Проблемы и перспективы развития психологии и педагогики: материалы междунар. заочной науч.-практ. конф. (Новосибирск, 2011 г.). – Режим доступа: <http://www.sibac.info> (дата обращения: 12.06.16).

265. Сулимов, В. С. Развитие светского женского образования в Tobольской губернии середины XIX века / В. С. Сулимов // Политика, государство и право. – 2014. – № 8. – Режим доступа: <http://www.politika.spauka.ru/2014/08/1822> (дата обращения: 12.07.2016).

266. Федорова, В. И. 105 лет с начала введения всеобщего начального образования в Красноярске. Календарь знаменательных и памятных дат на 2013 г. / В. И. Федорова. – Режим доступа: igbis.kraslib.ru (дата обращения: 31.07.2016).

267. Юндунова, Д. Второе в Сибири сельское приходское училище / Д. Юндунова. – Режим доступа: <http://www.zabaykal.net> (дата обращения: 27.05.2016).

Авторефераты и диссертации

268. Алешкина, Т. В. Становление среднего педагогического образования в Забайкалье: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Т. В. Алешкина. – Чита, 2004. – 207 с.

269. Базарова, Е. Т. Формирование учительской интеллигенции в Бурятии в 20–30 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е. Т. Базарова. – Улан-Удэ, 1999. – 173 с.

270. Голикова, О. А. Создание и развитие системы управления начальными школами Западно-Сибирского учебного округа: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О. А. Голикова. – Кемерово, 2012. – 202 с.

271. Захарова, Е. В. История становления и развития женских учебных заведений Забайкалья (середина XIX – начало 20-х гг. XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е. В. Захарова. – Улан-Удэ, 2015. – 297 с.

272. Кузьменко, И. А. Профессионально-педагогическая направленность обучения будущих учителей в дореволюционных учительских семинариях: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / И. А. Кузьменко. – Москва, 2001. – 241 с.

273. Маркова, И. Б. Управление Сибирью в 20–60-е гг. XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И. Б. Маркова. – Новосибирск, 1985.

274. Нагайцева, Н. Д. Благотворительность в Забайкалье в XIX в.: исторический аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н. Д. Нагайцева. – Улан-Удэ, 2000. – 19 с.

275. Наумова, Н. Н. Церковно-приходские школы и школы грамоты Восточной Сибири (1884–1917 гг.): на материалах Иркутской и Енисейской епархий: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н. Н. Наумова. – Иркутск, 2002. – 249 с.

276. Поздняков, А. И. Государство и общество в реформировании российского школьного образования: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / А. И. Поздняков. – Саратов, 2005. – 537 с.

277. Рыбалова, Е. А. История женских гимназий России во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е. А. Рыбалова. – Москва, 2004. – 211 с.

278. Смотров, И. В. Становление и развитие гимназического образования России в XIX – начале XX века: на примере Орловской губернии: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / И. В. Смотров. – Саратов, 2003.

279. Ташбекова, И. Ю. Государственная политика Российской империи в социальной сфере: вторая половина XIX – начало XX века (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / И. Ю. Ташбекова. – Москва, 2012. – 51 с.

280. Чапоргина, Н. А. Общеобразовательная школа Восточной Сибири как фактор социокультурного развития края

(на материалах пореформенного периода XIX в.): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Н. А. Чапоргина. – Москва: МГПУ, 1996. – 18 с.

281. Черепанова, И. В. Государственная служба Российской империи XIX века (теоретическое исследование): дис. канд. ... юрид. наук: 12.00.14 / И. В. Черепанова. – Омск, 2001. – 233 с.

282. Шилов, А. И. Средняя школа Восточной Сибири конца XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / А. И. Шилов. – Красноярск, 1996. – 223 с.

Библиографические указатели, энциклопедии, хрестоматии

283. Антология педагогической мысли России XVIII в. / под ред. Г. Н. Волкова, С. Ф. Егорова, А. Н. Копылова. – Москва: Педагогика, 1985. – 478 с.

284. Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. (до реформ 60-х гг.) / сост. П. А. Лебедев. – Москва: Педагогика, 1987. – 560 с.

285. Иркутские повествования. 1661–1917 годы: в 2 т. / авт.-сост. А. К. Чернигов. – Иркутск: Оттиск, 2003. – 464 с.

286. Константинова, Т. А. Верхнеудинское уездное училище / Т. А. Константинова; гл. ред. Р. Ф. Геннатулин // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Т. 2. А–З. – Новосибирск: Наука, 2004. – С. 184.

287. Литвинцев, А. Ю. Малевич Анатолий Николаевич / А. Ю. Литвинцев; гл. ред. Р. Ф. Геннатулин // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Т. 3. И–Р. – Новосибирск: Наука, 2006. – С. 224.

288. Почётные граждане города Якутска. 1889–2011: библиогр. справ. / сост. И. В. Уваровская; / Окр. администрация гор. округа «Город Якутск»; Отдел нац. и краевед. лит. Централ. гор. б-ки им. В. Г. Белинского. – 2-е изд., перераб. и доп. – Якутск: Смик-Мастер: Полиграфия, 2012. – 205 с.

289. Студенцов, Г. В. Народное образование в дореволюционной Якутии / Г. В. Студенцов // Культурная революция в Якутии (1917–1934 гг.): сб. документов и материалов. – Якутск: Якуткнигиздат, 1968. – С. 14–18.

290. Хрестоматия по истории педагогики. Т. 4. История русской педагогики с древнейших времен до Великой пролетарской революции: для высш. пед. учеб. заведений / сост. Н. А. Желваков. – 1938. – Ч. 2. – 516 с.

Научное издание

Мамкина Инна Николаевна

**РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ (1864–1917 ГГ.)**

Редактор В. К. Демиденко
Вёрстка Н. Ю. Добрецкой

Подписано в печать 14.10.2016.

Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Способ печати цифровой.

Усл. печ. л. 18,4 . Уч.-изд. л. 15,3.

Заказ № 16262. Тираж 500 экз.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30